

БЕСПРЕДЕЛ

СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Брайан Уокер

Беспредел современной России

Брайан Уокер

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Дом на песке

Глава 2. Чужая война

Глава 3. Тишина в эфире

Глава 4. Возвращение тени

Глава 5. Цена приказа

Глава 6. Облава

Глава 7. Семейный суд

Глава 8. Нити ведут в тень

Глава 9. Пепел на снегу

Глава 10. Запретная территория

Глава 11. Диалоги в пустоте

Глава 12. Цифровая блокада

Глава 13. Искушение ума

Глава 14. Сопротивление материала

Глава 15. Находка

Глава 16. Мотив маньяка

Глава 17. Химия распада

Глава 18. Одержимость смертью

Глава 19. Дивеевское братство

Глава 20. Молитва о войне

Глава 21. Пробуждение Валерия

Глава 22. Разговор с отцом

Глава 23. Природа страха

Глава 24. Подготовка к удару

Глава 25. Точка невозврата

Глава 26. Исход

Глава 27. Свет во тьме

Пролог

Снег в ту ночь казался неестественно синим от мигалок полицейских машин, плотным кольцом оцепивших фермерское хозяйство. Морозный воздух, обычно пахнувший в это время года печным дымом и хвоей, теперь был пропитан густым, тошнотворным смрадом горячей плоти и солярки. На окраине села, прямо на утопанном снегу, полыхал огромный костер.

Нина Николаевна не кричала. Она стояла на крыльце, накинув поверх ночной рубашки старый пуховик, и смотрела, как люди в черной форме без опознавательных знаков волокут к огню тушу ее любимой коровы Зорьки. Лицо женщины окаменело, превратившись в серую маску, по которой беззвучно катились слезы, тут же замерзая на ветру. В этих коровах, курах и свиньях была заключена вся ее жизнь — десятилетия тяжелого, беспросветного, но честного труда, благодаря которому ее сыновья выбились в люди. Теперь эта жизнь превращалась в жирный черный дым, уходящий в равнодушное сибирское небо.

Рядом с ней топтался Владимир Яковлевич. Еще недавно — гроза семьи, непререкаемый авторитет, ветеран, вернувшийся из плена с уверенностью в своей исключительной правоте. Сейчас он выглядел жалким, ссутулившимся стариком. Его руки, привыкшие сжимать руль совхозного грузовика, а позже — автоматный приклад, теперь беспомощно дрожали.

— Да что ж вы делаете, ироды? — пробормотал он, делая неуверенный шаг вперед. — Я же за вас кровь проливал... Я же свой! У меня награды! Путину напишу, слышите?!

Один из людей в черном, стоявший ближе к крыльцу, медленно повернул голову. Лицо его было скрыто балаклавой, виднелись лишь глаза — пустые, стеклянные, выполняющие инструкцию. Он ничего не ответил, просто перехватил поудобнее короткий автомат, давая понять, что любое движение за пределы крыльца будет расценено как угроза. Никаких объяснений — только помятая копия распоряжения о карантине и акт об изъятии животных, которые Владимиру сунули под нос полчаса назад, не дав толком прочитать.

Никита стоял чуть поодаль, в тени навеса, и наблюдал за происходящим. Он учился на юрфаке и верил в силу закона. Но то, что разворачивалось перед его глазами, не имело

к закону никакого отношения. Это была чистая, ничем не прикрытая сила, перемалывающая человеческие судьбы с механическим равнодушием.

Он смотрел на отца, который всю жизнь истово верил телевизору, с пеной у рта доказывал мудрость власти и готов был растерзать любого, кто сомневался в правильности курса. Владимир Яковлевич искренне считал себя частью этой великой силы. И вот теперь эта самая сила пришла в его дом, чтобы забрать последнее, не удосужившись даже объяснить причину.

«Что толкает людей перекладывать ответственность за свою жизнь на закон, если этот закон написан преступниками?» — мысль, давно зревшая в голове Никиты, сейчас обрела физическую плотность. Он перевел взгляд на пламя. В этом огне горело не просто хозяйство его матери. Там сгорала иллюзия безопасности.

Никита достал телефон и сделал несколько снимков, стараясь, чтобы щелчок камеры не привлек внимания оцепления. Он еще не знал, что этот ночной кошмар — лишь отголосок куда более масштабной катастрофы. Он не знал, что приказ об уничтожении скота, лишаящий тысячи семей средств к существованию, прошел по тем же самым бюрократическим каналам, по которым годами ранее проходили сфабрикованные экспертизы, ломавшие жизни инакомыслящим.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от среднего брата, Артема: «Они заблокировали еще три узла связи. Телеграм ложится. Ты как там?».

Никита быстро набрал ответ: «У нас уничтожают скот. Оцепление. Все как мы читали в тех документах. Механизм запущен на полную».

Он убрал телефон и снова посмотрел на отца. Владимир Яковлевич осел на ступеньки, обхватив голову руками. Вся его картина мира, выстроенная на речах пропагандистов и слепой вере в непогрешимость системы, рушилась с оглушительным треском.

Никита шагнул из тени к матери, обнял ее за вздрагивающие плечи. Впереди предстояла долгая ночь. И еще более долгий путь к пониманию того, чья именно невидимая рука дергает за ниточки в этом театре теней, заставляя миллионы людей добровольно отдавать свой разум, свою свободу, а теперь — и свою жизнь, на алтарь безумия, выстроенного одним человеком. Расследование, начавшееся как попытка защитить близких от нелепых обвинений в сектантстве, привело братьев к самому краю

бездны. И теперь им предстояло заглянуть в нее, чтобы попытаться остановить жернова, перемалывающие целую нацию.

Глава 1. Дом на песке

Густой, сизый сумрак раннего сибирского вечера плотно облегал бревенчатые стены просторного дома. На улице, где мороз уже начал высушивать влажный воздух, превращая дыхание в колючий пар, кипела невидимая для постороннего глаза, но непрерывная, изматывающая жизнь. Нина Николаевна, женщина пятидесяти лет, чье лицо давно утратило мягкость молодости, сменив ее на пергаментную сухость постоянного труда, несла два тяжелых оцинкованных ведра с пойлом для свиней. Ее тело, укутанное в старую, местами прожженную телогрейку, двигалось с механической ритмичностью.

Огромное фермерское хозяйство — девять дойных коров, требующих двухразовой дойки, чистки и внимания, три вечно голодные свиньи, пара десятков кроликов, чьи клетки нужно было регулярно вычищать от смерзшегося навоза, и тридцать кур — все это держалось исключительно на ее огрубевших руках. Нина Николаевна не жаловалась. В ее картине мира труд был не просто обязанностью, он был единственным известным ей способом существования, формой молчаливой молитвы и жертвы ради семьи. Именно эти коровы, чье теплое дыхание согревало хлев, именно эти мозоли на ее ладонях позволили в свое время поставить на ноги троих сыновей, дать им образование, вытолкнуть их из деревенской грязи в ту, другую, городскую жизнь. Она была фундаментом этого дома, его несущей конструкцией, о которой никто не вспоминал, пока она исправно несла свой колоссальный груз.

Пока Нина Николаевна, тяжело дыша, давала корм скотине, в самом доме, в просторной гостиной, царила совершенно иная атмосфера. Здесь было жарко натоплено, пахло жареным мясом и свежим хлебом, а пространство было плотно заполнено густым, вибрирующим звуком телевизора.

Владимир Яковлевич, глава семейства, сидел во главе большого дубового стола. В свои пятьдесят два года он сохранил грузную, медвежью статью. Бывший заведующий гаражом в совхозе, он привык повелевать, кричать на нерадивых трактористов и требовать беспрекословного подчинения. Когда совхоз развалился, а должность исчезла, потребность властвовать никуда не делась, она лишь сжалась до размеров собственной семьи. Владимир Яковлевич нашел новую опору для своего эгоцентризма в мерцающем экране плазменного телевизора.

Сейчас он смотрел вечерний выпуск новостей. На экране известный ведущий в черном френче, брызгая слюной, распинался о геополитических врагах, о величии государства и о необходимости жестких мер. Владимир Яковлевич не просто смотрел — он впитывал эту агрессию, он сливался с ней. Его лицо, налитое нездоровым багровым румянцем, отражало каждую эмоцию диктора. Более того, за последние годы он перенял манеру речи своего кумира. Он научился так же саркастически кривить губы, так же рубить воздух тяжелой ладонью, так же задавать риторические вопросы, не терпящие возражений. Для него президент был фигурой сакральной, непогрешимой, абсолютным мерилом истины. Любое сомнение в правильности курса воспринималось Владимиром Яковлевичем как личное оскорбление, как предательство.

Семейная система, выстроенная им, представляла собой закрытый тип с жесткими внутренними границами и патологическим распределением ролей. Это был классический микроклимат, где доминировало авторитарное давление со стороны старшего поколения. Владимир Яковлевич использовал методы подавления и манипуляции, чтобы поддерживать свой статус непререкаемого авторитета. Всякий, кто осмеливался иметь иное мнение, немедленно подвергался жесточайшей словесной экзекуции.

Дверь хлопнула, впуслав клуб морозного пара. В дом вошли сыновья, приехавшие на выходные.

Старший, Валерий, тридцати двух лет, вошел первым. Офицер, человек с жестким, колючим взглядом и военной выправкой, которую он не оставлял даже в гражданской одежде. Валерий с детства видел тяжелый, беспросветный труд матери и для себя решил твердо: он так жить не будет. Армия дала ему статус, хорошие деньги, понятную иерархию и легальное право смотреть на гражданских свысока. Он разделял взгляды отца, но не из слепой веры, а из холодного, циничного расчета. Государство платит ему

за лояльность, значит, государство право. Валерий по-хозяйски сел за стол, одобрительно кивнув отцу, который как раз комментировал очередной сюжет о «зачистке земли-матушки от супостатов».

Следом, нехотя стягивая куртку, прошел средний сын — двадцатисемилетний Артем. Программист, живущий в райцентре, он выглядел чужеродным элементом в этом доме. На его лице блуждала отстраненная полуулыбка. Артем был абсолютным прагматиком и атеистом. Его ум, острый и холодный, как скальпель, давно вдоль и поперек изучил окружающую реальность и пришел к выводу: общество, политика, идеология — все это белый шум. Имеет значение только личный комфорт, и заработок. Пока отец с пеной у рта доказывал Валерию необходимость жесткой руки, Артем сел за стол, достал смартфон и погрузился в архитектуру нового IT-проекта. Семейные споры его не трогали. Он понимал, что его финансовая независимость делает его неуязвимым для отцовского гнева. Владимир Яковлевич это тоже чувствовал, и потому Артема недолюбливал, инстинктивно ощущая, что рычагов давления на среднего сына у него больше нет.

Последним в комнату тихо вошел Никита. Младший, двадцатилетний студент юридического факультета. В отличие от братьев, Никита не обладал ни циничной броней Валерия, ни цифровой отстраненностью Артема. Его сознание представляло собой крайне чувствительный нерв. Изучая право, он постоянно сталкивался с мучительными философскими парадоксами, которые не давали ему покоя.

Нина Николаевна, наконец закончив с хозяйством, вошла в дом. Не снимая рабочей одежды, лишь вымыв руки, она начала метать на стол: дымящуюся картошку, соленые огурцы, толстые куски домашней буженины. Она двигалась почти бесшумно, стараясь не привлекать к себе внимания, словно тень, обслуживающая этот театр мужских амбиций.

— Вот так с ними и надо! — грохнул кулаком по столу Владимир Яковлевич, реагируя на слова телеведущего. — Безжалостно! Пятая колонна, развелось умников! Президент все правильно делает. Мудрейший человек. Если сказал, что надо зачищать, значит, будем зачищать. Верно я говорю, Валера?

— Так точно, батя, — усмехнулся Валерий, наливая себе в рюмку водки. — Приказ есть приказ. Наше дело выполнять, а не рассуждать. Государство лучше знает, кто враг.

Артем, не отрывая взгляда от экрана телефона, механически отправил в рот кусок мяса.

Никита смотрел на отца, на брата, на сгорбленную спину матери у плиты. В его голове роились вопросы. Он думал о своих однокурсниках, о лекциях по теории государства и права. «Какое моральное право юристы имеют защищать заведомых преступников? — размышлял он, глядя на самодовольное лицо Валерия. — Жить по законам или по чести? И кто формирует эти законы? Если закон написан теми, кто презирает человеческую жизнь, то подчинение этому закону — это добродетель или соучастие в преступлении?»

— А ты чего молчишь, студент? — Владимир Яковлевич вдруг перевел тяжелый взгляд на младшего сына. Ему нужна была аудитория, нужно было полное, тотальное согласие. — Чего насупился? Или в своих университетах нахватался либеральной заразы?

Никита медленно положил вилку. Он знал, что любой ответ, кроме покорного согласия, вызовет бурю. Но молчать больше не было физических сил. Атмосфера в комнате стала плотной, удушливой.

— Я просто думаю, пап, — тихо, но отчетливо произнес Никита. — Думаю о том, что такое патриотизм.

— Что тут думать?! — взвился отец, мгновенно перенимая интонацию пропагандистов: подбородок вздернут, глаза сужены, голос сочится ядовитым сарказмом. — Патриотизм — это когда ты за свою Родину глотку готов перегрызть любому супостату! Когда ты стоишь за своего лидера горой!

— Но чем отличается патриотизм от любви к родине? — не отступал Никита, глядя прямо в налитые кровью глаза отца. — Любовь — это созидание. А то, что говорят по телевизору — это ненависть. Какое право имеет патриот одной страны убивать патриота другой страны, если оба считают, что защищают свою землю? Какой патриот правильный в таком случае?

За столом повисла мертвая тишина. Даже Артем на секунду оторвался от экрана смартфона, удивленно приподняв бровь. Валерий перестал жевать, его лицо окаменело. Нина Николаевна замерла у раковины с тарелкой в руках, с ужасом ожидая взрыва.

— Что ты сказал? — голос Владимира Яковлевича упал до зловещего шепота, предвещающего ураган. — Ты кого сейчас уравнил? Нас и этих... нацистов?!

— Я никого не уравниваю, — Никита почувствовал, как по спине потекла капля холодного пота, но отступить было поздно. — Я спрашиваю: как выглядит патриотизм с точки зрения Бога? Если власть имущий отдает приказ к уничтожению группы людей, а приказ заведомо преступный, то действие человека должно определяться законом или совестью? Что толкает людей перекладывать ответственность за свои поступки на закон, если они знают, что творят зло?

Лицо Владимира Яковлевича пошло красными пятнами. Вены на его толстой шее вздулись.

— Ах ты, философ выискался! Совесть у него! Бог! Да что ты знаешь о жизни?! Ты пороку не нюхал! Настоящие мужики должны Родину защищать, мать родную, а не сопли жевать со своими размышлениями! Автомат бы тебе в руки выдать, живо бы дурь из башки вылетела!

Он навис над столом, тяжело опираясь на столешницу кулаками. В этот момент он был страшен — воплощение слепой, нерассуждающей силы, готовой раздавить любого, кто посмеет усомниться в ее правоте. Это был тот самый деструктивный нарциссизм, взращенный годами безнаказанной власти в гараже и подпитанный телевизионной пропагандой. Он не слышал аргументов, он видел лишь угрозу своему авторитету.

— Бать, остынь, — примирительно, но с ноткой превосходства бросил Валерий. — Что с него взять? Юрист. Бумажная душа. Жизни не видел. Попадет в настоящую передрагу — сам прибежит за спины прятаться.

Артем молча пожал плечами, снова уткнувшись в телефон. Для него эта сцена была лишь неэффективной тратой энергии. Зачем спорить с алгоритмом, который запрограммирован только на один ответ?

Никита смотрел на отца снизу вверх. Он не чувствовал страха, только глубокую тоску. Он видел перед собой человека, который добровольно отдал свой разум на аутсорсинг людям из телевизора. Человека, который готов был растерзать собственного сына за то, что тот посмел задать вопрос о милосердии.

— Садитесь, Володя, остынет же, — робко подала голос Нина Николаевна. Она подошла, тихо подняла упавший стул и поставила его на место. В ее глазах стояли слезы, которые она привычно смаргивала.

Владимир Яковлевич тяжело опустился на стул, все еще тяжело дыша и сверля младшего сына холодным взглядом.

— Еще одно такое слово в моем доме, — процедил он сквозь зубы, — и ноги твоей здесь не будет. Понял? Искатель духовности хренов. Толку от тебя никакого, одно пустословие.

Никита ничего не ответил. Он перевел взгляд на темное окно, за которым выл сибирский ветер. В отражении стекла он видел свою семью: разъяренного отца, циничного брата-офицера, равнодушного брата-программиста и мать, молчаливо несущую свой крест. Этот дом казался крепким, сложенным из толстых бревен, но сейчас Никита физически ощущал, что он стоит на песке. На зыбком песке чужих лозунгов, слепой ненависти и подавленной воли. И когда подует настоящий ветер, этот фундамент не выдержит.

Телевизор продолжал вещать, наполняя комнату искусственным гневом, и никто за этим столом еще не знал, какие именно жернова уже начали свое медленное, неотвратимое вращение, готовясь перемолоть их судьбы.

Глава 2. Чужая война

Сборы напоминали подготовку к великому, почти сакральному таинству, хотя со стороны выглядели как суетливая и шумная упаковка громоздких вещей. Весна 2023 года выдалась в Сибири промозглой, дороги в райцентре раскисли, превратившись в вязкое месиво, но Владимира Яковлевича это совершенно не заботило. Он двигался по просторному двору с юношеской энергией, от которой домашние старались держаться подальше. На шестом десятке лет он внезапно обрел то, чего ему так мучительно не хватало долгие годы — масштабную, историческую цель.

На широком деревянном крыльце были разложены новенькие вещи: тактический рюкзак цвета хаки, тяжелые берцы с массивной подошвой, спальный мешок, какие-то подсумки и карабины. Владимир Яковлевич собирался на фронт добровольцем. Он был абсолютно, железобетонно уверен в своей миссии. В его сознании не было полутонов: там, на западе, находилось абсолютное зло, супостаты, посягнувшие на святое, а здесь, в его лице, собиралась в кулак праведная сила, призванная зачистить землю-матушку.

Артем сидел на ступеньках крыльца, чуть в стороне от разложенной амуниции. На нем была легкая городская куртка, в руках он держал бумажный стаканчик с кофе, купленный по дороге из города. Он наблюдал за отцом с отстраненным любопытством биолога, изучающего странное поведение забавного жука.

— Тёма, ты бы хоть помог, — тяжело дыша, бросил Владимир Яковлевич, пытаясь затянуть тугой ремень на рюкзаке. — Стоишь, как неродной. Мне бы еще тепловизор нормальный взять. Ребята говорят, без него ночью как слепой котенок. Скинулся бы отцу на снаряжение. Ты же у нас богатый, за компьютером своим миллионы гребешь.

Артем сделал неторопливый глоток кофе, поморщился — напиток уже остыл — и спокойно посмотрел на отца.

— Смысл, пап? — голос Артема звучал ровно, без вызова, но с той ледяной прагматичностью, которая всегда выводила Владимира Яковлевича из себя. — Давай просто посчитаем. Ты туда едешь зачем? Если мир спасать, то его и без тебя спасут, там людей хватает. А если за деньгами, то математика вообще не сходится.

— Какая еще математика?! — Владимир Яковлевич бросил рюкзак, его лицо начало наливаться привычным багровым цветом. — Ты о чем вообще говоришь, торгаш?! Родина в опасности!

— Я говорю о рентабельности, — Артем даже не пошевелился. — Я за месяц пишу код, который приносит мне больше, чем твои боевые выплаты за несколько месяцев. При этом я сижу в теплом кресле, в безопасности, и в меня никто не стреляет. Риск не вернуться оттуда — огромный. Риск остаться калекой — еще больше. Зачем мне спонсировать твою поездку, которая с финансовой и логической точки зрения абсолютно бессмысленна? Это плохая инвестиция. Я пас.

Владимир Яковлевич замер, хватая ртом холодный воздух. В его картине мира слова сына звучали как чудовищное богохульство.

— Инвестиция... — прохрипел он, сжимая пудовые кулаки. — Ты жизнь меряешь своими кодами! Там история вершится! Там настоящие мужики кровь проливают, чтобы ты тут мог свой кофе хлебать! У тебя вместо души — калькулятор!

— Зато мой калькулятор не требует никого убивать, чтобы сойтись в плюсе, — парировал Артем, поднимаясь со ступенек. Он выбросил пустой стаканчик в урну у ворот. — Твой выбор, пап. Хочешь играть в войну — играй. Но за свой счет. Удачи.

Артем развернулся и пошел к своей машине, оставив отца кипеть от бессильной ярости среди разложенного на крыльце тактического снаряжения. Владимир Яковлевич долго смотрел ему вслед, тяжело дыша, а затем с удвоенной силой принялся затягивать ремни, бормоча проклятия в адрес поколения, потерявшего всякие ориентиры.

Никита наблюдал за этой сценой из окна своей комнаты. Проводив отца, который уехал на сборный пункт с гордо поднятой головой, чувствуя себя спасителем отечества, Никита погрузился в тяжелые размышления.

Реальность войны, которая раньше существовала только в телевизоре и в громких речах отца, начала стремительно проникать в ткань повседневной жизни райцентра. Она расплзалась по улицам, меняя людей, ломая судьбы и выворачивая наизнанку привычные понятия о добре и зле.

Спустя несколько недель Никита столкнулся с этой новой реальностью лицом к лицу. Он шел по центральной улице городка, направляясь в библиотеку, когда рядом с ним, обдав ноги грязными брызгами из лужи, резко затормозил массивный, сверкающий черным глянец китайский кроссовер. Стекло плавно опустилось, и из салона, пахнущего дорогим парфюмом и новой кожей, выглянуло знакомое лицо.

— О, юристам салют! — раздался громкий, самоуверенный голос. — Какими судьбами пешком грязь месишь?

Это был Женька Смирнов. Они просидели за одной партой три года в старших классах. Женька никогда не хватал звезд с неба, перебивался с тройки на четверку, а после школы работал на местной пилораме, вечно жалуясь на безденежье и сварливую жену. Сейчас перед Никитой сидел совершенно другой человек. Женька раздался в плечах, на нем была дорогая брендовая куртка, а на запястье, небрежно лежащем на руле, поблескивали массивные часы.

— Привет, Женя, — Никита остановился, с удивлением разглядывая бывшего одноклассника. — Машина новая?

— А то! — Женька довольно хлопнул ладонью по рулю. — Из салона брал, в максимальной комплектации. Садись, прокачу!

Никита нехотя открыл дверь и сел на пассажирское сиденье. В салоне играла громкая музыка, которую Женька тут же убавил.

— Я тебе так скажу, брат, — начал Женька, выруливая на проспект. — Жизнь-то налаживается. Я же контракт подписал, годик там оттрубил. Вот, в отпуск приехал. Ипотеку закрыл полностью, прикинь? Жене тачку взял, правда, попроще, подержанную, но она пищит от радости. Сейчас вот ремонт на даче затеял. Через недельку обратно поеду. Пока платят такие бабки, надо брать. Когда бы я на своей пилораме столько поднял? Да никогда в жизни. Сгнил бы там в опилках.

Никита смотрел на профиль бывшего одноклассника. Женька говорил о войне так, словно съездил на вахту на Север — тяжело, грязно, но прибыльно. В его голосе не было ни надрыва, ни идеологического пафоса, которым так гордился отец Никиты. Только голый, первобытный восторг от внезапно свалившегося богатства.

— Жень, — тихо спросил Никита, глядя на крепкие руки одноклассника, уверенно крутящие руль. — А как там... ну, вообще? Ты же понимаешь, за что именно тебе платят. Стрелять в людей. Как с этим жить потом?

Женька на секунду нахмурился, его лицо стало жестким, но он тут же отмахнулся, криво усмехнувшись.

— Ой, да брось ты эти сопли студенческие, Никитос. Ты в своих книжках засиделся. Там все просто: либо ты, либо тебя. Мне за мою работу платят, я приказ выполняю. Я семью обеспечиваю, понимаешь? А кто там прав, кто виноват — пусть начальники в Москве разбираются. У них головы большие, они законы пишут. Раз государство говорит, что так надо, значит, так надо. Мое дело маленькое.

Он высадил Никиту у библиотеки, на прощание посигналив, и умчался вдаль, оставляя за собой шлейф выхлопных газов и тяжелое, давящее чувство тошноты.

Никита стоял на тротуаре, глядя вслед удаляющейся машине. Слова Женьки эхом бились в голове. «Мое дело маленькое. Государство говорит, что так надо». Вот оно, то самое перекалывание ответственности, о котором Никита так часто думал на лекциях

по праву. Человек добровольно отказывается от собственной совести, передавая право решать, что есть добро, а что зло, безликому аппарату власти. И этот аппарат платит за такую покорность.

Но настоящая, леденящая кровь цена этой сделки открылась Никите спустя полтора месяца.

В начале лета райцентр облетела весть, от которой даже привыкшие ко всему местные жители притихли. Вернулся Витька Черепанов. Еще один одноклассник Никиты. Тихий, застенчивый парень, который в школе всегда делился последним бутербродом и краснел, когда его вызывали к доске. Витька ушел по контракту полтора года назад. Ушел не из-за патриотизма и не из-за жажды крови. У него накопились микрозаймы, коллекторы угрожали матери, и контракт казался единственным выходом из финансовой петли. Он пошел за «длинной монетой», надеясь быстро расплатиться с долгами и вернуться к своей тихой, незаметной жизни.

Он вернулся. В закрытом цинковом гробу.

Похороны проходили на старом городском кладбище, на окраине, где сосны вплотную подступали к могилам. День выдался пасмурным, низкие серые облака цеплялись за верхушки деревьев. Возле свежевырытой ямы собралась небольшая толпа.

Никита стоял чуть поодаль, не в силах оторвать взгляд от тускло поблескивающего металла. Цинковый гроб был наглухо запаян. В этом было что-то глубоко противоестественное, страшное. Металл скрывал правду. Он не позволял живым увидеть то, во что превращается человек, попавший в жернова войны. Ходили слухи, что от Витьки почти ничего не осталось, только фрагменты, которые пришлось собирать по частям.

Мать Витьки, Мария Ивановна, маленькая, иссохшая женщина, не плакала. Она издавала жуткий, монотонный вой, раскачиваясь из стороны в сторону, словно сломанный маятник. Две соседки держали ее под руки, боясь, что она рухнет в сырую землю.

Военком, тучный майор с равнодушным, усталым лицом, читал по бумажке стандартную речь. Слова падали в холодный воздух, как мертвые камни: «герой», «выполнил свой долг», «защитил отечество», «не забудем». Каждое слово было ложью. Никита знал это, Женька Смирнов, стоявший в толпе в своей дорогой куртке, знал это, все присутствующие знали это. Витька не хотел быть героем. Он просто хотел отдать

долги. И система предоставила ему такую возможность, взяв в качестве оплаты его жизнь.

Когда комья сырой земли гулко застучали по цинковой крышке, Никита отвернулся и пошел прочь с кладбища. Ему нужно было дышать. Воздух среди могил казался отравленным.

Он шел по обочине дороги, ведущей в город, и мысли его были тяжелыми, как свинцовые гири. Перед его внутренним взором стояли два образа: сверкающий кроссовер Женьки и тусклый цинк Витькиного гроба. Две стороны одной медали. Два исхода одной и той же сделки с совестью.

«А можно ли зарабатывать, забирая жизни других людей? — спрашивал себя Никита, глядя на серую ленту асфальта. — Будет ли в этом счастье?»

Женька купил квартиру, машину, сделал ремонт. Он считает себя счастливым. Но из чего построено это счастье? Если человек покупает кирпичи для своего дома на деньги, полученные за убийство другого человека, не проступает ли кровь на стенах этого дома? Как можно спокойно спать в теплой постели, зная, что она куплена ценой чьей-то оторванной руки или пробитой головы?

Никита думал о праве и законе. Юриспруденция учила его, что закон — это высшая форма общественного договора, призванная защищать жизнь и достоинство. Но что делать, если сам закон становится инструментом расчеловечивания?

Люди, подобные Женьке, не рождаются убийцами. Их делает такими система, которая сначала загоняет их в беспросветную бедность на пилорамах, а затем предлагает щедрый выход — через кровь. И они соглашаются, прячась за удобную ширму приказа: «Я просто выполняю работу».

Но Бог не мыслит категориями государственных приказов. Для Него нет разницы между патриотом одной страны и патриотом другой. Для Него есть только человек и его выбор. И выбор этот совершается не в высоких кабинетах, а в сердце каждого отдельного Жени, Вити или Владимира Яковлевича.

Никита остановился на холме, с которого открывался вид на райцентр. Серые крыши домов, дым из труб, суeta маленьких жизней. Где-то там, в одном из этих домов, Женька обнимает жену, радуясь новой машине. А на кладбище за спиной Никиты в сырую землю опускают запаянный ящик с тем, что осталось от Витьки.

И самое страшное заключалось в том, что общество приняло эти правила игры. Оно согласилось обменивать жизни своих сыновей на закрытые ипотеки и подержанные иномарки. Механизм был запущен, и остановить его казалось невозможным. Никита еще не знал, кто именно стоит за глобальным перепрограммированием сознания миллионов людей, кто методично, год за годом, вытравливал из них способность к состраданию. Но стоя на этом холодном ветру, он твердо понял одно: он не станет частью этой сделки. Даже если ради этого придется пойти против собственной семьи, против закона и против всего этого обезумевшего мира.

Глава 3. Тишина в эфире

Лето 2023 года выдалось в Сибири аномально жарким и сухим. Густая, неподвижная духота висела над селом, заставляя собак прятаться в глубокую тень под сараями, а людей — передвигаться короткими перебежками от одного укрытия к другому. Но для Нины Николаевны погода не имела никакого значения. Природа могла плавиться от зноя или замерзать в ледяном панцире, а расписание на ферме оставалось неизменным, высеченным в камне ее ежедневного, изматывающего долга.

Дойные коровы требовали колоссального ухода. Тридцать кур, кролики, вечно голодные свиньи — все это огромное, дышащее, мычащее и требующее пищи хозяйство держалось исключительно на ее плечах. С тех пор как Владимир Яковлевич уехал на фронт, провозгласив себя защитником отечества, физическая нагрузка на Нину Николаевну возросла многократно, но страшнее физической усталости была та пустота, которая поселилась в доме.

Первые недели Владимир звонил часто. Его голосовые сообщения в мессенджере были полны бравады, пересказов телевизионных штампов и снисходительных поучений. Он вещал с позиции человека, прикоснувшегося к великой исторической правде. А потом, ровно через три месяца после его отъезда, в середине июля, эфир внезапно оборвался.

Сначала Нина Николаевна ждала вечернего звонка, сидя на кухне и гипнотизируя старенький смартфон. Затем прошли сутки, трое, неделя. Абонент был вне зоны действия сети. Никаких официальных извещений, никаких звонков от сослуживцев. Просто глухая, непроницаемая тишина, словно человека стерли из реальности.

Чтобы не сойти с ума от тревоги, Нина Николаевна выбрала единственный известный ей способ защиты — она удвоила работу. Она вставала в четыре утра, когда над лугами еще висел сизый туман, и шла в хлев. Она чистила стойла с остервенением, до боли в суставах вымывала бидоны для молока, бралась за ту мужскую работу, которую раньше хотя бы изредка выполнял муж. Ее руки, покрытые сеткой вздувшихся вен и глубокими трещинами, двигались механически. Труд стал ее анестезией. Пока она таскала тяжелые ведра с пойлом, у нее не оставалось сил на мысли о том, где сейчас находится тело ее мужа — в сыром окопе, в госпитале или в безымянной воронке под чужим небом.

Дом без Владимира Яковлевича изменился до неузнаваемости. Огромный плазменный телевизор в гостиной, который раньше работал сутками напролет, изрыгая проклятия политических ток-шоу, теперь стоял выключенным. Его черный, пыльный экран отражал лишь пустую комнату. Из дома исчез крик. Исчезло постоянное, давящее ожидание вспышки гнева, придирок к не так поставленной чашке или недостаточно горячему супу.

Именно эту перемену острее всего почувствовал Никита, приехав на выходные из города, чтобы помочь матери с заготовкой сена.

Он вошел в прохладные сени, снял кроссовки и прошел на кухню. Мать стояла у плиты, тихо помешивая варенье в медном тазу. Не было ни грохота телевизора, ни тяжелых шагов отца, ни его безапелляционного голоса, требующего внимания. Воздух в доме, казалось, стал легче, прозрачнее. Можно было просто сесть за стол, налить себе чаю и смотреть в окно, не ожидая удара в спину в виде вопроса о политической позиции или упрека в «либеральной мягкотелости».

Никита сделал глоток горячего чая, почувствовал, как расслабляются мышцы спины, и в этот самый момент его накрыло удушливой, липкой волной вины.

Он поймал себя на мысли, что ему хорошо. Ему было физически и психологически комфортно от того, что отца нет дома. Человек, давший ему жизнь, сейчас, возможно,

лежал где-то со смертельной раной, пропавший без вести в мясорубке чужой войны, а его родной сын сидел на светлой кухне и наслаждался тишиной.

«Какое же я чудовище, — подумал Никита, глядя на сторбленную спину матери. — Я радуюсь свободе, которая куплена ценой его исчезновения».

Этот внутренний конфликт разрывал его на части. Как будущий юрист, он привык раскладывать ситуации на составляющие. На семинарах по гражданскому праву они недавно разбирали процедуру признания гражданина безвестно отсутствующим. Никита помнил сухие строчки статьи 42 Гражданского кодекса: если в течение года в месте жительства гражданина нет сведений о месте его пребывания... Закон оперировал сроками, бумагами, справками. Но закон ничего не говорил о том, что делать с совестью.

Отец был домашним диктатором, самодуром, человеком, который методично вытравливал из семьи любое инакомыслие. Жить с ним было невыносимо. Но желать ему смерти или радоваться его исчезновению — значило уподобиться тем самым людям, которые с экранов телевизоров призывали к уничтожению врагов. Если ты радуешься исчезновению тирана, не становишься ли ты сам носителем той же разрушительной энергии? Никита смотрел на пустой стул во главе стола и понимал, что диктатура отца не закончилась с его отъездом. Она просто переместилась внутрь самого Никиты, превратившись в разъедающее чувство вины.

Совершенно иные процессы происходили в жизни старшего брата. Для Валерия война, на которую уехал отец, и в которой он сам принимал участие, стала не философской проблемой, а мощным финансовым трамплином.

В августе 2023 года, пока Нина Николаевна сходила с ума от неизвестности, Валерий занимался обустройством своего быта. Боевые выплаты, надбавки и премии за участие в боевых задачах регулярно падали на его банковский счет, превращаясь в солидный капитал. Валерий всегда считал, что государство обязано ему за его службу, и теперь он брал свое.

Он решил инвестировать в недвижимость. 14 августа Валерий подписал договор долевого участия с застройщиком на покупку просторной двухкомнатной квартиры в новом жилом комплексе на окраине областного центра. Сумма сделки составила шесть с половиной миллионов рублей, большую часть из которых Валерий внес наличными, снятыми со своего зарплатного счета.

Квартира предназначалась для Натальи.

Наталья была женщиной прагматичной, с холодным, оценивающим взглядом и безупречным маникюром. Ей было двадцать восемь, и она давно поняла, что любовь — это ресурс, который нужно выгодно конвертировать. Скверный характер Валерия, его грубость и привычка командовать ее совершенно не смущали, пока эти недостатки компенсировались регулярными переводами на карту.

Они стояли посреди бетонной коробки будущей квартиры.

— Здесь будет гардеробная, — Наталья уверенно чертила в воздухе линии пальцем с красивым маникюром. — А стену между кухней и гостиной мы снесем. Я уже нашла дизайнера, берет недорого, всего триста тысяч за проект. Переведешь мне завтра?

Валерий смотрел на нее, прислонившись к холодной бетонной стене. Он не был дураком. Офицерская школа и годы службы научили его разбираться в людях. Он прекрасно видел, что Наталья смотрит не на него, а сквозь него — на его банковский счет, на его статус, на те возможности, которые открывала его военная карьера. Она не спрашивала, как он спит по ночам, не интересовалась, что он видел там, за ленточкой. Ее интересовали только сроки сдачи объекта и стоимость итальянской плитки.

Но Валерия это устраивало. Это была честная, прозрачная сделка. Он покупал иллюзию семьи, красивую картинку, статус успешного мужчины, который может позволить себе содержать эффектную женщину. Он хотел сына, наследника, чтобы закрыть гештальт перед отцом, который постоянно требовал продолжения рода. Наталья, правда, от разговоров о детях технично уходила, ссылаясь на то, что сначала нужно «встать на ноги» и закончить ремонт.

— Переведу, — коротко бросил Валерий, отрываясь от стены. — Завтра утром деньги будут у тебя.

Он вышел на балкон, закурил, глядя на строительные краны. Где-то там, в тысячах километров отсюда, пропал без вести его отец. Где-то там в грязи и крови гибли люди. Валерий стряхнул пепел вниз. Он считал, что заслужил это право на комфорт. Он проливал кровь, он выполнял приказы, и теперь система щедро расплачивалась с ним. Вопросы морали он оставлял таким чистоплюям, как его младший брат.

Тем временем в райцентре, в уютной, кондиционируемой квартире, средний брат Артем выстраивал свою собственную, абсолютно непроницаемую реальность.

Его мир состоял из алгоритмов, дедлайнов и чистого, логичного кода. Внешние события проникали в эту квартиру только в виде сухих новостных сводок, которые Артем просматривал по диагонали за утренним кофе. Исчезновение отца не вызвало у него ни паники, ни глубокой скорби. Для Артема это было лишь изменением вводных данных в уравнении.

Лиза, его девушка, сидела на ковре в позе лотоса, перебирая деревянные четки. Она тихо напевала мантры, погруженная в свою кришнаитскую практику. Артема это ничуть не раздражало. Напротив, он находил в этом определенную гармонию. Лиза была удобной, порядочной, она не требовала от него эмоционального вовлечения в ее духовные поиски, а он, в свою очередь, обеспечивал ей комфортный быт. Это был идеальный симбиоз двух людей, живущих под одной крышей, но в параллельных вселенных.

На столе завибрировал телефон. На экране высветилось: «Мама».

Артем нехотя оторвал взгляд от монитора, где компилировался сложный кусок кода, и нажал кнопку ответа.

— Тёма... — голос Нины Николаевны дрожал, в нем слышались сдерживаемые слезы. — Опять ничего. Я в военкомат звонила, они говорят, информации нет. Ждите. Как же так, Тёма? Человек же не иголка...

Артем вздохнул, откинувшись в компьютерном кресле. Он включил режим громкой связи, чтобы освободить руки.

— Мам, давай рассуждать логически, — его голос звучал ровно, как у диктора, читающего прогноз погоды. — Там сейчас активная фаза. Работают системы радиоэлектронной борьбы. Глушат многие сигналы. Отсутствие связи в таких условиях — это статистическая норма, а не исключение. Вероятность того, что он просто сидит без интернета довольно высокая. Паниковать нерационально. Ты только нервную систему себе разрушаешь.

— Да какая статистика, сынок... — всхлипнула мать. — Сердце же не на месте. Хоть бы весточку какую.

— Эмоции здесь не помогут, — отрезал Артем. — Будет информация — нам сообщат. У системы есть протоколы на этот счет. Иди лучше отдохни, ты себя загонишь с этим хозяйством.

Он нажал отбой, не дожидаясь ответа. Лиза, закончив круг на четках, открыла глаза и посмотрела на него с мягкой, отстраненной улыбкой.

— Мама переживает? — тихо спросила она.

— У нее повышенный уровень тревожности из-за недостатка информации, — сухо констатировал Артем, возвращая руки на клавиатуру. — Это пройдет, когда ситуация разрешится в ту или другую сторону. Определенность всегда лучше неопределенности.

Он снова погрузился в код, мгновенно вычеркнув из сознания и слезы матери, и пропавшего отца. Его броня была идеальной. Ничто не могло пробить этот панцирь из прагматизма и холодного расчета.

А в это время, за десятки километров от райцентра, на старой ферме стремительно темнело. Нина Николаевна закончила вечернюю дойку. Она вымыла руки под умывальником во дворе, вытерла их жестким вафельным полотенцем и медленно вошла в пустой, темный дом. Она не стала включать свет в коридоре. Пройдя на кухню, она опустилась на табуретку у окна.

За стеклом сгущалась сибирская ночь. В доме стояла абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем старых ходиков на стене. Нина Николаевна смотрела на пустой стул во главе стола. Тень от оконной рамы падала на него так, что казалось, будто там кто-то сидит — невидимый, молчаливый, тяжелый. Она не знала, жив ли ее муж, вернется ли он когда-нибудь в этот дом, или эта тишина теперь останется с ней навсегда, став единственным памятником человеку, который ушел искать врагов, оставив после себя лишь пустоту.

Глава 4. Возвращение тени

Воздух в доме стал другим. Если раньше, до исчезновения, тяжелая, давящая аура Владимира Яковлевича заполняла собой все пространство, заставляя домочадцев инстинктивно вжимать головы в плечи, то теперь эта тяжесть приобрела совершенно иное, болезненное свойство. Он вернулся поздней осенью, спустя больше года после

того, как перестал выходить на связь. Вернулся по обмену пленными, пройдя через госпитали и проверки после плена.

Физически это был другой человек. От прежней медвежьей стати, от грузной, налитой кровью уверенности бывшего завгара не осталось и следа. Кожа приобрела землистый, пепельный оттенок и туго обтянула заострившиеся скулы. Одежда висела на нем, как на вешалке, а дыхание сопровождалось постоянным, глухим клекотом где-то в глубине впалой груди. Он с трудом поднимался по ступенькам крыльца, опираясь на тяжелую суковатую палку, и каждый шаг давался ему с видимым усилием.

Но парадокс заключался в том, что по мере того, как усыхало и слабело его тело, его эго, его внутренний диктатор разрастался до поистине чудовищных, гротескных размеров. Плен не сломил его гордыню, а, напротив, выковал из нее непробиваемую броню. Теперь он был не просто главой семьи, чье слово закон. Он возвел себя в ранг мученика, живого памятника, носителя абсолютной, выстраданной истины. Любое несогласие с ним теперь трактовалось не просто как непослушание, а как кощунство, как предательство крови, которую он, по его собственному глубокому убеждению, проливал за них всех.

В первые дни после его возвращения Нина Николаевна суежилась вокруг мужа с удвоенной, почти лихорадочной энергией. Она варила наваристые бульоны, заваривала травы, пыталась укутать его ноги шерстяным пледом. Но очень скоро ее робкая радость от того, что муж оказался жив, сменилась глухим, парализующим оцепенением. Владимир Яковлевич принимал ее заботу не с благодарностью, а с брезгливой снисходительностью божества, принимающего положенные ему подношения. Он стал еще более желчным, еще более требовательным. Его физическая немощ требовала компенсации в виде тотального психологического подавления окружающих.

В субботу, когда за большим дубовым столом собрались сыновья, эта новая, удушливая реальность проявилась во всей своей пугающей полноте.

Владимир Яковлевич сидел во главе стола. Перед ним стояла нетронутая тарелка с едой — аппетит он потерял давно, но сам ритуал застолья, где он выступал в роли центрального солнца, вокруг которого вращаются планеты, был ему жизненно необходим. Его ввалившиеся глаза лихорадочно блестели, перебегая от одного сына к другому.

— Вы смотрите на меня и думаете: старик сдал, — хрипло, с присвистом начал он, обводя взглядом Валерия, Артема и Никиту. — Думаете, раз исхудал, раз кашляю кровью, значит, списали со счетов? Ошибаетесь. Я там, в ямах этих, такое понял, что вам в ваших теплых квартирах вовек не постичь. Я за вас, щенков, здоровье положил. Чтобы вы тут жрали сладко да спали мягко.

Он закашлялся, долго и мучительно, прикрывая рот скомканным платком. Нина Николаевна дернулась было подать ему воды, но он остановил ее резким, злым жестом иссохшей руки.

— Сиди! — рявкнул он. — Не помираю еще. Рано хороните. Мне еще нужно увидеть, ради чего я эту землю зубами грыз. Ради чего род наш продолжается.

Он тяжело повернулся к старшему сыну. Валерий сидел прямо, сохраняя привычную офицерскую выправку, но в его глазах читалось напряжение. Он привык уважать силу, а перед ним сидел физически сломленный человек, чья власть держалась исключительно на чувстве вины, которое он методично вколачивал в своих детей.

— Вот ты, Валера, — голос отца стал тише, но от этого зазвучал еще более угрожающе. — Офицер. При деньгах. Квартиры покупаешь. А толку с твоих бетонов? Где наследник?

— Бать, ну мы же обсуждали, — Валерий попытался свести разговор к привычной, безопасной формуле. — Время сейчас такое. Нестабильное.

— Время всегда нестабильное! — грохнул кулаком по столу Владимир Яковлевич. Удар получился слабым, чашки лишь жалобно звякнули, но ярость в голосе компенсировала недостаток физической силы. — Ты на дядю своего посмотри, на Сергея Яковлевича! У него уже трое внуков! Трое пацанов бегают, фамилию нашу носят! Род крепнет! А у меня что?

— У тебя внучка есть от Валеры, — тихо, не поднимая глаз от тарелки, произнес Никита.

Лицо отца мгновенно пошло красными, нездоровыми пятнами. Он подался вперед, сверля младшего сына ненавидящим взглядом.

— Внучка? От этой вертихвостки Катьки? — он презрительно сплюнул на пол, не обращая внимания на сжавшуюся мать. — Девка — это отрезанный ломоть! Выскочит замуж, возьмет чужую фамилию, и поминай как звали. Мне корень нужен! Семья! Чтобы

фамилия звучала, чтобы было кому землю эту передать, за которую я кровь харкал! А ты, Валера, все с бабами своими возишься, которые только в кошелек твой смотрят. Сына мне дай! Это твой долг передо мной. Понял?

Валерий молча кивнул, сжав челюсти. В глубине души он понимал, что отец прав в одном: Наталья действительно смотрела только в его кошелек. И сам Валерий хотел сына не столько из внутреннего, глубинного желания стать отцом, сколько для того, чтобы закрыть эту зияющую потребность Владимира Яковлевича, откупиться от его упреков живым свертком, носящим нужную фамилию.

Удовлетворившись покорностью старшего, отец перевел тяжелый, воспаленный взгляд на Артема. Средний сын, как обычно, сидел с непроницаемым лицом. Его финансовая независимость всегда была для Владимира Яковлевича костью в горле. Отца бесило, что он не может пригрозить Артему рублем, не может выгнать его из дома, потому что Артем давно построил свой собственный, недостижимый для отцовского гнева мир. И поскольку ударить по кошельку было невозможно, Владимир Яковлевич решил бить по самому, как ему казалось, уязвимому месту.

— А ты чего ухмыляешься, программист? — прошипел отец, хотя Артем даже не думал улыбаться. — Думаешь, самый умный? Денег наворовал в своих интернетах и сидишь, как сыр в масле? А живешь с кем?

Артем медленно положил вилку и посмотрел отцу прямо в глаза. В его взгляде не было ни страха, ни уважения — только холодный, аналитический интерес.

— Я живу с Лизой, пап. Ты прекрасно знаешь ее имя. Мы вместе уже несколько лет.

— С Лизой! — передразнил Владимир Яковлевич, и на его губах выступила белая пена. Он начал заводиться, распаляя сам себя, копируя интонации тех самых телевизионных экспертов, которые годами формировали его картину мира. — С сектанткой ты живешь! С опасной, ненормальной сектанткой! Ты слепой, что ли? Или она тебя своими мантрами опоила?

— Папа, давай без ярлыков, — ровным, лишенным эмоций голосом ответил Артем. — Ее религиозные взгляды — это ее личное дело. На наш быт это не влияет. Она порядочный человек.

— Порядочный?! — отец сорвался на хриплый крик, заходясь в новом приступе кашля. Отдышавшись, он продолжил с удвоенной злобой: — Да она из тебя всю кровь высосет! Оберут до нитки твои кришнаиты, по миру пустят! Ты посмотри на себя, ты же зомбированный! Вы сколько лет вместе? Где дети?! А я тебе скажу, где! Ей запрещают! Там, в ее секте этой тоталитарной, ей запрещают рожать от нормального русского мужика! Им только деньги твои нужны!

Артем тяжело вздохнул, словно столкнулся с багом в программе, который невозможно исправить из-за устаревшего железа.

— Это антинаучный бред, — спокойно констатировал он. — Никто ей ничего не запрещает. Мы просто пока не планируем детей. Это вопрос экономической целесообразности и личного комфорта, а не мифических запретов. Твои страхи иррациональны и базируются на телевизионных штампах, а не на фактах.

Слова «экономическая целесообразность» подействовали на Владимира Яковлевича как красная тряпка на быка. Он не понимал этих терминов, но инстинктивно чувствовал в них превосходство чужого, холодного интеллекта над его выстраданной, первобытной правдой.

— Торгаш! — выплюнул он. — У тебя вместо сердца — счет в банке! Ты променял родную кровь на подстилку сектантскую! Да я таких, как она, там, на фронте...

Он не договорил, задохнувшись от собственной ненависти. Нина Николаевна, не выдержав, тихо заплакала, убирая со стола пустые тарелки. Ее слезы только сильнее разозлили мужа.

Никита сидел, сцепив руки на коленях так крепко, что костяшки пальцев побелели. Он смотрел на отца и видел перед собой не героя, не защитника, а глубоко больного, разрушенного изнутри человека. Плен искалечил его тело, но идеология, которую он впитал задолго до войны, сожрала его душу. Он вернулся в свой дом не для того, чтобы найти здесь покой, а для того, чтобы превратить его в филиал того ада, из которого он вырвался.

Вечером, когда Валерий уехал в город, а Артем заперся в отведенной ему комнате, Никита вышел на крыльцо. Воздух был морозным, пахло близким снегом и печным дымом. На скамейке, кутаясь в старый тулуп, сидел Владимир Яковлевич. Он курил дешевую сигарету, жадно затягиваясь, несмотря на свой кашель. В темноте огонек сигареты пульсировал, как маленький, злой глаз.

Никита сел рядом. Некоторое время они молчали. Слышно было только, как в хлеву тяжело вздыхают коровы — единственное богатство, которое еще держало эту семью на плаву благодаря каторжному труду матери.

— Пап, — тихо начал Никита, тщательно подбирая слова. — Зачем ты так с Артемом? Зачем ты так с мамой?

Отец не повернул головы. Он выпустил струю сизого дыма в морозное небо.

— А как с вами надо? Вы же расслабились тут. Жизни не нюхали.

— Ты столько пережил, — Никита попытался вложить в свой голос всю ту эмпатию, на которую был способен. Он искренне хотел пробиться сквозь эту броню из агрессии и боли. — Ты был на краю смерти. Ты сидел в плену, в нечеловеческих условиях. Неужели там, в темноте, тебе не хотелось просто тишины? Неужели, пройдя через такой ад, ты не понял, что единственное, что имеет смысл — это милосердие? Простое человеческое тепло. Зачем ты принес войну сюда, в наш дом?

Владимир Яковлевич медленно повернул голову. В тусклом свете фонаря его лицо казалось высеченным из серого камня. Глубокие морщины пролегли от носа к уголкам губ, придавая лицу выражение вечного, застывшего презрения.

— Милосердие? — он произнес это слово так, словно раскусил гнилой орех. — Ты, студент, в своих книжках юридических совсем мозги размягчил. Милосердие — это для слабаков. Для тех, кто боится ударить первым.

— Но ведь сила не в том, чтобы ломать других, — не отступал Никита, чувствуя, как внутри нарастает отчаяние. — Сила в том, чтобы уметь прощать. Уметь принимать людей такими, какие они есть. Лиза ни в чем не виновата. Артем имеет право на свою жизнь. А ты требуешь от нас не любви, ты требуешь подчинения. Как командир от солдат. Но мы не твои солдаты, пап. Мы твои дети.

Отец издал короткий, лающий смешок, перешедший в булькающий кашель. Он бросил окурок в снег и растер его тяжелым ботинком.

— Дети... — прохрипел он. — Дети должны продолжать дело отцов. А вы что продолжаете? Один за юбку сектантскую держится, другой мне тут про милосердие сопلي жует. Искатель духовности выискался. Ты думаешь, ты Бога понял? Ты думаешь, твои рассуждения чего-то стоят в реальном мире?

Владимир Яковлевич тяжело поднялся, опираясь на палку. Он навис над сидящим Никитой, и в этот момент его физическая слабость парадоксальным образом исчезла, уступив место темной, давящей энергии фанатика.

— В реальном мире, сынок, прав тот, у кого есть воля. Я свою волю там, в плену, не сломал. Я выжил, потому что знал: я прав. За мной — великая страна, за мной — правда. А за тобой что? Пустые слова о любви? Да твою любовь первый же встречный с автоматом в грязь втопчет. Настоящий мужик должен уметь ненавидеть врага. А вы... вы все мягкотелые. Тьфу.

Он развернулся и, тяжело шаркая ногами, пошел в дом. Дверь за ним захлопнулась с глухим стуком, отрезая Никиту от тепла.

Никита остался сидеть на холодном крыльце. Морозный воздух обжигал легкие. Он смотрел на темные окна родительского дома и понимал страшную вещь. Его отец не вернулся из плена. То физическое тело, которое сидело сегодня за столом, требовало внуков и проклинали невестку, было лишь оболочкой. Настоящий Владимир Яковлевич навсегда остался там, в окопах и подвалах, растворившись в слепой, разрушительной идеологии.

Человек, вернувшийся в этот дом, был идеальным продуктом системы. Системы, которая годами через экраны телевизоров вливала в его сознание яд исключительности и ненависти к инакомыслию, а затем отправила его на бойню, чтобы окончательно закрепить этот яд кровью и страданиями. И теперь этот искалеченный, но абсолютно уверенный в своей правоте человек стал проводником этой системы внутри собственной семьи.

Никита вспомнил слова отца о Лизе. «Опасная сектантка». «Тоталитарная секта». Откуда в лексиконе бывшего завгара, никогда не интересовавшегося религиоведением, взялись эти специфические термины? Он произносил их с такой заученной легкостью, словно кто-то невидимый вложил эти слова в его рот. Это не было похоже на обычную деревенскую неприязнь к чужакам. В этом чувствовалась методичная, кем-то заботливо выстроенная программа ненависти, которая теперь, подобно вирусу, искала новую цель для уничтожения.

Снег начал падать крупными, медленными хлопьями, покрывая грязный двор белой пеленой. Никита поднял воротник куртки. Внутри него зрело понимание того, что конфликт в их семье давно перестал быть просто проблемой отцов и детей. Это было

столкновение с чем-то гораздо более масштабным и темным, с механизмом, который перемалывал человеческие души, превращая их в послушные орудия чужой воли. И этот механизм уже начал свое движение прямо здесь, на пороге их дома.

Глава 5. Цена приказа

За окном кабинета военно-врачебной комиссии занимался тусклый, серый рассвет середины февраля 2025 года. Валерий сидел на жестком стуле, обитом потрескавшимся дерматином, и смотрел на пустой правый рукав своей фланелевой рубашки. Рукав был аккуратно подколот булавкой чуть ниже плеча. Там, где раньше находились локоть, предплечье и кисть, теперь пульсировала тупая, изматывающая пустота. Фантомные пальцы, которых больше не существовало в физической реальности, невыносимо чесались, словно их засыпали стеклянной крошкой.

По ту сторону массивного стола сидел председатель комиссии, тучный майор медицинской службы Завьялов. Он не смотрел на Валерия. Его внимание было полностью поглощено изучением пухлой папки с личным делом и медицинскими выписками. Тишину кабинета нарушал только шелест страниц и сухое тиканье настенных часов.

— Значит, так, товарищ старший лейтенант, — Завьялов наконец поднял глаза, в которых читалась лишь глубокая, профессиональная усталость. — У нас тут нестыковка по документам. В первичной медицинской карточке, форма № 100, заполненной на этапе эвакуации, характер ранения указан как минно-взрывной. Осколочное ранение верхней трети правого плеча с полным отрывом конечности.

— Так точно, — хрипло ответил Валерий. Его голос, некогда зычный, привыкший отдавать команды, теперь звучал глухо.

— Однако в справке об обстоятельствах ранения и рапорте командира вашего подразделения, составленном тремя днями позже, обстоятельства получения травмы описаны, скажем так, размыто, — майор постучал толстым пальцем по странице. — Цитата: «в ходе выполнения боевой задачи в условиях плотного огневого контакта». Нет

точной привязки к координатам, нет показаний свидетелей, подтверждающих, что вы находились именно на линии боевого соприкосновения в момент взрыва.

Валерий почувствовал, как внутри начинает закипать тяжелая, темная ярость. Он подался вперед, инстинктивно попытавшись опереться на стол обеими руками, но правое плечо лишь беспомощно дернулось в воздухе. Это неловкое движение мгновенно сбilo с него спесь, напомнив о новой, унижительной реальности.

— Какие свидетели, доктор? — процедил Валерий, сжимая левую руку в кулак. — Нас накрыло кассетными боеприпасами. Из группы вышли трое. Остальные там остались. Вы хотите, чтобы я вам с того света показания принес?

— Я хочу, чтобы документы соответствовали требованиям ведомственного порядка, — равнодушно парировал Завьялов, откидываясь на спинку кресла. — Поймите меня правильно. Моя задача — исключить факт умышленного членовредительства. Самострела или намеренного подрыва с целью уклонения от дальнейшего прохождения службы. Государство выплачивает серьезные компенсации за увечья. Три миллиона рублей за тяжелое ранение, доплата до четырех миллионов при установлении инвалидности, страховые выплаты, плюс оформление инвалидности первой или второй группы. Бюджет не резиновый. Мы обязаны проверять каждый случай.

Слова «умышленное членовредительство» повисли в спертom воздухе кабинета. Валерий, кадровый офицер, человек, который годами верил в свою исключительность и принадлежность к военной элите, сидел и слушал, как тыловой врач будничным тоном подозревает его в трусости и мошенничестве.

Процедура доказывания того, что он потерял руку не по своей воле, растянулась на долгие, унижительные недели. Валерия гоняли по кабинетам, заставляли писать бесконечные объяснительные, отправляли запросы в часть, которые терялись в бюрократической неразберихе. Система, которой он служил верой и правдой, которая щедро платила ему, пока он был здоров и способен выполнять приказы, теперь смотрела на него через лупу подозрительности. Он превратился из ценного ресурса в обузу, в дефектную единицу, требующую финансовых затрат. И система делала все возможное, чтобы эти затраты минимизировать.

В конце февраля, получив на руки предварительное заключение ВВК, которое еще предстояло утверждать в вышестоящих инстанциях, Валерий вернулся в свою новую квартиру в жилом комплексе «Изумрудный город».

Квартира встретила его идеальной чистотой. Ремонт, на который он переводил Наталье сотни тысяч рублей со своих боевых выплат, был завершен. На полу лежал холодный итальянский керамогранит, в гостиной стоял огромный кожаный диван, а кухонный гарнитур сверкал глянцевыми фасадами. Это было то самое материальное благополучие, ради которого он рисковал жизнью.

Наталья стояла посреди спальни. На кровати был раскрыт большой чемодан «Samsonite», в который она аккуратно, методично укладывала свои вещи.

Валерий остановился в дверном проеме. Он не стал снимать куртку, просто стоял и смотрел на женщину, которую считал своей.

— Значит, вот так, — тихо сказал он.

Наталья замерла на секунду, держа в руках стопку шелковых блузок, затем спокойно положила их в чемодан и повернулась к нему. На ее лице не было ни вины, ни жалости. Только холодный, прагматичный расчет, который Валерий всегда в ней ценил, пока этот расчет работал на него.

— Валера, давай без драм, — ее голос звучал ровно, как у банковского клерка, отказывающего в кредите. — Мы взрослые люди. Давай смотреть на вещи трезво.

— Трезво? — он усмехнулся, и эта усмешка больше походила на оскал. — Куда уж трезвее. Я инвалид. Денег больше не будет. Меня увольняют по состоянию здоровья.

— Вот именно, — Наталья застегнула молнию на чемодане и щелкнула кодовым замком. — Какая у тебя будет пенсия? Тридцать тысяч? Сорок? Плюс ветеранские. Этого не хватит даже на обслуживание этой квартиры и паркинга. Я привыкла к определенному уровню жизни. Ты сам меня к нему приучил. Я не собираюсь следующие десять лет работать сиделкой и считать копейки от зарплаты до зарплаты.

Она говорила правду, абсолютно безжалостную в своей логике. Валерий покупал ее время и красоту за деньги, которые платило ему государство. Теперь источник иссяк. Сделка аннулирована.

— Квартира оформлена на меня, — бросил Валерий, чувствуя, как внутри разрастается ледяная пустота.

— Я знаю, — Наталья накинула на плечи кашемировое пальто. — Я на нее не претендую. Ремонт останется тебе в качестве компенсации за моральный ущерб. Ключи на кухонном острове. Прощай, Валера. Береги себя.

Она прошла мимо него, оставляя за собой шлейф сладковатых духов. Хлопнула входная дверь. Щелкнул замок.

Валерий остался один в идеальной, мертвой тишине ста квадратных метров элитной недвижимости. Он прошел на кухню, посмотрел на связку ключей, лежащую на черной мраморной столешнице. Затем открыл верхний шкафчик, где хранился алкоголь. Достал непочатую бутылку водки.

Процесс открывания бутылки одной рукой оказался неожиданно сложным. Валерий зажал бутылку между коленями, попытался свернуть металлическую пробку левой рукой, но та скользила. В приступе внезапной, неконтролируемой ярости он впился в пробку зубами, сорвал резьбу, сплюнул металлическую крышку на дорогой керамогранит и сделал длинный, жадный глоток прямо из горлышка. Обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, на мгновение заглушив фантомную боль в отсутствующей руке.

Так началось его падение.

Март прошел в густом, непроницаемом алкогольном тумане. Валерий не выходил из квартиры. Он заказал доставку продуктов и ящик водки, расплатившись остатками сбережений на карте. Дни слились в одну бесконечную серую полосу. Он спал на неразобранном кожаном диване в гостиной, просыпался от удушья и боли, пил, чтобы отключить сознание, и снова проваливался в тяжелое забытие.

В редкие часы прояснения рассудка к нему приходило осознание катастрофы. И дело было не в уходе Натальи — ее предательство было предсказуемым. Дело было в крушении фундаментальной иллюзии, на которой строилась вся его жизнь.

Он вспоминал своего отца, Владимира Яковлевича, его слепую, фанатичную веру в телевизионных экспертов и мудрость вождя. Валерий всегда считал отца недалеким человеком, зомбированным пропагандой. Сам же Валерий мнил себя прагматиком. Он думал, что понимает правила игры: он отдает государству свою силу и готовность убивать, а государство обеспечивает ему статус альфа-самца, деньги и социальные гарантии. Он считал себя волком, который служит в стае на взаимовыгодных условиях.

Но сидя на полу пустой квартиры, среди пустых бутылок и немытой посуды, Валерий понял страшную истину. Он не был волком. Он был тягловой лошастью. Государство использовало его ровно до тех пор, пока он мог тащить повозку. А когда лошадь сломала ногу, ее просто выпрягли и оставили на обочине, чтобы не тормозить

движение колонны. Никакого уважения. Никакой благодарности. Только сухие строчки медицинских заключений и подозрительные взгляды тыловых крыс, охраняющих бюджетные миллионы.

Система не имела человеческого лица. Она была абсолютно равнодушным механизмом по переработке человеческого мяса в геополитические амбиции. И он, Валерий, добровольно положил свою руку, свою молодость и свою душу в жернова этого механизма.

В конце марта, когда в квартире уже стоял стойкий запах перегара и немытого тела, в дверь позвонили.

Валерий долго не открывал, надеясь, что незванный гость уйдет. Но звонок трезвонил с настойчивой периодичностью. Чертыхнувшись, Валерий с трудом поднялся с дивана, натянул спортивные штаны и, шаркая босыми ногами по холодному полу, пошел в прихожую.

На пороге стоял Никита. Младший брат был одет в легкую весеннюю куртку, за спиной висел городской рюкзак. Он посмотрел на Валерия — обросшего густой щетиной, с красными, воспаленными глазами, в мятой футболке с пустым правым рукавом. Взгляд Никиты не выражал ни брезгливости, ни жалости. В нем было только глубокое, спокойное понимание.

— Привет, — тихо сказал Никита. — Мама места себе не находит. Ты телефон отключил.

— Разрядился, — буркнул Валерий, отступая вглубь коридора и пропуская брата. — Проходи, раз пришел. Только у меня не прибрано.

Никита прошел на кухню, окинул взглядом батарею пустых бутылок, грязные тарелки с засохшими остатками еды. Он ничего не сказал. Просто снял куртку, закатал рукава свитера и молча начал собирать мусор в большой пластиковый пакет.

Валерий тяжело опустился на барный стул, наблюдая за братом. Еще полгода назад он бы рывкнул на Никиту, приказал бы не лезть не в свое дело, прочитал бы лекцию о том, как должен вести себя настоящий мужчина. Но сейчас у него не было на это ни сил, ни права. Его офицерский гонор испарился вместе с правой рукой.

Никита вымыл две чашки, нашел в шкафчике остатки заварки и поставил чайник. Когда вода закипела, он налил крепкий чай и сел напротив брата.

— Как комиссия? — спросил Никита, пододвигая чашку Валерию.

— Прошел, — Валерий обхватил горячую керамику левой рукой, пытаясь согреть дрожащие пальцы. — Дали вторую группу. Сказали, протез ждать месяцев восемь, очередь большая. Таких, как я, сейчас много. Конвейер работает без перебоев.

Повисла долгая пауза. Валерий смотрел в темную жидкость чая, словно пытаясь разглядеть там свое будущее.

— Ты был прав, студент, — вдруг произнес Валерий. Голос его дрогнул, потеряв привычную жесткость. — Помнишь, тогда, за столом, когда отец на тебя орал? Ты спрашивал про патриотизм. Про то, кто пишет законы.

Никита внимательно посмотрел на брата, не перебивая.

— Я ведь думал, что я самый умный, — продолжил Валерий, горько усмехнувшись. — Думал, что держу Бога за бороду. Я презирал отца за то, что он верит телевизору, а сам верил в свой банковский счет и в свои погоны. Я думал, что нужен им. Что я — элита. А знаешь, как они на меня смотрели на этой комиссии? Как на вора. Как на кусок мяса, который пытается урвать лишнюю копейку из государственной казны. Я им доказывал, что не сам себе руку оторвал. Я, боевой офицер, оправдывался перед жирным майором, который порошу в жизни не нюхал.

Валерий поднял глаза на Никиту. В них стояли слезы бессилия и отчаяния, которые он больше не пытался скрывать.

— Что это за государство, Никита? — прошептал он. — Кому мы служим? Зачем мы туда едем? Женька Смирнов тачку купил, радуется. А Витьку в цинке привезли. Я вот половину себя там оставил. Ради чего? Чтобы Наташа мне сказала, что моя пенсия не покрывает ее расходы на маникюр?

Никита сделал глоток чая. Он видел перед собой человека, чья картина мира рухнула, оставив после себя лишь дымящиеся руины. Это был момент абсолютной уязвимости, когда старые догмы уже мертвы, а новые еще не родились.

— Государство — это не Родина, Валера, — тихо, но твердо ответил Никита. — Родина — это земля, это мама, которая сейчас плачет в селе, это язык, на котором мы говорим. А государство — это группа людей, которые присвоили себе право писать законы и распоряжаться нашими жизнями. Они подменили понятия. Они заставили

таких, как отец, поверить, что любовь к родной земле означает готовность убивать соседей по их приказу.

— Но ведь должен быть какой-то смысл, — Валерий сжал чашку так, что побелели костяшки пальцев. — Не может же быть, что все это — просто мясорубка ради чьих-то амбиций. Должна быть честь. Должен быть закон.

— Закон есть, — кивнул Никита. — Только он написан не для того, чтобы защищать тебя. Он написан для того, чтобы защищать систему от тебя. Ты столкнулся с этим на комиссии. Когда ты был с оружием в руках и выполнял приказы, ты был инструментом закона. Как только ты сломался, закон повернулся против тебя, чтобы минимизировать издержки. Честь — это внутреннее понятие. Это то, как ты относишься к человеческой жизни. А система не оперирует понятием чести. Она оперирует понятием целесообразности.

Валерий откинулся на спинку стула, закрыв глаза. Слова брата падали в его сознание, как тяжелые камни, пробивая остатки офицерской гордости.

— Я убивал людей, Никита, — голос Валерия упал до едва слышного шепота. — Я отдавал приказы артиллерии. Я видел, что остается от домов. Я думал, что делаю это ради безопасности своей страны. А теперь я сижу здесь, в этой пустой квартире, с одной рукой, и понимаю, что я просто помогал им строить их империю на крови. И моя кровь для них ничего не значит.

— Осознание — это первый шаг, — Никита протянул руку и положил ее на плечо брата. Это был первый раз за многие годы, когда между ними возник физический контакт, лишенный агрессии или снисходительности. — Ты жив. У тебя есть разум. Ты больше не винтик в их машине.

— И что мне теперь делать с этим разумом? — Валерий открыл глаза и посмотрел на пустой рукав. — Кому я теперь нужен?

— Себе, — просто ответил Никита. — Нам. Маме. Тебе придется учиться жить заново. Не по уставу, а по совести. Это гораздо сложнее.

За окном сгустились весенние сумерки. В квартире было тихо, только гудел холодильник. Валерий смотрел на своего младшего брата, которого всегда считал слабаком и идеалистом, и впервые видел в нем ту внутреннюю, несгибаемую силу, которой самому Валерию так не хватало. Силу, основанную не на праве сильного и не на

государственном приказе, а на глубоком, выстраданном понимании ценности человеческой жизни.

Они просидели на кухне до глубокой ночи. Валерий больше не притрагивался к водке. Он говорил, выплескивая из себя накопившуюся тьму, рассказывая о грязи окопов, о равнодушии командиров, о страхе, который приходилось глушить агрессией. А Никита слушал, не осуждая, принимая исповедь сломанного человека, который только сейчас начал понимать истинную цену приказа, за который он расплатился частью собственного тела и души. И в этой тихой, темной кухне, среди осколков разрушенных иллюзий, медленно, через боль и отчаяние, рождалось что-то новое — хрупкое, но подлинное понимание того, что настоящая жизнь начинается там, где заканчивается слепое подчинение.

Глава 6. Облава

Мягкий, обволакивающий запах сандаловых благовоний плыл под низким потолком арендованного зала на окраине райцентра. Около тридцати человек сидели на коврах, скрестив ноги, и мерно, в едином ритме пели мантры под аккомпанемент гармонiuма и легкий звон каратал. Лиза сидела в третьем ряду, закрыв глаза. Для нее эти еженедельные встречи были островком абсолютной безопасности, местом, где внешний мир с его агрессией, экономическими кризисами и нарастающей тревогой растворялся в чистом звуке. Она не искала здесь политических смыслов или тайной власти. Она искала лишь внутреннюю тишину, ту самую гармонию, которая позволяла ей сохранять светлое отношение к людям, несмотря на холодную прагматичность ее парня Артема и откровенную враждебность его отца.

Звук удара был такой силы, что, казалось, лопнули барабанные перепонки.

Тяжелая металлическая дверь, вырванная вместе с дверной коробкой, с грохотом рухнула на пол. В образовавшийся проем, поднимая клубы цементной пыли, ворвалась черная, безликая масса. Люди в тяжелой тактической экипировке, бронежилетах и балаклавах заполняли пространство с пугающей, отработанной скоростью.

— Всем оставаться на местах! Лицом в пол! Руки за голову! — истошный, сорванный крик командира группы перекрыл звон упавших каратал.

Это не было задержанием. Это была акция устрашения, демонстрация абсолютной, ничем не сдерживаемой физической силы. Бойцы силовой группы двигались между сидящими людьми, грубо пиная их тяжелыми ботинками, заставляя ложиться на грязный пол. Кто-то из женщин закричал. Пожилого мужчину, который попытался подняться, чтобы спросить о причинах происходящего, мгновенно сбили с ног ударом приклада под дых. Он рухнул, захлебываясь кровью из разбитой губы.

Лиза не успела ничего понять. Чья-то тяжелая рука в кевларовой перчатке схватила ее за волосы на затылке и с силой впечатала лицом в жесткий ворс ковра. Воздух выбило из легких. Краем глаза она видела, как люди в черном топчут грязными берцами разложенные на алтаре цветы и книги, как методично, с каким-то садистским упоением они крушат аппаратуру.

— Телефоны на стол! Быстро, мрази сектантские! — продолжал орать командир, прохаживаясь между лежащими телами.

В этот самый момент, в десяти километрах от места облавы, в своей идеально чистой, климатизированной квартире Артем сидел перед тремя изогнутыми мониторами. На экранах бежали ровные строки кода. Артем находился в состоянии потока — той высшей точке концентрации, где логика торжествует над хаосом. Его мир был выстроен по строгим правилам: если ты обладаешь востребованным навыком, если твой банковский счет стабильно пополняется суммами с шестью нулями, ты находишься вне зоны риска. Государство, политика, идеология — все это казалось ему возней неудачников, не сумевших адаптироваться к цифровой реальности.

Телефон на столе коротко завибрировал. Артем, не отрывая взгляда от монитора, нажал кнопку ответа на беспроводной гарнитуре.

— Да.

— Тёма... — голос Лизы был неузнаваем. Это был сдавленный, животный шепот, полный первобытного ужаса. — Тёма, тут полиция... Они бьют людей... Они...

На заднем фоне раздался треск, грубый мужской мат, звук пощечины, и связь оборвалась.

Пальцы Артема замерли над клавиатурой. Впервые за многие годы идеальный алгоритм его жизни выдал критическую ошибку, которую невозможно было исправить переписыванием кода. Он несколько раз попытался перезвонить, но абонент был недоступен.

Холодный прагматизм, всегда спасавший его в стрессовых ситуациях, включился автоматически. Артем открыл список контактов и набрал номер своего адвоката — дорогого специалиста из областного центра, который решал вопросы с налогами и договорами.

— Михаил, привет. У меня девушку задержали. Какое-то собрание кришнаитов, маски-шоу, жесткий прием. Мне нужно, чтобы ты туда поехал. Плачу тройной тариф за срочность.

На том конце провода повисла тяжелая пауза. Когда адвокат заговорил, в его голосе не было привычной деловой уверенности.

— Артем, послушай меня внимательно. Религия, экстремизм, иностранное влияние — это сейчас токсичная тема. Никто из вменяемых адвокатов в это не полезет на этапе задержания. Это билет в один конец. Тебе пришлют финансирование экстремистской организации, если узнают, что ты оплачиваешь защиту. Мой тебе совет: сиди тихо и не отсвечивай. Если она просто рядовая, ее попрессуют и отпустят под подписку. Если полезешь качать права — сядете оба. Извини.

Короткие гудки ударили Артема по ушам сильнее, чем физический удар. Он сидел в своем дорогом эргономичном кресле, окруженный техникой на миллионы рублей, и физически ощущал, как его статус, его деньги, его мнимая независимость превращаются в пыль. Система, которую он так старательно игнорировал, только что выбила дверь в его реальность. И оказалось, что от нее нельзя откупиться.

Не в силах оставаться в пустой квартире, Артем набрал номер младшего брата.

Никита приехал к зданию районного отдела полиции через сорок минут. Здание представляло собой мрачную бетонную коробку, обнесенную высоким забором с колючей проволокой. Внутри, за толстым пуленепробиваемым стеклом сидел тучный дежурный майор, лениво листая ленту в смартфоне.

— Добрый вечер, — Никита подошел к окну, стараясь говорить максимально ровно и уверенно, используя те интонации, которым его учили на юрфаке. — К вам доставлены граждане, задержанные по адресу Ленина, 45. Я представляю интересы Елизаветы...

— Никого ты не представляешь, пацан, — не поднимая глаз, перебил его майор. — Ордер есть? Статус адвоката есть? Нет? Свободен.

— Согласно закону задержанный имеет право на телефонный звонок и присутствие защитника с момента фактического задержания, — Никита почувствовал, как внутри закипает гнев, но продолжал цепляться за букву закона. — Вы нарушаете процессуальные нормы. Я требую сообщить, на каком основании они задержаны.

Майор наконец оторвался от телефона. Он посмотрел на Никиту долгим, тяжелым взглядом человека, обладающего абсолютной, неконтролируемой властью над теми, кто находится по эту сторону стекла.

— Ты, студент, свои кодексы в трубочку сверни, — процедил майор, и в его голосе не было злости, только ледяное равнодушие. — У нас тут не суд присяжных. Работает ФСБ и Центр «Э». Мероприятия по пресечению деятельности деструктивной организации, финансируемой из-за рубежа. Твоя девка сейчас дает показания. Будешь тут права качать — пойдешь как соучастник за воспрепятствование законной деятельности органов. Понял меня? Вышел за дверь и жди.

Никита отошел от окна. Он сел на жесткую деревянную скамью в коридоре. В этот момент все лекции по теории государства и права, все семинары о правах человека, которые он так прилежно посещал, показались ему нелепой, жестокой насмешкой. Закон здесь не работал. Закон был лишь декорацией, красивой ширмой, за которой скрывался голый, первобытный террор.

Пока Никита сидел в холодном коридоре, на втором этаже, в тесном кабинете без окон, Лиза проходила через свой персональный ад.

Она сидела на привинченном к полу стуле. Напротив нее, за столом, заваленным папками, располагались двое: молодой следователь в мятой рубашке и мужчина постарше в штатском, от которого исходила аура спокойной, уверенной угрозы.

— Значит так, Елизавета, — мужчина в штатском закурил, пустив дым прямо ей в лицо. — Ситуация у тебя дрянь. Ваша шарашка проверяется как угроза национальной

безопасности. Мы знаем, что вы получаете инструкции и литературу из центров, расположенных в недружественных странах.

— Мы просто пели... — голос Лизы дрожал, по щекам текли слезы, размазывая грязь, оставшуюся после падения на пол. — Мы никого не трогали. Какая безопасность? Мы молились.

— Молились они, — усмехнулся следователь, пододвигая к ней лист бумаги с напечатанным текстом. — Вы осуществляли психологическую обработку граждан с целью подрыва традиционных духовно-нравственных ценностей. Вот здесь чистосердечное признание. Ты подписываешь, что ваш руководитель получал гранты от иностранных НКО, и идешь домой как свидетель.

— Я не буду это подписывать! Это ложь! Я ничего не знаю ни про какие гранты!

Мужчина в штатском тяжело вздохнул, затушил сигарету в переполненной пепельнице и подался вперед. Его голос стал тихим, вкрадчивым.

— Лиза, ты не понимаешь. Нам не нужна правда. Нам нужна твоя подпись. У тебя есть парень, Артем. Айтишник. Хорошо зарабатывает. Умный мальчик. Но знаешь, в чем проблема умных мальчиков? Они оставляют много цифровых следов. Если ты сейчас упрешься, завтра утром к нему в квартиру зайдут мои ребята. И я тебе гарантирую, что на его жестких дисках найдут детскую порнографию. Или схемы финансирования терроризма. Он сядет лет на пятнадцать. В правильную колонию, где таких умных и нежных очень любят. Ты хочешь сломать ему жизнь из-за своих песенок?

Лиза замерла. Воздух в кабинете стал густым, невыносимо тяжелым. Она смотрела в пустые, рыбы глаза оперативника и понимала: он не шутит. Для них человеческая судьба была просто расходным материалом, строчкой в статистике раскрываемости. Государство в лице этих людей не искало преступников. Оно их назначало. Шантаж был примитивным, грязным, но он бил в самую уязвимую точку.

В коридоре Никита достал телефон. Пытаясь найти хоть какую-то информацию о подобных задержаниях, он начал читать статьи правозащитников. Его взгляд зацепился за исторический анализ механизмов репрессий. Текст на экране смартфона гласил:

«Случай доноса и запрета, возможно, напрямую связаны. 17 апреля 1937 года некий Э.Ц. из Маркклеберга написал в Лейпцигскую государственную полицию: “В эти дни я получил рекламный буклет, который пересылаю вам с просьбой также

расследовать эту ‘интернациональную’ ассоциацию ‘третьей категории’, изучить её и — надеюсь, ради защиты народа — запретить. Как бывший адвентист, могу сказать вам, что эта группа — обычно это лишь несколько человек, которые сбивают с толку остальных — основывается на таких принципах, как отказ от военной службы, воздержание от голосования и так далее. Иными словами, всё те же причины, по которым вы уже запретили другие ассоциации”».

Никита перечитал этот абзац дважды. 1937 год. Нацистская Германия. Один донос бывшего члена общины — и через два дня целая религиозная организация уничтожена по всему Рейху. Механизм был идентичным. Никита с леденящей ясностью осознал, что облава на Лизу и ее друзей не была случайностью. Возможно, кто-то из тех, кто сидел с ними на коврах, улыбался и пел мантры, давно уже писал отчеты или доносы. Этот человек собирал данные, а затем написал нужный донос, используя те самые формулировки, которые требовались системе для запуска репрессивного катка.

Лизу выпустили только под утро. Она вышла из тяжелых металлических дверей отдела полиции бледная, как полотно, с трясущимися руками. Она подписала бумагу о неразглашении тайны следствия и подписку о невыезде. Никита молча накинул ей на плечи свою куртку и довел до машины, где их ждал Артем.

Встреча Артема и Лизы прошла в полной тишине. Артем, человек, привыкший контролировать все процессы в своей жизни, просто обнял ее, чувствуя, как ее тело бьет крупная дрожь. В этот момент в нем что-то надломилось. Его цифровая броня дала трещину, сквозь которую внутрь хлынул липкий страх.

Вечером следующего дня братья сидели на кухне у Артема. Лиза спала в спальне, приняв сильное успокоительное. На стене работал телевизор, настроенный на местный новостной канал.

Диктор с тревожным, поставленным голосом объявил: «Вчера вечером правоохранительные органы пресекли деятельность опасной тоталитарной секты, действовавшей на территории нашего региона под видом культурного центра».

На экране замелькали кадры оперативной съемки. Выломанная дверь. Люди, лежащие лицом в пол. Крупным планом — испуганное, перепачканное грязью лицо Лизы. Затем картинка сменилась. В студии, на фоне церковных куполов, сидел тучный мужчина в рясе с массивным золотым крестом на груди. В титрах он значился как «эксперт-религиовед, представитель антикультового центра».

— Мы давно предупреждали об опасности подобных деструктивных культов, — вещал человек в рясе, глядя прямо в камеру тяжелым, непререкаемым взглядом. — Эти организации, управляемые и финансируемые из-за рубежа, целенаправленно работают на разрушение института традиционной семьи. Они зомбируют нашу молодежь, отрывают людей от их корней, от государства. По сути, это пятая колонна, которая ведет антигосударственную деятельность внутри нашей страны, прикрываясь свободой совести. Их цель — ослабить Россию изнутри.

Никита смотрел на экран, чувствуя, как пазл начинает складываться в единую, чудовищную картину. Эти представители антикультового центра не просто комментировали действия силовиков. Они давали им идеологическую базу. Они формировали образ врага, дегуманизировали целую группу людей, превращая их в глазах обывателей в «агентов Запада» и «разрушителей семей». Именно эти слова потом ложились в основу протоколов допросов и судебных приговоров.

Артем медленно поднялся из-за стола. Он подошел к окну и посмотрел на огни ночного города. Его мир, выстроенный на логике, прагматизме и финансовой независимости, был окончательно уничтожен. Он понял, что в стране, где эксперт в рясе может одним словом по телевизору превратить твоего близкого человека в государственного преступника, а силовики могут использовать твою любовь как инструмент для шантажа, никакие деньги не гарантируют безопасности.

Никита перевел взгляд с брата на мерцающий экран телевизора, где продолжал вещать эксперт. В голове студента-юриста билась одна пульсирующая мысль: если правоохранительная система, суды и средства массовой информации действуют в такой пугающей, идеальной синхронности, значит, у этого механизма есть единый центр управления. И этот центр находится гораздо глубже и выше, чем кабинет следователя в районном отделе полиции.

Глава 7. Семейный суд

Телефонный звонок разорвал тяжелую, вязкую тишину воскресного утра. Владимир Яковлевич звонил сыновьям по очереди, требуя немедленно собраться в родительском доме. Его голос, обычно надтреснутый и слабый после возвращения из плена, сейчас звучал с пугающей, лихорадочной энергией. Он словно подключился к невидимому источнику питания, и этим источником был вчерашний вечерний выпуск новостей.

Когда Артем и Никита переступили порог просторной кухни, там уже сидел Валерий. Старший брат тяжело опирался левой рукой о столешницу, пустой правый рукав его фланелевой рубашки был небрежно заправлен за пояс. Перед ним стояла наполовину пустая кружка с остывшим чаем, от которой явственно тянуло коньяком. Валерий смотрел в окно исподлобья, его лицо осунулось, обросло жесткой щетиной, но в глазах горел знакомый, колющий огонь поиска виноватых.

Владимир Яковлевич расхаживал вдоль стола, опираясь на свою суковатую палку. Он тяжело дышал, но не мог остановиться. Телевизионный сюжет об облаве на кришнаитов стал для него тем самым недостающим элементом, который наконец-то оправдывал все его страхи и подозрения.

— Я же говорил! — с порога обрушился отец на Артема, даже не поздоровавшись. Он ткнул узловатым пальцем в сторону выключенного телевизора. — Я вас, слепцов, предупреждал! Видели вчера? Всю вашу шарашку накрыли! Иностраннные агенты, разрушители семей!

Артем молча снял куртку и прошел к столу. Его лицо оставалось непроницаемым, но Никита, хорошо знавший брата, заметил, как напряглись желваки на его скулах. Впервые за долгие годы Артем не достал телефон, чтобы отгородиться от семейного скандала экраном. Он смотрел прямо на отца.

— Это была мирная встреча, — ровно, чеканя каждое слово, произнес Артем. — Люди просто сидели и пели. А туда ворвались вооруженные бойцы и били их ногами по лицу. Лизу швырнули на пол и таскали за волосы.

— И правильно сделали! — рявкнул Владимир Яковлевич, брызгая слюной. Его лицо пошло красными пятнами. — Мало дали! Это тоталитарная секта! Они мозги

промывают, деньги выкачивают, против государства работают! По телевизору эксперт выступал, уважаемый человек. Он прямо сказал: это пятая колонна. Они специально молодежь зомбируют, чтобы нас изнутри подорвать. А ты, дурак, с ней в одной постели спишь! Из-за нее у тебя детей нет! Она из тебя всю кровь выпьет и по миру пустит!

Никита перевел взгляд на Валерия, ожидая, что старший брат, который еще недавно сам проклинал бездушную государственную машину, выкинувшую его на обочину жизни, сейчас остановит этот поток телевизионного бреда. Но Валерий вдруг криво усмехнулся и сделал плоток из своей кружки.

— А батька дело говорит, Тёма, — хрипло произнес Валерий. — Ты в своих интернетах засиделся, берегов не видишь. Думаешь, если у тебя бабки есть, то ты самый умный?

Никита с ужасом смотрел на старшего брата. Парадокс человеческой психики разворачивался перед ним во всей своей уродливой наготе. Валерий ненавидел систему за то, что она лишила его руки и статуса, за то, что заставила унижаться на комиссиях. Но отказаться от самой идеологии поиска «внутреннего врага» он не мог. Если признать, что врагов нет, что телевизор лжет, то ради чего тогда он проливал кровь? Ради чего стал калекой? Ему жизненно необходимо было верить, что где-то здесь, в тылу, действительно орудуют предатели и сектанты. Эта вера была его единственным психологическим костылем, заменяющим оторванную руку.

— Валера, ты себя слышишь? — тихо спросил Никита. — Ты же сам знаешь цену их приказам. Ты знаешь, как они умеют ломать людей.

— Не лезь, студент, — огрызнулся Валерий, стукнув кружкой по столу. — Одно дело — штабные крысы, которые мне инвалидность зажимают. А другое дело — безопасность страны. Если органы взялись за этих твоих кришнаитов, значит, было за что. Дыма без огня не бывает.

Артем медленно поднялся. Он оперся обеими руками о стол и навис над отцом и старшим братом. В его голосе больше не было привычной отстраненности. Там звенел холодный, расчетливый гнев человека, чью личную территорию грубо растоптали.

— Значит так, — голос Артема был тихим, но заставил Владимира Яковлевича замолчать. — Я долго терпел твои истерики, пап. Я считал, что это просто старческое брюзжание. Но сейчас ты оправдываешь насилие над женщиной, с которой я живу. Ты повторяешь слова людей, которые ломают чужие жизни ради звездочек на погонах. Лиза

— порядочный человек. И я не позволю никому, даже вам, называть ее сектанткой и врагом.

— Ты посмотри на него! — задохнулся от возмущения отец, хватаясь за грудь. — Он отца родного готов променять на подстилку завербованную!

— Хватит! — Никита встал рядом с Артемом. Ему было физически тошно находиться в этой комнате, пропитанной чужой, навязанной ненавистью. — Вы хоть на секунду включите критическое мышление. Вы смотрели этот сюжет? Почему рядовое задержание группы людей, поющих мантры, освещается по местному телевидению так, будто обезвредили ячейку террористов? Откуда там мгновенно взялись эти эксперты в рясах с готовыми комментариями про угрозу национальной безопасности? Это же чистая постановка. Срежиссированный спектакль. Кому-то очень нужно было создать картинку страшного врага.

— Умник выискался! — презрительно бросил Валерий. — Все-то вы знаете, все-то у вас постановка.

— Мы уходим, — Артем взял куртку. — И пока вы не научитесь отличать реальных людей от телевизионных фантомов, ноги моей здесь не будет.

Они вышли под мелкий, колючий снег, оставив позади крики отца и тяжелое молчание старшего брата. Нина Николаевна, все это время тихо стоявшая в коридоре с полотенцем в руках, даже не вышла их проводить. Она просто отвернулась к стене, пряча слезы и готовясь снова идти в хлев, чтобы растворить свой страх в тяжелой физической работе.

В машине Артем долго молчал, сильно сжимая руль.

— Они не изменятся, Никита, — наконец произнес он, выруливая на трассу в сторону райцентра. — Их картина мира забетонирована. Но меня сейчас волнует другое. Ты правильно сказал про телевизионный сюжет. Это не случайность. Лизу прессовали в участке, требовали подписать бумаги о финансировании из-за рубежа. Им нужны были не кришнаиты. Им нужны были показатели раскрываемости по экстремизму.

— Я хочу понять, кто пишет для них эти сценарии, — ответил Никита, глядя на мелькающие за окном голые деревья. — Следовательно в районном отделе не обладает такой фантазией. Термины «тоталитарная секта», «деструктивный культ» — это специфический язык. Кто-то снабжает силовиков этой идеологической базой.

Через час они сидели в квартире Артема. Лиза была в соседней комнате, все еще не оправившись от шока после допроса. Артем включил свои мониторы. Его пальцы привычно запорхали по клавиатуре, но сейчас он искал не ошибки в коде, а следы людей, разрушивших его покой.

Никита открыл на своем ноутбуке запись вчерашнего новостного сюжета. Он поставил видео на паузу в тот момент, когда на экране появился тучный мужчина в рясе.

— Смотри, — Никита указал на титры. — Представитель антикультивого центра. Я пробил эту организацию. РАЦИРС — Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Руководитель — некий Александр Дворкин.

Артем быстро вбил имя в поисковик. На экранах начали появляться десятки ссылок, статей, видеороликов.

— Это не просто общественная организация, — пробормотал Артем, быстро просматривая структуру связей. — Это целая сеть. Они позиционируют себя как эксперты по сектоведению. Их заключения ложатся в основу уголовных дел.

— Давай искать конкретные судебные прецеденты, — предложил Никита, чувствуя себя в своей юридической стихии. — Нам нужны факты того, как их экспертизы работают на практике.

Поиск занял несколько часов. Они отсеивали информационный мусор, хвалебные статьи на православных порталах и откровенную пропаганду, пока не наткнулись на материалы независимых журналистских расследований. Внимание Никиты привлекло дело 2014 года из Перми.

— Тёма, послушай вот это, — Никита развернул ноутбук к брату. — Дело Елены Брессем. Это пример того, как работает эта машина.

Никита начал читать вслух, и с каждым словом в комнате становилось все холоднее. История была пугающе обыденной и оттого еще более страшной. Елена Брессем была замужем за крупным пермским бизнесменом Александром, владельцем нескольких дорожно-строительных компаний. За фасадом благополучной семьи скрывался домашний тиран, который регулярно избивал жену. Когда Елена не выдержала и ушла, забрав двоих детей, влиятельный муж решил отомстить. Но он не просто нанял бандитов. Он использовал систему.

— Муж похищает их двенадцатилетнего сына Костю, — читал Никита, пробегая глазами по строчкам расследования. — А чтобы легализовать это похищение и лишить Елену родительских прав на младшую дочь, он обвиняет ее в том, что она состоит в секте. Елена работала в компании Herbalife. Обычный сетевой маркетинг. Но муж нанимает адвоката Александра Корелова. А Корелов — это председатель Юридического комитета при том самом РАЦИРС.

Артем придвинулся ближе, вчитываясь в текст на экране.

— Они сострепали целый научный труд, — продолжил Никита, открывая сканы судебных документов, приложенных к статье. — Два тома дела о том, что Елена — сектантка. Заключение подготовил ученик Дворкина, а сам Дворкин специально прилетел из Москвы в Пермь, чтобы выступить в суде в качестве свидетеля и эксперта. Он заявил под присягой, что женщина попала под влияние сект, бросила мужа и скрылась. При этом Елена видела Дворкина впервые в жизни.

— Подожди, — Артем нахмурился, его аналитический ум быстро выстраивал логическую цепочку. — То есть бизнесмен платит деньги структуре Дворкина. Те пишут фиктивную экспертизу, называя коммерческую компанию тоталитарной сектой. Затем сами же выступают в суде как независимые эксперты, подтверждая свои же выводы. Это замкнутый коммерческий цикл.

— Именно, — кивнул Никита. — Но самое страшное не это. Смотри, что сделала сама Елена, когда поняла, с кем имеет дело.

Никита выделил курсором абзац с прямой речью пострадавшей женщины и зачитал короткий фрагмент ее рассказа:

«Я решила проверить, каким образом они работают, позвонила в РАЦИРС, рассказала, что у меня якобы муж работает в Амвей (не стала говорить про Гербалайф, привела другой пример) — а для них это тоже секта — и еще он йогой увлёкся в последнее время, мол, что мне делать? И мне сразу описали примерный сценарий: можно их нанять, они придут, расскажут, как действовать, сострепают документы, выступят на суде свидетелями — всё это за определённую плату. То есть, мой случай — это хорошо спланированная акция, которая оплачивается бывшим мужем».

В комнате повисла тяжелая тишина. Слышно было только тихое гудение мощных процессоров в системном блоке Артема.

— Они пытались признать ее неменяемой, — тихо добавил Никита, пролистывая страницу вниз. — Представили в суд бумагу, чтобы упечь здоровую женщину, мать двоих детей, в психиатрическую клинику. И суд принимал эти документы, потому что на них стояли синие печати и подписи «экспертов-религиоведов».

Артем откинулся в кресле и потер уставшие глаза. Его прагматичная картина мира, в которой все решали логика и закон, окончательно рухнула. Перед ними была не просто группа религиозных фанатиков. Перед ними была хорошо организованная, циничная структура, предоставляющая услуги по уничтожению человеческих судеб под ключ.

— Значит, отец не просто повторяет телевизионные бредни, — медленно произнес Артем. — Он транслирует идеологию, которая была искусственно создана и внедрена в общество вот такими людьми, как этот Дворкин. Они придумали термин «тоталитарная секта», они сами решают, кого под него подвести, и они же получают за это деньги и власть.

— А силовики используют их экспертизы, чтобы легализовать свои облавы и получать премии за борьбу с экстремизмом, — закончил мысль Никита. — Симбиоз государства и коммерческой инквизиции. И Лиза попала прямо в эти жернова.

Артем резко поднялся. Он подошел к окну, за которым сгущались ранние зимние сумерки. Цифровое расследование дало им понимание схемы, но этого было недостаточно. Сидеть перед мониторами и читать о чужих трагедиях означало оставаться пассивными наблюдателями.

— Мы не можем просто читать статьи, Никита, — Артем повернулся к брату, и в его глазах читалась жесткая, холодная решимость. — В деле Елены Брессем был заказчик — ее муж. В случае с Лизой тоже должен быть кто-то, кто инициировал этот налет. Полиция не вламывается в арендованные залы просто так. Был донос. Была наводка.

— Ты хочешь найти того, кто написал заявление? — Никита напрягся. — Это материалы следствия. Нам их никто не даст.

— Законным путем — нет, — Артем подошел к столу и взял свой телефон. — Но у любой цифровой базы есть уязвимости. И у любого сотрудника в погонах есть цена. Я не собираюсь ждать, пока они состряпают на Лизу такие же два тома экспертиз и отправят ее в колонию или в психушку.

Он набрал номер, который не был записан в его официальной телефонной книге. Это был контакт человека из теневого сектора, специалиста по извлечению данных из закрытых ведомственных систем. Артем никогда раньше не пользовался его услугами, предпочитая оставаться в легальном поле. Но легальное поле только что закончилось.

— Да, это я, — коротко бросил Артем в трубку, когда на том конце ответили. — Мне нужна полная выгрузка из КУСП по вчерашнему задержанию на Ленина, 45. Кто звонил, кто писал рапорт, кто проводил первичную оперативную разработку. Цена не имеет значения. Жду.

Он сбросил вызов и посмотрел на распечатанные листы дела Елены Брессем, лежащие на столе. Черные буквы на белой бумаге казались следами пепла. Механизм, перемалывающий людей, работал бесперебойно, но теперь братья знали имя того, кто стоял у пульта управления этой машиной. И они собирались подобраться к нему вплотную.

Глава 8. Нити ведут в тень

Лицо тучного мужчины в рясе, застывшее на центральном мониторе Артема, казалось высеченным из серого камня. Нажатая пауза видеоплеера остановила его на полуслове, придав тяжелому, непререкаемому взгляду оттенок гротескной театральности. Внизу экрана светилась плашка: «Эксперт-религиовед, представитель антикультового центра».

Никита сидел на диване, обхватив голову руками. В его сознании, воспитанном на строгих принципах римского права и презумпции невиновности, происходил мучительный, болезненный слом. Юриспруденция учила его, что экспертиза — это венец объективности, инструмент, с помощью которого суд устанавливает истину, опираясь на специальные научные знания. Но то, что он видел сейчас, не имело к науке никакого отношения.

— Давай проверим его регалии, — глухо произнес Никита, поднимаясь и подходя к столу брата. — Вбей его фамилию в реестр юридических лиц. Посмотрим, что это за антикультовый центр.

Пальцы Артема с привычной, пугающей скоростью застучали по механической клавиатуре. Для него цифровой мир был абсолютно прозрачен; любая тайна здесь оставляла след, нужно было лишь знать, какой алгоритм применить для ее извлечения. На правом мониторе замелькали строчки баз данных, выписки из ЕГРЮЛ, архивные копии удаленных страниц.

— Смотри, — Артем указал на подсвеченный блок текста. — Организация зарегистрирована как автономная некоммерческая организация. Учредитель — один человек. В штате числится только директор и бухгалтер. Никаких научных лабораторий, никаких кафедр.

— Это классическая фирма-однодневка, — Никита впился взглядом в экран, чувствуя, как внутри закипает профессиональная ярость. — Только созданная не для отмыwania денег, а для отмыwania лжи. У них в основном виде деятельности даже не указана судебно-экспертная деятельность. Они не имеют права выдавать заключения для судов. У этого человека нет профильного религиоведческого или юридического образования, достаточного для проведения экспертиз.

Никита отошел к окну. Ночной город внизу казался мирным, но теперь эта тишина воспринималась как иллюзия.

— Понимаешь, что это значит? — Никита повернулся к брату. — Любое заключение, которое они выдают, содержит признаки преступления по части первой статьи 307 Уголовного кодекса — заведомо ложное экспертное заключение. Они выходят за рамки своей компетенции, делают юридические выводы, на которые не имеют права, и суд принимает эти бумажки как доказательство! Как юристы, судьи, прокуроры могут закрывать на это глаза? Какое моральное право они имеют обслуживать этот конвейер, зная, что ломают жизни невинным людям?

Артем не ответил. Его взгляд был прикован к бегущим строкам кода. Он запустил парсер — специальную программу, которая сейчас выкачивала и анализировала тысячи публикаций из местных и федеральных СМИ за последние пять лет, выискивая совпадения по ключевым словам: «секта», «деструктивный культ», «иностранное влияние».

— Оставь мораль философам, Никита, — холодно бросил Артем. — Здесь работает чистая математика и социальная инженерия. Я только что выгрузил историю публикаций по нашему региону. Иди сюда.

На центральном экране появилась сложная схема, напоминающая паутину. Красными точками светились даты и названия изданий.

— Я проанализировал медийное поле, — Артем начал водить курсором по узлам паутины. — Вырисовывается идеальная, бесперебойная схема. Смотри на хронологию. Сначала появляется агрессивная, радикальная статья на узкоспециализированном, маргинальном православном форуме. Автор — какой-нибудь местный активист из миссионерского отдела. Текст изобилует терминами вроде «пятая колонна» и «угроза семье».

Курсор переместился на следующую точку.

— Проходит ровно три дня. Этот же текст, но уже слегка причесанный, с убранными откровенными оскорблениями, публикуется в светском издании — в нашем «Городском Вестнике». Автором выступает штатный журналист, но если наложить тексты друг на друга, совпадение структуры составляет восемьдесят процентов. Журналист просто легализует радикальный вброс, придавая ему статус светской новости.

— А еще через неделю, — подхватил Никита, чувствуя холодок вдоль позвоночника, — на основании этой публикации в светском СМИ правоохранные органы инициируют проверку. Они ссылаются на «общественный резонанс».

— Именно, — кивнул Артем. — Это замкнутая эхо-камера. Они сами создают инфоповод, сами его раздувают через карманных журналистов, а затем используют как основание для силовых действий. Я пробил авторов этих статей в «Городском Вестнике». Это одни и те же люди. Годами они ведут системную работу по стравливанию социальных групп. Сегодня они пишут про кришнаитов, завтра про йогов, послезавтра про психологов. Они методично вбрасывают в общество ненависть.

Никита смотрел на схему, и перед его внутренним взором вставали лица тех, кто становился жертвами этой машины. Он думал о Лизе, о ее испуганных глазах после допроса. Он думал о журналистах, которые сидели в теплых редакциях и за зарплату конструировали мишени из живых людей.

— Я должен увидеть это сам, — внезапно сказал Никита. — Цифры и графики — это хорошо, Тёма. Но за этими статьями стоят конкретные люди. Мне нужно понять механизм передачи заказа. Как именно эти методички попадают из антикультового центра на стол редактору светской газеты.

— Что ты задумал? — Артем нахмурился, оторвавшись от клавиатуры.

— Завтра понедельник. Я поеду в редакцию «Городского Вестника».

Утро выдалось промозглым. Мокрый снег с дождем превратил улицы райцентра в серое, чавкающее месиво. Здание, в котором располагалась редакция «Городского Вестника», представляло собой обветшалую советскую постройку из силикатного кирпича. На первом этаже находилась типография, откуда тянуло запахом свинцовой краски и сырой бумаги, а на втором ютились кабинеты журналистов.

Никита поднялся по выщербленным бетонным ступеням. Сердце билось тяжело и гулко. Он не был оперативником, у него не было корочек или права на обыск. У него была только легенда студента-юриста, собирающего материал для курсовой работы по закону о средствах массовой информации.

Коридор второго этажа был тускло освещен мигающими люминесцентными лампами. Двери кабинетов были приоткрыты, оттуда доносился стук клавиатур и обрывки телефонных разговоров. Никита медленно шел по линолеуму, вглядываясь в таблички. Ему нужен был кабинет главного редактора.

В самом конце коридора он увидел массивную дерматиновую дверь. Она была приоткрыта буквально на ладонь. Никита остановился, делая вид, что завязывает шнурок, и прислушался.

Из кабинета доносился раздраженный мужской голос:

— Поймите, отец Илья, мы не можем пустить этот текст в таком виде. Это чистая 282-я статья, разжигание розни. Если я напечатаю, что их нужно «выжигать каленым железом», мне прокуратура завтра же вынесет предупреждение.

— Вы слишком осторожничаете, Виктор Сергеевич, — ответил второй голос, мягкий, вкрадчивый, с характерной плавной интонацией. — Никто вам ничего не вынесет. Вопрос согласован на уровне управления внутренней политики. Нам нужен градус. Нам нужен общественный гнев. Люди должны понимать, что эти сектанты —

прямая угроза их детям. Смягчите формулировки, уберите «каленное железо», напишите «требуют жесткого государственного контроля». Но суть должна остаться.

Никита затаил дыхание. Он осторожно выпрямился и заглянул в щель. За заваленным бумагами столом сидел грузный, лысеющий мужчина в помятой рубашке — очевидно, редактор. Напротив него, спиной к двери, располагался человек в строгом гражданском костюме, но его осанка и манера держать руки выдавали в нем человека, привыкшего носить рясу.

Человек в костюме положил на стол редактора плотную пластиковую папку.

— Здесь материалы по их финансовым потокам. Экспертное заключение нашего центра уже готово. Ваша задача — выпустить установочную статью в четверг. В пятницу пойдет оперативная работа. Картинка должна быть подготовлена. Общество должно аплодировать, когда их будут выводить в наручниках.

— Хорошо, — редактор тяжело вздохнул и придвинул папку к себе. — Сделаем. Но с вас, как договаривались, эксклюзивный комментарий Дворкина для нашего воскресного выпуска. Мне нужны рейтинги.

— Александр Леонидович всегда готов поддержать тех, кто стоит на страже духовной безопасности, — мягко ответил гость, поднимаясь со стула.

Никита мгновенно отпрянул от двери и бесшумно скользнул в соседнюю нишу, где стоял старый, гудящий кулер с водой. Дверь кабинета скрипнула, и человек в костюме вышел в коридор. Он прошел мимо Никиты, обдав его запахом дорогого парфюма и едва уловимым ароматом ладана.

Как только шаги гостя стихли на лестнице, Никита выглянул из укрытия. Редактор в кабинете встал из-за стола и подошел к окну, оставив папку открытой. Это был шанс, который выпадает один раз.

Никита шагнул в кабинет.

— Извините, Виктор Сергеевич? — громко сказал он, делая шаг к столу.

Редактор вздрогнул и резко обернулся.

— Вы кто такой? Как вы сюда попали? Секретарь где?!

— Я студент юридического факультета, — Никита включил все свое обаяние, одновременно сканируя взглядом открытую папку на столе. На верхнем листе красовался

логотип РАЦИРС и заголовок: «Методические рекомендации по информационному освещению деятельности деструктивных культов». — Пишу работу по свободе слова. Хотел задать вам пару вопросов о редакционной политике.

— Какая курсовая?! Пошел вон отсюда! — редактор побагровел, инстинктивно бросаясь к столу и захлопывая папку, но было поздно. Никита успел прочитать первые строчки, где прямым текстом предписывалось использовать термины «зомбирование» и «финансовая эксплуатация» вне зависимости от реальных фактов.

— Извините за беспокойство, — Никита поднял руки в примирительном жесте и быстро вышел из кабинета, спиной чувствуя тяжелый, подозрительный взгляд редактора.

Он спустился по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, выскочил на холодную улицу и быстро зашагал прочь от здания, смешиваясь с толпой прохожих. В груди колотилось сердце, но разум был абсолютно холоден и ясен. Теперь у него не было сомнений. Это не была случайная цепь событий. Это был конвейер.

Через час он сидел в квартире Артема, сжимая в руках кружку с горячим кофе. Артем внимательно слушал рассказ брата, не перебивая.

— Они сверяют публикации с силовиками и администрацией, — закончил Никита. — Журналист знает, что пишет ложь. Эксперт знает, что его заключение — фикция. Силовик знает, что задерживает невиновных. Но все они действуют в единой связке. Это симбиоз.

Артем развернулся к своим мониторам. На экране все еще висела схема медийных связей.

— Я читал исследования по нейропластичности мозга, пока тебя не было, — медленно произнес Артем, глядя на красные точки публикаций. — То, что они делают через эти газеты и телесюжеты — это не просто пропаганда. Это классическая вербальная манипуляция. Они используют технику создания устойчивого негативного образа через повторяющиеся триггеры.

Артем вывел на экран подборку заголовков из разных изданий за последние годы.

— Смотри. Слова «секта», «угроза», «разрушение» повторяются с математической точностью. Современная нейропсихология доказывает, что повторяющийся медиаконтент физически формирует устойчивые ассоциативные паттерны в мозге человека. Аудитория начинает автоматически связывать объект с чувством страха и

отторжения. Они блокируют рациональное мышление людей через эмоциональную перегрузку.

Никита подошел к экрану.

— Дегуманизация, — тихо сказал он. — Они лишают своих жертв человеческих черт. Превращают их в абстрактное зло. Именно поэтому наш отец так легко поверил, что Лиза — враг. Его мозг просто отреагировал на заложенный триггер. Журналистика в их руках превратилась в инструмент психологического террора. Они программируют общество на ненависть.

— И карманные журналисты вроде этого редактора с радостью предоставляют им полосы, — добавил Артем. — За эту кровь на страницах хорошо платят рейтингами и лояльностью власти. Они заставляют читателя получать скрытое адреналиновое удовольствие от травли.

Братья стояли перед светящимися мониторами, осознавая весь ужас открывшейся им картины. Расследование, начавшееся с попытки защитить близкого человека от нелепых обвинений, привело их к обнаружению гигантской, невидимой инфраструктуры. Эта структура не просто сажала людей в тюрьмы. Она переписывала сознание целой нации, превращая обычных граждан в послушных, агрессивных исполнителей чужой воли. И нити от этой паутины тянулись далеко за пределы их маленького сибирского райцентра, уходя в глубокую, непроницаемую тень высоких кабинетов.

Глава 9. Пепел на снегу

Январское утро 2026 года выдалось глухим, беспросветным и по-сибирски безжалостным. Мороз сковал землю так, что каждый шаг отдавался звонким, сухим хрустом, а воздух казался плотным, почти осязаемым. В это утро привычный ритм жизни фермерского хозяйства, выстроенный десятилетиями каторжного труда Нины Николаевны, был сломан навсегда.

Колонна техники появилась на проселочной дороге еще до рассвета, когда над крышами только-только начали подниматься первые, робкие дымки от печей. Это были не обычные участковые на старых «УАЗах». К воротам дома подкатили три тяжелых грузовика, два микроавтобуса с тонированными стеклами и желтый, лязгающий гусеницами экскаватор. Из машин, тяжело спрыгивая на мерзлый снег, посыпались люди в черной тактической форме, бронежилетах и балаклавах. За ними, кутаясь в дорогие пуховики, вышли несколько человек в гражданском с папками в руках.

Владимир Яковлевич выскочил на крыльцо в накинutom поверх тельняшки старом тулупе. Его впалая грудь тяжело вздымалась, а в глазах, еще не до конца проснувшихся, плескалась смесь привычной хозяйской ярости и внезапного, липкого недоумения. Он привык, что власть — это телевизионный образ, мудрый и справедливый, карающий где-то там, далеко, абстрактных врагов и предателей. Но сейчас эта власть в виде безликих людей с автоматами стояла в его собственном дворе.

— Эй! Вы кто такие?! — хрипло крикнул Владимир Яковлевич, сжимая в руке свою суковатую палку. — По какому праву на частную территорию прете?

Один из людей в гражданском, мужчина с равнодушным лицом, сделал шаг вперед. Он не смотрел в глаза хозяину дома. Его взгляд скользил поверх голов, словно он общался с неодушевленными предметами.

— Постановление Правительства РФ от 26 мая 2006 года № 310, — монотонно, как заведенный механизм, произнес чиновник, протягивая помятый лист бумаги с синей печатью. — В районе зафиксирована вспышка опасного заболевания. Введен режим чрезвычайной ситуации. Весь крупный рогатый скот, а также свиньи подлежат немедленному изъятию и уничтожению путем сжигания в санитарных траншеях.

— О чем вы говорите?! — Владимир Яковлевич задохнулся, краска прилила к его землистому лицу. — У меня скотина здоровая! Совсем недавно ветеринар местный был, прививки плановые ставил! Никто у нас анализы не брал! Вы что! Я ветеран! Я за вас, бюрократов, кровь проливал! Я за ленточкой здоровье оставил! Я Путину напишу, вы у меня все под трибунал пойдете!

Он попытался шагнуть к чиновнику, размахивая палкой, но двое бойцов в черном мгновенно преградили ему путь. Один из них коротко, профессионально ударил прикладом автомата по руке Владимира Яковлевича. Палка отлетела в снег.

— Гражданин, не препятствуйте законным действиям властей, — ледяным тоном произнес боец из-под балаклавы. — Иначе пойдете по статье за нападение на сотрудника при исполнении. Назад.

Никита, выбежавший во двор следом за отцом, успел подхватить оседающего Владимира Яковлевича. Студент-юрист видел, как экскаватор уже ломает заднюю стену их загона, чтобы не тратить время на вывод животных через узкие ворота. Он слышал, как в хлеву тревожно, предчувствуя смерть, замычали коровы.

Нина Николаевна появилась во дворе в одной легкой кофте. Она не кричала. Она шла к хлеву медленно, словно во сне, протягивая вперед свои натруженные, покрытые глубокими трещинами руки. В этих девяти коровах, в этих свиньях была заключена вся ее жизнь. Это был ее личный, ежедневный подвиг, благодаря которому семья выживала в самые тяжелые годы.

— Зорька... Маечка... — шептала она, глядя, как люди в черном грубо выгоняют обезумевших от страха животных на мороз.

Один из силовиков преградил ей дорогу, просто выставив вперед руку в кевларовой перчатке. Нина Николаевна наткнулась на эту руку, как на бетонную стену, и вдруг осела на снег. Она не плакала. Ее лицо превратилось в серую, безжизненную маску. Глаза остановились, уставившись в одну точку. В этот момент внутри нее что-то безвозвратно оборвалось. Механизм, который десятилетиями гнал ее подниматься в четыре утра и таскать тяжелые ведра, сломался.

Уничтожение заняло несколько часов. Животных не увозили. Экскаватор вырыл глубокую траншею прямо за околицей, на пустыре. Туда сгоняли скот. Раздались глухие, ритмичные хлопки выстрелов. Затем в траншею полетели канистры с соляркой, и в серое сибирское небо взвился густой, жирный, тошнотворный столб черного дыма. Запах горящей плоти накрыл село плотным саваном.

Владимир Яковлевич сидел на ступеньках крыльца, обхватив голову руками. Его мир, выстроенный на слепой вере в телевизионную пропаганду, рухнул в эту санитарную траншею вместе с убитыми коровами. Он всегда верил, что государство — это строгий, но справедливый отец, который наказывает только тех, кто этого заслуживает: предателей, сектантов, либералов. Он сам готов был рвать глотки тем, кто сомневался в правильности курса. И вот теперь этот «справедливый отец» пришел в его дом, избил

его, растоптал труд его жены и лишил их единственного источника существования. Без суда. Без следствия. Без объяснения реальных причин.

Никита поднял сброшенную чиновником копию постановления. Он вчитывался в сухие, канцелярские строчки, и в его сознании начали с пугающей скоростью соединяться фрагменты мозаики, которую они с Артемом собирали последние недели.

Вечером того же дня, когда дым над пустырем начал рассеиваться, оставляя после себя лишь серый пепел, оседающий на белый снег, Никита сидел в квартире среднего брата. Артем, не отрываясь, смотрел на свои мониторы. Его лицо в свете экранов казалось высеченным из мрамора.

— Мама слегла, — тихо сказал Никита, глядя в чашку с остывшим кофе. — Врач со скорой сказал, что это тяжелейший нервный срыв. Предынсультное состояние. Она просто лежит и смотрит в стену. А отец... отец сломался. Он сидит на кухне и бормочет про какие-то ошибки на местах. Пытается убедить себя, что царь хороший, просто бояре плохие. Его психика не может вместить того факта, что система, которой он поклонялся, сожрала его самого.

Артем развернулся в кресле. На центральном мониторе была открыта сложная схема корпоративных связей.

— Это не ошибка на местах, Никита, — голос Артема был лишен эмоций, но в нем звенела сталь. — Я пробил это постановление. Я поднял данные по ветеринарным лабораториям региона. Никаких вспышек заболеваний нет. Статистика заболеваемости по нашему району нулевая. Ни одного подтвержденного лабораторного теста.

— Тогда зачем? — Никита поднял глаза. — Зачем пригонять силовиков и сжигать здоровый скот у простых фермеров?

— Экономика, — Артем вывел на экран выписку из реестра юридических лиц. — Смотри. Месяц назад в областном центре зарегистрирована новая компания. Уставной капитал — миллиарды. В учредителях через цепочку подставных фирм числятся родственники одного чиновника. Они планируют строить гигантский животноводческий комплекс всего в тридцати километрах от нашего села.

Артем увеличил масштаб карты на экране, показывая красные зоны вокруг будущего комплекса.

— Им не нужны мелкие частники. Частники — это неконтролируемый рынок сбыта, это независимость населения, это конкуренция, пусть и микроскопическая. Но главное — по новым санитарным нормам, которые они сами же и пролоббировали, вокруг крупных агрохолдингов должна быть создана «буферная зона», свободная от любого частного скота. Якобы для предотвращения инфекций. И вместо того, чтобы выкупать хозяйства или договариваться с людьми, они используют государственный аппарат принуждения. Они просто объявляют фиктивный карантин и зачищают территорию чужими руками, за бюджетный счет.

Никита встал и подошел к окну. В отражении стекла он видел свое бледное лицо. Юридическая логика, которой его учили, трещала по швам, уступая место пониманию истинной природы власти.

— Тёма, ты понимаешь, что мы сейчас видим? — медленно произнес Никита, оборачиваясь к брату. — Это же абсолютно тот же самый чертеж. Та же самая архитектура подавления, которую мы изучали на примере Дворкина и его антикультовой сети.

Артем нахмурился, внимательно слушая.

— Подумай сам, — Никита начал мерить шагами комнату, его мысли выстраивались в четкую, безжалостную линию. — Как Дворкин уничтожал неудобные религиозные или общественные группы? Он не мог просто сказать: «Они мне не нравятся, закройте их». Он использовал инструмент фиктивной экспертизы. Он вешал на них ярлык «тоталитарная секта», объявлял их «духовной инфекцией», угрозой для общества. И на основании этой сфабрикованной бумажки государство применяло силу: вламывалось в дома, избивало людей, сажало их в тюрьмы.

Никита остановился напротив мониторов, указывая на постановление.

— А теперь посмотри на это. Агромафия делает ровно то же самое. Они не могут просто прийти и отобрать коров у нашей матери. Это грабеж. Поэтому они заказывают фиктивную ветеринарную экспертизу. Они вешают на здоровых животных ярлык «биологической инфекции». И на основании этой бумажки приезжает тот же самый ОМОН, с теми же самыми автоматами, и уничтожает чужую собственность.

— Механизм легализации террора, — тихо констатировал Артем, понимая, к чему клонит брат.

— Именно! — Никита ударил кулаком по ладони. — Дворкин не просто сломал жизни тысячам верующих. Он сделал нечто гораздо более страшное. Он протестировал, отладил и передал универсальную технологию обхода закона. Он доказал системе, что если ты назовешь жертву «зараженной» — духовно или физически, — то общество промолчит, а суды закроют глаза на любой беспредел. Экспертиза стала абсолютным оружием. Неважно, кто ее пишет — религиовед в рясе или ветеринар в халате. Главное, что она дает санкцию на насилие.

В комнате повисла тяжелая тишина. Братья осознали масштаб катастрофы. То, что начиналось как локальное расследование преследования кришнаитов, обернулось вскрытием фундаментального принципа работы современного государства. Система научилась использовать страх перед «заражением» как универсальную отмычку от любых конституционных прав.

— Наш отец, — вдруг произнес Никита, и в его голосе прозвучала глубокая, горькая печаль. — Он годами сидел перед телевизором и радовался, когда силовики клали лицом в пол тех, кого называли сектантами или иностранными агентами. Он верил, что это очищение общества. Он аплодировал этому механизму. А сегодня этот механизм приехал к нему во двор. Потому что машине террора абсолютно все равно, кого перемалывать. Сегодня ты патриот и ветеран, а завтра чья-то подпись на бумажке превращает твое хозяйство в «санитарную угрозу», и тебя стирают в порошок.

Артем молча закрыл вкладки с корпоративными схемами. Цифры и графики больше не могли описать ту бездну, в которую они заглянули.

— Мы не можем просто сидеть и смотреть на это, — сказал Артем, поднимаясь. — Если они используют экспертизы как оружие, значит, мы должны показать, как это оружие куется. Мы должны вытащить на свет тех, кто пишет эти бумажки, и тех, кто за них платит.

Никита кивнул. Он вспомнил запах горящей плоти, серый пепел на белом снегу и пустые, мертвые глаза своей матери. Закон в этой стране больше не защищал людей. Он стал инструментом их уничтожения. И чтобы остановить этот конвейер, нужно было бить не по исполнителям в балаклавах, а по тем, кто обеспечивал им идеологическое и документальное прикрытие.

На столе Артема завибрировал телефон. На экране высветился незнакомый номер. Артем включил громкую связь.

— Алло? — настороженно произнес он.

На том конце провода раздался тяжелый, прерывистый вздох, а затем знакомый хриплый голос. Это был Валерий. Старший брат, который последние недели не выходил из алкогольного пике в своей пустой элитной квартире.

— Тёма... Никита с тобой? — голос Валерия звучал непривычно трезво, но в нем слышалось глухое отчаяние человека, стоящего на краю пропасти. — Я только что говорил с отцом. Он плачет, Тёма. Батя плачет. Я никогда в жизни этого не видел.

Валерий замолчал на несколько секунд, собираясь с силами.

— Я нашел в шкафу свой парадный китель, — медленно продолжил старший брат. — С медалями. Я смотрел на него и думал: за что я отдал свою руку? За то, чтобы они приехали и сожгли жизнь нашей матери? Вы были правы. Вы оба были правы. Приезжайте ко мне. Нам нужно поговорить.

Связь оборвалась. Никита посмотрел на погасший экран телефона, затем перевел взгляд на темное окно. Механизм, запущенный десятилетия назад высокоинтеллектуальным маньяком, продолжал свою кровавую жатву, но сегодня он совершил критическую ошибку. Он ударил по тем, кому больше нечего было терять. И пепел, осевший на сибирский снег, стал не концом их истории, а лишь началом настоящей войны.

Глава 10. Запретная территория

Мерцающий, холодный свет трех изогнутых мониторов выхватывал из полумрака комнаты осунувшееся лицо Артема. Он не спал уже больше суток. Вокруг его рабочего кресла громоздились пустые кофейные чашки, а воздух в квартире казался спертый, пропитанным электрическим озоном и тяжелым напряжением человеческой мысли, столкнувшейся с чем-то непостижимо темным.

Никита сидел на диване, подтянув колени к груди. Его взгляд был прикован к центральному экрану, где Артем с помощью специализированного софта визуализировал структуру связей. Это больше не было похоже на локальную проблему

или частную инициативу группы религиозных фанатиков. Перед братьями разворачивалась гигантская, пульсирующая цифровыми узлами транснациональная паутина.

— Я проанализировал финансовые потоки, учредительные документы, списки аффилированных лиц и архивы международных конференций, — голос Артема звучал сухо, но в этой сухой констатации фактов скрывался глубокий шок человека, привыкшего доверять логике. — То, что мы видели в местном отделе полиции, то, что произошло с Лизой — это даже не щупальце. Это микроскопический волосок на теле огромного левиафана. Александр Дворкин не просто создал общественную организацию в России. Он выстроил международную антикультовую сеть, которая функционирует по принципам закрытого синдиката.

Артем вывел на экран таймлайн, берущий свое начало в далеком 1993 году.

— Тридцать лет, Никита. Тридцать лет непрерывной, методичной работы. Центр Иринаея Лионского, затем РАЦИРС, затем интеграция в европейскую структуру FECRIS. Они работают в России с начала девяностых. Понимаешь, что это значит? Целое поколение, наше с тобой поколение, выросло в информационном поле, которое они ежедневно, по капле, отравляли своей идеологией. Они постепенно меняли общественное сознание, нормализуя ненависть. Наш отец не сошел с ума в одночасье. Его мозг, как и мозги миллионов других людей, три десятилетия готовили к тому, чтобы он начал искать врагов среди своих же соседей.

Никита подошел к столу, вглядываясь в исторические справки, которые Артем вытащил из закрытых европейских архивов. Юридический ум Никиты требовал найти первопричину, точку отсчета, из которой произросла эта архитектура ненависти. И то, что он читал сейчас, заставляло кровь стынуть в жилах.

— Тёма, посмотри на методологию, — Никита указал пальцем на переведенные с немецкого языка документы двадцатых годов прошлого века. — Это же прямая калька. Они не придумали ничего нового. Они взяли готовый чертеж.

Артем кивнул, открывая текстовый файл с результатами независимого расследования, которое ему удалось вытащить из теневого сегмента сети.

— Я нашел документальное подтверждение этой преемственности, — сказал Артем и зачитал вслух абзац, который расставлял все по своим местам: — «В предыдущих статьях мы подробно рассмотрели процесс разрушения демократии и

свобод на примере нацистской Германии. Ключевую роль в этом процессе сыграла методология дегуманизации жертв и создания в массовом сознании образа врага. Ведь нацизм не может существовать без врага и без войны. Эти методы были переданы НСДАП Апологетическим центром Вальтера Кюннета, и их непосредственное применение привело к появлению нацизма со всеми его бесчеловечными проявлениями и преступлениями».

В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина. Никита физически ощутил, как рушится его вера в правовое государство. Нацизм, который, как его учили в школе и университете, был побежден и осужден всем человечеством, никуда не исчез. Он просто сменил униформу, адаптировал свой словарь и продолжил свою работу под видом защиты духовной безопасности.

— Они передавали эту заразу из рук в руки, — продолжил Артем, выводя на экран новые исторические справки. — Вот еще один фрагмент из того же расследования: «С окончанием Второй мировой войны ученик Кюннета, Фридрих Вильгельм Хаак, и его идейный последователь, Йоханнес Огорд, создали международную сеть апологетических центров под названием «Диалог-центр», подготовившую целое поколение активистов. Эти люди, действуя под предлогом борьбы с культами, на самом деле распространяют нацистскую идеологию во многих странах мира». И именно у Огорда учился Дворкин. Он привез эту технологию расчеловечивания сюда.

— Создание образа врага, — прошептал Никита, отходя к окну. — Если ты хочешь уничтожить группу людей, тебе сначала нужно лишить их человеческих черт. Ты не можешь просто так прийти и избить женщину, поющую мантры. Общество возмутится. Закон тебя накажет. Но если ты назовешь ее «членом тоталитарной секты», если ты убедишь толпу, что она — угроза их детям, угроза государству... Тогда закон закрывает глаза, а толпа начинает аплодировать. Термин «секта» в их руках работает точно так же, как желтая звезда на одежде в гетто. Это маркер, выводящий человека за пределы правового и морального поля.

— И они делают это не ради веры, — жестко резюмировал Артем. — Я проследил их корпоративную структуру. Это бизнес на крови и страхе. Но чтобы понять, как именно крутятся шестеренки внутри этого механизма, нам недостаточно цифровых следов. Мне нужен был живой человек.

Никита резко обернулся.

— Ты кого-то нашел?

— Да, — Артем закрыл все окна на мониторах, оставив только защищенный мессенджер. — Я прогнал базы данных региональных отделений РАЦИРС за последние десять лет и сопоставил их с активностью в социальных сетях. Нашел человека, который был координатором их информационного отдела в соседней области, но пять лет назад внезапно оборвал все связи, удалил аккаунты и ушел в глухую тень. Я вышел на него через даркнет. Он напуган, но он согласился на встречу. Ему нужны деньги, а мне нужна информация. Собирайся. Мы едем в промзону.

Спустя два часа старенький седан Артема медленно катился по разбитому асфальту заброшенной промышленной окраины города. Моросил мелкий, колючий дождь, превращая грязь на обочинах в черное месиво. Ржавые остовы заводских цехов нависали над дорогой, как скелеты доисторических чудовищ. Место для встречи было выбрано не случайно — здесь не было камер видеонаблюдения, а случайные прохожие не появлялись даже днем.

Они припарковали машину возле тускло освещенной, круглосуточной рюмочной, прилепившейся к бетонному забору автобазы. Внутри, за дальним столиком, в самом темном углу, сидел сутулый мужчина лет сорока в потертой кожаной куртке. Перед ним стояла нетронутая стопка водки. Его глаза, воспаленные и бегающие, непрерывно сканировали помещение.

Артем и Никита сели напротив. Мужчина нервно дернул кадыком.

— Деньги принес? — его голос был сиплым, сорванным.

Артем молча положил на липкий стол толстый конверт. Мужчина, которого звали Антон, быстро смахнул его во внутренний карман куртки, даже не пересчитывая.

— Вы лезете туда, куда лезть не стоит, ребята, — Антон достал сигарету, его пальцы заметно дрожали. — Вы думаете, это просто кучка фанатиков? Вы идиоты. Это корпорация. И у нее есть зубы.

— Расскажи нам про внутреннюю кухню, — спокойно попросил Никита, глядя прямо в бегающие глаза бывшего антикультиста. — Как вы фабриковали дела? Как работали с полицией?

Антон нервно затаился, выпустив густое облако дыма. Алкоголь и страх развязали ему язык. Ему явно нужно было выговориться, сбросить с себя тяжесть того, соучастником чего он был долгие годы.

— Я пришел к ним в две тысячи десятом, — начал Антон, понизив голос почти до шепота. — Думал, буду защищать традиционные ценности. Спасать заблудшие души. А попал на конвейер по уничтожению людей. Нам из Москвы, из центрального аппарата Дворкина, спускали прямые методички. Там не было ни слова о богословии. Там были инструкции по оперативной разработке. Как внедряться в общины, как провоцировать конфликты, как правильно писать доносы, чтобы они гарантированно ложились в основу уголовных дел.

Он наклонился над столом, его лицо исказила гримаса отвращения — то ли к себе, то ли к своим бывшим хозяевам.

— В две тысячи шестнадцатом у нас была операция против одного реабилитационного центра для наркозависимых, — Антон привел конкретный пример, от которого Никите стало физически дурно. — Центр держали протестанты. Они реально вытаскивали людей с того света. Но они занимали хорошее здание в центре города, и у них была паства, которая не несла деньги в правильные кассы. Нам поступил заказ. Мы нашли мать одного из наркоманов, который сорвался и сбежал из центра. Мы сами написали от ее имени заявление в прокуратуру. Мы наняли журналиста из местной желтой газеты, заплатили ему пятьдесят тысяч рублей, и он выпустил статью с заголовком «Сектанты пытаются людей в подвалах».

Антон сделал судорожный глоток из стопки, поморщился и продолжил:

— А дальше схема отработана до автоматизма. На основании статьи полиция возбуждает проверку. Следователь, который тоже в доле или просто хочет легкую «палку» за раскрытие экстремизма, назначает религиозную экспертизу. И угадайте, куда он ее отправляет? Правильно, в наш же региональный филиал РАЦИРС. Мы сами писали заключение на свою же сфабрикованную статью. Мы писали, что это деструктивный культ, применяющий контроль сознания. Через месяц туда вломился СОБР. Руководителя центра посадили на семь лет. Здание передали муниципалитету, а потом оно странным образом оказалось в аренде у родственника нашего куратора.

— И вы понимали, что сажаете невиновного человека? — тихо спросил Никита. В его голове не укладывалось, как можно так буднично, за кружкой водки, рассказывать о разрушенной человеческой жизни.

— Конечно понимали! — Антон горько усмехнулся. — В этом и суть. Цель структуры — не защита граждан. Граждане для них — это просто кормовая база и расходный материал. Их цель — абсолютная власть и контроль над умами. Дворкин выстроил систему, в которой он решает, кто сегодня нормальный, а кто — сектант. Он монополизировал право на истину. Если ты контролируешь страх общества, ты контролируешь само общество. Политики, силовики, судьи — они все боятся попасть под этот каток, поэтому предпочитают сотрудничать. Мы были инквизицией двадцать первого века.

Антон затушил окурок о край пепельницы и затравленно посмотрел на входную дверь рюмочной.

— Я ушел, когда понял, что они начали применять карательную психиатрию, — его голос дрогнул. — Мы отправляли абсолютно здоровых людей, матерей, бизнесменов в психушки только за то, что они читали не те книги или перешли дорогу кому-то из наших спонсоров. Я не смог с этим спать. Я сбежал. Но они ничего не забывают. Эта сеть... она везде. Они интегрированы в государственный аппарат настолько плотно, что вы не найдете границу, где заканчивается секта Дворкина и начинается государство.

Внезапно дверь рюмочной со скрипом открылась. Внутри вошли двое крепких мужчин в темных дождевиках. Они не подошли к барной стойке, а остановились у входа, медленно обводя взглядом полупустое помещение.

Лицо Антона мгновенно побелело. Он вскочил так резко, что стул с грохотом опрокинулся на грязный кафель.

— Мне пора, — бросил он, не глядя на братьев, и, запахнув куртку, быстрым шагом направился к запасному выходу, ведущему во внутренний двор автобазы.

Артем и Никита переглянулись. Инстинкт самосохранения, обостренный до предела, кричал об опасности. Они поднялись из-за стола и направились к главному выходу, стараясь не смотреть на вошедших мужчин. Проходя мимо них, Никита почувствовал тяжелый, оценивающий взгляд, сверлящий его спину.

Они вышли на улицу. Дождь усилился, превратившись в сплошную ледяную стену. Артем быстрым шагом направился к машине, на ходу доставая ключи.

— Не оборачивайся, — процедил Артем сквозь зубы, открывая дверцу седана. — Садись быстро.

Никита прыгнул на пассажирское сиденье. Артем завел двигатель, и в этот момент фары их машины выхватили из темноты черный внедорожник без номеров, который медленно, с выключенными габаритами, выкатывался из-за угла бетонного забора, перекрывая им выезд на основную дорогу.

Артем резко ударил по тормозам, переключил передачу и, выкрутив руль до упора, бросил машину в узкий, заваленный строительным мусором проезд между гаражами. Днище седана с жутким скрежетом чиркнуло по битому кирпичу. В зеркале заднего вида Никита увидел, как внедорожник тяжело разворачивается, набирая скорость и устремляясь за ними в темный лабиринт промзоны.

В салоне повисла удушливая тишина, нарушаемая только ревом мотора и стуком дождя по крыше. Никита смотрел в темноту за лобовым стеклом, физически ощущая, как цифровые схемы и исторические документы, которые они изучали еще пару часов назад, обрели плоть, металл и готовность убивать. Они зашли на запретную территорию, и теперь эта территория обратила свой слепой, безжалостный взгляд прямо на них.

Артем действовал на чистых рефлексах, выработанных годами концентрации за мониторами, где миллисекунды решают исход компиляции сложного кода. Он резко ударил по педали тормоза, одновременно выкручивая руль влево и дергая ручник. Седан пошел в управляемый занос, его заднюю часть занесло на обледенелой грязи, и машина юзом влетела в узкий, заваленный строительным мусором проезд между двумя длинными рядами ржавых гаражей. Днище с тошнотворным скрежетом пропоролло кучу битого кирпича, искры брызнули из-под порогов, но машина проскочила.

Внедорожник, не вписавшись в крутой поворот из-за своих габаритов и высокой скорости, тяжело ударился правым крылом о бетонный столб. Раздался глухой звук сминаемого металла, посыпалось стекло. Артем не стал дожидаться, пока преследователи сдадут назад. Он вдавил педаль газа в пол, бросая машину в лабиринт промзоны, петляя между темными ангарами, перескакивая через занесенные снегом железнодорожные пути и вырываясь, наконец, на спасительный простор объездной трассы.

В салоне стояла удушливая, звенящая тишина, нарушаемая только хриплым дыханием братьев и стуком мелкого ледяного дождя по лобовому стеклу. Никита крепко вцепился в ручку над дверью. Его сердце билось где-то в горле. Одно дело — сидеть в теплой квартире и изучать цифровые схемы корпоративных связей, и совершенно другое — физически ощущать, как многотонная машина смерти пытается размазать тебя по грязному асфальту. Теневая структура, которую они начали вскрывать, только что показала свои реальные, физические клыки.

Спустя 3 часа они заперлись в квартире Артема. Его пальцы, еще минуту назад сжимавшие руль до судорог, теперь с пугающей скоростью запорхали по клавиатуре.

Никита остался стоять посреди комнаты. Адреналин медленно отступал, оставляя после себя ледяную, кристальную ясность ума. Студент-юрист подошел к своему ноутбуку и открыл базу данных нормативно-правовых актов. Ему жизненно необходимо было понять анатомию этого чудовища. Как именно система легализует террор? Какой правовой механизм позволяет людям в рясах и строгих костюмах ломать судьбы, оставаясь при этом абсолютно безнаказанными в глазах закона?

— Экспертиза, — глухо произнес Никита, вглядываясь в нормы процессуального законодательства и уголовного права. — В гражданском и уголовном процессе это царица доказательств. Судья не является специалистом в религиоведении, лингвистике или психологии. Он часто фактически опирается на мнение эксперта. И они превратили этот институт в идеальное орудие убийства.

Артем развернулся в кресле, его лицо в синеватом свете мониторов казалось маской.

— Я выгрузил статистику по делам об экстремизме за последние несколько лет, — сказал программист. — Посмотри на цифры. В первые два года после запрета организации Свидетелей Иеговы в апреле две тысячи семнадцатого года гонения охватили тридцать шесть регионов. Более четырехсот обысков. Семьдесят уголовных дел. Восемьдесят два человека побывали под стражей, из них двадцать семь на тот момент оставались в СИЗО. И с каждым годом сроки становятся только длиннее.

Никита подошел к экрану брата. За сухой статистикой скрывалась бездна человеческого горя. Он начал вчитываться в материалы конкретных уголовных дел, вытащенных Артемом из архивов правозащитных центров. Его взгляд зацепился за приговор, вынесенный в Новосибирске.

— Дело Юрия Савельева, — Никита открыл отсканированные страницы судебного решения. — Шестьдесят семь лет. Пенсионер. Осужден на шесть лет колонии общего режима. За что? Следствие утверждает, что он «организовывал религиозные собрания у себя в квартире, руководил чтением и обсуждением литературы». Шесть лет тюрьмы за чтение книг в собственной гостиной.

Никита прокрутил документ вниз, ища основание для такого чудовищного приговора. И он нашел его.

— В основу обвинения легла аналитическая справка, — голос Никиты дрогнул от профессионального омерзения. — Автор справки — некий Олег Заев. Я помню эту фамилию из наших прошлых поисков. Это ближайший соратник Дворкина, человек без профильного образования. Еще в две тысячи двенадцатом году он составил стостраничный документ против группы «Аят», и эта бумага до сих пор гуляет по судам как шаблон. Заев пишет справку, следователь приобщает ее к делу как доказательство вины, а судья штампует приговор.

Никита открыл стенограмму последнего слова Юрия Савельева в суде и зачитал вслух, чеканя каждое слово, чтобы оно навсегда отпечаталось в памяти:

«Я родился в Советском Союзе, и с детства учили меня быть правдивым, уважать старших, почитать родителей, честно работать, вести здоровый образ жизни, — говорил в своём последнем слове Савельев. — Этому я учил своих детей. И мне стыдно, что Россия вновь устраивает позорные гонения на самых миролюбивых, добрых и законопослушных граждан своей страны».

В комнате повисла тяжелая пауза. Никита отошел к окну, прижавшись лбом к холодному стеклу. Он думал о своей матери, Нине Николаевне, которая сейчас лежала в темной спальне родительского дома, глядя в пустую стену после того, как государственная машина уничтожила дело всей ее жизни на основании такой же фиктивной ветеринарной бумажки. Механизм был идентичным.

— Как закон позволяет им это делать? — спросил Артем, нарушая тишину. — Должна же быть ответственность за дачу ложных показаний.

— Статья триста семь Уголовного кодекса, — Никита вернулся к своему ноутбуку. — Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста. Формально она существует. Юристы давно требуют ужесточить ответственность за заведомо ложные

экспертные заключения, особенно если они приводят к тяжким последствиям. Но на практике эта статья почти мертва.

Никита выделил курсором текст комментария к закону.

— Ключевое слово здесь — «заведомо». Чтобы посадить эксперта, связанного с такими кругами, следствию нужно доказать его прямой умысел. Нужно доказать, что он не просто ошибся, а сознательно хотел обмануть суд. А в гуманитарных науках, в религиоведении, границы между фактом и интерпретацией размыты. Эксперт всегда может прикрыться «особой научной школой» или «субъективным мнением». Более того, в примечании к статье сказано, что эксперт освобождается от ответственности, если до вынесения приговора заявит о ложности своего заключения. Это идеальная серая зона. Законодательная лазейка, в которой они свили свое гнездо.

Артем задумчиво потер подбородок. Его аналитический ум требовал найти точку входа, момент, когда эта серая зона была институционализирована на государственном уровне.

— Если они так уверенно чувствуют себя в судах, значит, у них есть официальный статус, — Артем снова повернулся к клавиатуре. — Они не могут просто приходить с улицы и раздавать справки. Кто-то дал им государственные полномочия.

Программист запустил поиск по архивам Министерства юстиции, пробиваясь через слои устаревших баз данных и удаленных реестров. Спустя двадцать минут непрерывной работы он вывел на центральный экран отсканированную копию официального документа.

— Нашел, — тихо сказал Артем. — Приказ Минюста номер пятьдесят три от восемнадцатого февраля две тысячи девятого года. «О государственной религиоведческой экспертизе»; этим приказом были утверждены порядок экспертизы и положение об Экспертном совете при Минюсте.

Никита подошел ближе, вчитываясь в текст приказа. Полномочия совета поражали своим размахом: они имели право рекомендовать проверки религиозных общин, оценивать их деятельность и выносить суждения об экстремизме. Это был мандат на легальное уничтожение любой неугодной группы.

— А теперь смотри на состав совета, — Артем прокрутил страницу вниз. — Председатель — Александр Леонидович Дворкин. Заместители — Роман Силантьев и Валиулла Якупов. Большинство членов совета — связаны с РАЦИРС.

Никита почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Но это же прямое нарушение их собственного регламента, — юрист внутри Никиты отказывался верить своим глазам. — В приказе четко сказано, что совет формируется из государственных служащих и ученых-религиоведов. Дворкин не госслужащий. У него нет профильного светского образования религиоведа. Он вообще не проходит ни по одному критерию.

— Бюрократический парадокс, — усмехнулся Артем, но в его усмешке не было веселья. — Государство само нарушило свои законы, чтобы передать скальпель в руки фанатика. Они пустили лису в курятник и выдали ей удостоверение главного ветеринара. С этого момента экспертизы, стали одним из инструментов давления на религиозные меньшинства.

Никита вспомнил дело, которое они обсуждали ранее — процесс две тысячи одиннадцатого года в Томске, когда пытались признать экстремистским материалом книгу «Бхагавад-гита как она есть». Теперь этот процесс предстал перед ним в совершенно ином, пугающем свете.

— Томское дело, — произнес Никита, быстро находя нужные файлы в своей папке. — Участниками компании выступили подчиненные Дворкина и представители антисектантской среды, включая Максима Степаненко; экспертизы по делу проводили специалисты Томска и Кемерово.

Никита начал мерить шагами комнату. Философские вопросы, которые мучили его на лекциях по теории государства и права, сейчас обрели страшную, осязаемую форму.

— Понимаешь, Тёма, проблема ведь не только в Дворкине и его псевдоэкспертах, — рассуждал Никита, и его голос звучал глухо, словно из-под земли. — Проблема в судьях. В прокурорах. Они же профессиональные юристы. Они видят, что перед ними филькина грамота, написанная человеком без образования. Они видят, что экспертиза противоречит здравому смыслу. Но они принимают ее. Они подшивают ее к делу и отправляют шестидесятисемилетнего старика в колонию.

Никита остановился, глядя на свое отражение в темном окне.

— Это выглядит как преступный сговор, — жестко констатировал он. — Статья двести восемьдесят пятая — злоупотребление должностными полномочиями. Статья двести девяносто вторая — служебный подлог. Судья снимает с себя моральную и юридическую ответственность, перекладывая ее на бумажку с печатью экспертной структуры. Эксперт снимает с себя ответственность, прикрываясь «субъективным научным мнением». А в результате этой круговой поруки безответственности ломаются реальные человеческие жизни. Государство использует судебную систему как оружие для уничтожения инакомыслящих, для запугивания общества.

Артем молча слушал брата. Цифровой мир, в котором он привык искать логику и порядок, оказался лишь тонкой пленкой, натянутой над первобытным хаосом, где право сильного легализовано через бюрократические процедуры.

Внезапно тишину квартиры разорвал резкий, требовательный звонок мобильного телефона. Артем вздрогнул и посмотрел на экран. Валерий. Звонок теперь, после вскрытия правовой бездны, звучал как набат.

— Да, Валера, — ответил Артем, включая громкую связь.

Голос старшего брата был хриплым, но абсолютно трезвым. В нем больше не было пьяной жалости к себе. Там звучала холодная, сжатая пружина офицерской ярости.

— Вы где? — коротко спросил Валерий.

— У меня, — ответил Артем. — Только что ушли от хвоста в промзоне.

На том конце провода повисла секундная пауза. Затем Валерий произнес тоном, не терпящим возражений:

— Берите все свои жесткие диски, все документы и дуйте ко мне. Прямо сейчас.

— Валера, у тебя безопасно? — с сомнением спросил Никита, подходя к телефону.

— У меня наградной пистолет в сейфе и бронированная дверь, — отрезал старший брат. — Я сидел тут, смотрел на свой пустой рукав и думал о том, что вы мне рассказывали. О том, как они сожгли хозяйство матери. Я всю жизнь служил системе, думая, что защищаю Родину. А оказалось, что я охранял покой упырей, которые пишут липовые справки, чтобы грабить и сажать мой же народ. Жду вас.

Связь оборвалась.

Братья переглянулись. Артем молча начал выдергивать кабели из системного блока, быстро упаковывая жесткие диски в защитный кейс. Никита собирал распечатанные документы, складывая их в рюкзак. Страх больше не было. Было только холодное, методичное понимание того, что они перешли черту, за которой нет возврата к прежней жизни.

Через полчаса они стояли перед массивной металлической дверью в элитном жилом комплексе «Изумрудный город». Замок сухо щелкнул, и дверь распахнулась.

На пороге стоял Валерий. Он был чисто выбрит. Запах перегара, неделями висевший в этой квартире, исчез, выветренный сквозняком из открытых окон. На старшем брате был надет парадный офицерский китель. Пустой правый рукав был аккуратно заправлен за поясной ремень, а на левой стороне груди тускло поблескивали боевые награды. В его глазах, еще недавно мутных от алкоголя и отчаяния, горел жесткий, сфокусированный свет человека, который наконец-то увидел своего настоящего врага.

Валерий молча отступил в сторону, пропуская братьев в квартиру. На кухонном столе, рядом с пустой чашкой из-под крепкого кофе, лежал разобранный для чистки пистолет Макарова и несколько снаряженных магазинов. Механизм государственного террора, выстроенный на лживых экспертизах и слепом подчинении, совершил фатальную ошибку. Он разбудил силу, которая больше не собиралась играть по его правилам.

Глава 11. Диалоги в пустоте

Окна в гостиной были распахнуты настежь, выстужая из углов застарелый дух алкогольного забытья. Валерий стоял посреди комнаты. Начищенные медали тускло поблескивали в свете единственного торшера. Еще час назад по телефону его голос звучал как набат, призывающий к возмездию за сожженное хозяйство матери и растоптанную жизнь. Но сейчас, когда Артем молча выложил на стеклянный

журнальный столик защищенный кейс с жесткими дисками и открыл крышку ноутбука, в глазах старшего брата мелькнула странная, тяжелая тень.

Артем не стал тратить время на предисловия. Он вывел на экран отсканированные документы, схемы организационных связей и тексты тех самых экспертиз, которые ломали судьбы людей.

— Мы нашли корень, Валера, — сухо произнес Артем, разворачивая экран к старшему брату. — Те чиновники, которые прислали экскаваторы к нашему отцу, и те следователи, которые прессуют невиновных в отделах полиции — они все пользуются одной и той же правовой аномалией. Они используют фиктивные заключения, чтобы легализовать насилие. И идеологическая база для этого пишется не в кабинетах ФСБ. Она пишется людьми, которые прикрываются религией и защитой традиционных ценностей.

Валерий сделал шаг к столу. Его взгляд скользнул по строчкам, выхватив слова «секта», «деструктивный культ», «РАЦИРС», «религиоведческая экспертиза». И в этот момент произошло то, чего ни Артем, ни Никита не ожидали. Лицо Валерия, еще минуту назад выражавшее холодную решимость, внезапно исказилось гримасой брезгливого раздражения. Военная выправка исчезла, уступив место глухой, агрессивной обороне.

— Вы опять за свое? — хрипло бросил Валерий, отступая от стола, словно от источника заразы. — Я думал, вы нашли тех крыс в погонах, которые бюджет пилят и у матери коров отбирают. А вы мне снова свою сектантскую пропаганду притащили?

— Валера, это связанные вещи, — попытался объяснить Артем, сохраняя ледяное спокойствие. — Это единая структура управления обществом через страх.

— Закрой свой компьютер, Тёма! — рявкнул Валерий, и его левая рука инстинктивно сжалась в кулак. — Я не позволю в моем доме поливать грязью церковь! Вы там, в своих интернетах, совсем берегов не видите. Государство может ошибаться. Чиновники могут воровать. Я сам на своей шкуре, на своей оторванной руке это прочувствовал! Но вера — это святое. Мы там, в окопах, только молитвой и спасались. Мы воюем с сатанистами, с извращенцами, которые хотят нашу землю уничтожить. А вы мне тут пытаетесь доказать, что наши батюшки — это какие-то манипуляторы? Да вы сами оторвались от реальности! Вас эта твоя кришнаитка Лиза окончательно зомбировала!

Никита сидел на кожаном диване, не сводя глаз со старшего брата. Студент-юрист физически ощущал, как в комнате сгущается тяжелая, непроницаемая стена чужого безумия. Валерий, человек, которого система пережевала и выплюнула, человек, который только что осознал всю глубину государственного предательства по отношению к собственной семье, отчаянно цеплялся за последний спасательный круг своей разрушенной психики. Ему жизненно необходимо было верить, что война, на которой он стал калекой, имела высший, сакральный смысл.

— Валера, присядь, — тихо, но твердо сказал Никита. — Давай поговорим о святом. Давай поговорим о вере. Ты говоришь, что вы воюете с сатанистами. Кто тебе это сказал?

— Все говорят! — огрызнулся Валерий, тяжело опускаясь на стул напротив братьев. — По телевизору, в новостях, командиры наши. Там нормальных людей не осталось, там тоталитарная гиперсекта, которой управляют из-за океана. Их нужно выжигать, иначе они придут сюда.

— Тоталитарная гиперсекта, — эхом повторил Никита, чувствуя, как по спине ползет холод.

Сектоведческая терминология, доведенная до политического гротеска и примененная к целому суверенному государству, звучала из уст его родного брата с пугающей естественностью.

— А теперь послушай меня внимательно. Вера в Бога предполагает милосердие, любовь и личную ответственность за свои поступки. Бог не требует крови. Но те люди, которых ты сейчас защищаешь, они подменили Бога. Они вложили в православие жажду убийства. Они изгнали Христа из своей религии, Валера.

— Это просто слова... — глухо выдавил Валерий, отводя взгляд. — Эмоции. На войне по-другому нельзя. Там либо ты, либо тебя.

— Это не эмоции. Это боевой устав, — безжалостно продолжил Никита, перелистывая страницу на планшете. — Они сакрализуют каждое ваше нажатие на курок. Они снимают с вас моральный барьер. Вот, слушай внимательно: «Не заряжай ракету «Град» без молитвы. На каждую из них, когда заряжаешь, говори: “Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!” и так далее, и так далее, и так далее... А потом вжииих... бах...»

Никита замолчал, давая страшным словам повиснуть в тишине комнаты.

— Священник учит солдат заряжать реактивные системы залпового огня под молитву, — тихо произнес студент. — Как это возможно в здоровом сознании? Как можно просить Бога о милости, отправляя снаряд, который разорвет на куски чьих-то детей?

Валерий тяжело задышал. Его левая рука вцепилась в край стола с такой силой, что побелели ногти. Внутри него происходила чудовищная ломка. Вся его картина мира, в которой он был воином света, защищающим добро от абсолютного зла, трещала по швам под тяжестью этих неопровержимых, задокументированных фактов.

— А если и этого мало, — Никита нанес последний, самый страшный удар, открыв цитату главы церкви. — Вот слова самого Патриарха: «Если человек умирает при исполнении этого долга, то он несомненно совершает деяние, равносильное жертве. Он приносит себя в жертву за других. Поэтому мы верим, что эта жертва смывает все грехи, которые этот человек совершил».

Никита отложил планшет и посмотрел прямо в воспаленные глаза старшего брата.

— Индальгенция на убийство. Иди, убивай, грабь, разрушай чужие города, а если тебя убьют — мы гарантируем тебе место в раю. Чем это отличается от обещаний террористов-смертников, которым обещают гурий за взорванный автобус? Они взяли самую светлую религию и превратили ее в инструмент военной пропаганды. И ты, Валера, стал частью этого механизма.

— Замолчи! — Валерий вскочил, опрокинув стул. Его лицо исказила судорога боли и ярости. Он схватился левой рукой за пустой правый рукав, словно пытаясь удержать фантомную конечность. — Ты ничего не понимаешь! Ты сидел здесь, в тепле, книжки свои читал! А я там кровью харкал! Мои ребята там в посадках гнили! Мы верили, понимаешь?! Мы должны были во что-то верить, иначе там можно просто сойти с ума и пустить себе пулю в лоб!

Он тяжело зашагал по комнате, задыхаясь от невысказанной боли.

— Если то, что ты говоришь — правда... — голос Валерия сорвался на хриплый шепот. — Если они все врут... Тогда кто я такой? За что я отдал свою руку? За яхты генералов? Нет... Нет, этого не может быть. Вы все врете. Вы специально выдергиваете слова из контекста. Это информационная война, и вы работаете на врага!

Артем, до этого молча наблюдавший за сценой, медленно пододвинул к краю стола ноутбук с открытыми документами РАЦИРС.

— Никто ничего не выдергивает, Валера, — спокойно сказал программист. — Посмотри на эти бумаги. Посмотри на подписи. Это не эмоции, это система. Они годами писали методички о том, как расчеловечивать людей. Сначала они тренировались на мелких религиозных группах, называя их сектантами. А когда технология была отработана, они применили ее к целой стране. Посмотри на доказательства.

Артем развернул экран так, чтобы Валерию было хорошо видно. На мониторе светились сканы внутренних документов антикультового центра, переписки, финансовые отчеты, доказывающие прямую связь между идеологами ненависти и государственным аппаратом принуждения.

Валерий остановился в метре от стола. Его взгляд упал на светящийся прямоугольник экрана. Никита, затаив дыхание, наблюдал за братом. Это был момент истины. Момент, когда человек должен был сделать выбор между горькой, разрушительной правдой и комфортной, спасительной ложью.

Валерий смотрел на экран несколько долгих, мучительных секунд. Мышцы на его лице дергались. А затем он медленно, словно преодолевая огромное физическое сопротивление, отвернулся. Он закрыл глаза левой рукой и тяжело оперся о стену.

— Уберите это, — глухо, почти беззвучно произнес он. — Я не буду это читать. Это фальшивка. Вы сами это нарисовали.

— Валера... — начал было Артем, но Никита остановил его жестом.

Студент-юрист смотрел на сгорбленную спину старшего брата, и в его груди разливалась холодная, свинцовая тяжесть абсолютного понимания. Логика была бессильна. Факты, документы, цитаты — все это разбивалось о глухую, непробиваемую стену первобытного страха.

Никита осознал страшную истину: Валерий отказывался смотреть на документы не потому, что считал их подделкой. Он отказывался смотреть на них именно потому, что в глубине души понимал — это правда. Но принять эту правду означало заглянуть в бездну. Признать, что идеология, ради которой он убивал и ради которой стал инвалидом, была искусственно сконструирована фанатиками и циниками, означало полностью обнулить свою жизнь. Это означало признать себя не героем-мучеником, а обманутым,

слепым орудием в руках преступников. Человеческая психика, инстинкт самосохранения просто не могли выдержать такой нагрузки. Проще было обвинить родных братьев в сектантстве, проще было поверить в мировой заговор сатанистов, чем признать, что твоя собственная церковь и твое собственное государство использовали тебя как кусок пушечного мяса, предварительно отравив твою душу.

В комнате повисла мертвая тишина. Слышно было только прерывистое дыхание Валерия, стоящего лицом к стене, и тихое гудение кулеров ноутбука, на экране которого продолжали светиться документы, слишком тяжелые для человека, который всю жизнь верил приказам, присяге и словам с амвона. Никита смотрел на пустой рукав парадного кителя брата, понимая, что настоящая ампутация произошла не в полевом госпитале. Настоящая ампутация произошла в сознании, где способность к критическому мышлению и состраданию была безжалостно отсечена хирургическим скальпелем пропаганды. И никакие диалоги в этой пустоте больше не могли ничего изменить.

Глава 12. Цифровая блокада

Тяжелый, матово поблескивающий пистолет Макарова лежал на стеклянной поверхности журнального столика, разделяя пространство комнаты на две неравные части. С одной стороны находился Валерий, застывший в своем парадном кителе с пустым рукавом, словно изваяние разрушенной эпохи. С другой — Артем и Никита, принесшие в эту стерильную квартиру элитного комплекса цифровые доказательства масштабной системы давления, где государственные механизмы, экспертные заключения и идеологическая риторика срастались в единый репрессивный контур.

Артем потянулся к клавиатуре своего ноутбука, чтобы открыть следующую папку с выгруженными архивами антикультового центра, но его пальцы замерли в воздухе. Экран мигнул, изображение исказилось, и вместо структурированного дерева каталогов появилась серая, безликая страница с единственной строкой: «Соединение с сервером разорвано».

Программист нахмурился и быстро вбил в терминал команду проверки пинга. Ответа не последовало. Он переключился на резервный канал, активировал один из своих платных зарубежных VPN-сервисов, который безотказно работал последние три года. Иконка подключения вращалась несколько секунд, а затем выдала ошибку тайм-аута.

— Что случилось? — глухо спросил Валерий, не отрывая взгляда от разобранного оружия.

— Нас глушат, — напряженно ответил Артем, и в его голосе впервые за долгое время прозвучала не холодная аналитика, а неподдельная тревога. — Это не локальный сбой провайдера. Идет всеобщая блокировка протоколов на уровне магистральных узлов связи.

Артем начал лихорадочно перебирать свои технические инструменты. Он запускал скрипты обфускации трафика, пытался замаскировать пакеты данных под обычные HTTPS-запросы, использовал мосты сети Tor, но система отторгала каждое его действие с безжалостной, машинной эффективностью. Государственный аппарат контроля, который они до этого момента изучали лишь в теории, сейчас физически смыкал свои челюсти вокруг их цифрового пространства.

— Только за июнь две тысячи двадцать пятого года правозащитники зафиксировали более шестисот пятидесяти отключений интернета по всей стране, — произнес Артем, не отрывая глаз от бегущих строк кода, которые раз за разом выдавали ошибки доступа. — Они тестировали эту систему. А теперь включили ее на полную мощность. Доступ закрыт уже более чем к четырем сотням VPN-сервисов. WhatsApp, YouTube, Instagram, Facebook — все это отрезано. Они возводят глухую цифровую стену. Почти один миллион сайтов подвергся досудебной блокировке по запросам Роскомнадзора и прокуратуры.

Никита подошел к окну. Внизу, в свете желтых фонарей, по заснеженному проспекту ползли редкие автомобили. Город спал, не подозревая, что в эти самые минуты его окончательно изолируют от внешнего мира.

— Это логичный шаг, — тихо сказал студент-юрист. — Когда ты выстраиваешь империю на тотальной лжи, твоим главным врагом становится любая неконтролируемая информация. Такие структуры уязвимы перед оглаской. Они не могут посадить каждого,

кто прочитает правду об их экспертизах и методах. Поэтому они решили просто выключить свет во всей стране.

Артем наконец смог пробиться через несколько уровней защиты, используя арендованный сервер в Исландии и сложную цепочку зашифрованных туннелей. Скорость упала до критического минимума, страницы грузились по несколько минут, но связь появилась.

— Посмотри на это, Никита, — Артем указал на загрузившуюся ленту новостей из независимого агрегатора. — Они не просто блокируют сайты. Они меняют правила игры на ходу. С первого сентября вступили в силу законодательные поправки. Теперь уголовно наказуемым становится не только выражение мнений, но и сам факт поиска определенной информации в сети. Поиск экстремистского контента и даже реклама способов обхода блокировок криминализированы.

Никита склонился над экраном, вчитываясь в сухие сводки судебных решений. Юридическая реальность, которую он изучал в университете, мутировала, превращаясь в инструмент абсолютного террора. Правосудие больше не искало виновных в реальных преступлениях; оно карало за мысли, за случайные движения пальцев по экрану смартфона.

— Читай вслух, — попросил Валерий, тяжело опускаясь на стул. Ему, человеку, привыкшему к понятным правилам физического боя, было необходимо осознать контуры этой новой, невидимой войны.

Никита открыл первую попавшуюся ссылку и начал читать, чеканя каждое слово:

«Жизнь 72-летней пенсионерки из города Шахты российские власти перечеркнули из-за двух репостов в социальной сети. Несколько дней назад Евгению Майбороду отправили в колонию на пять лет. Гособвинитель требовал назначить ей шесть лет лишения свободы по ч. 2 ст. 207.3 и ч. 2 ст. 208 УК РФ за репост информации о количестве погибших российских военнослужащих и эмоциональный видеоролик».

— Пять лет колонии для семидесятидвухлетней женщины, — прошептал Никита, поднимая глаза на братьев. — За два клика мышкой. Но это еще не все. Слушайте дальше.

Он перешел на следующую вкладку, где был опубликован отчет Фонда защиты прав СМИ:

«В 2023 году пенсионера из Алтайского края оштрафовали на 15 тыс. рублей за то, что он поставил отметку “класс” в “Одноклассниках” под текстами и фотографиями, которые якобы были направлены на дискредитацию армии. Несмотря на то, что ни в одном законе напрямую не прописана ответственность за лайки, мы видим, как развивается практика — если суд сочтет контент дискредитирующим, то и пользователя, поставившего лайк, могут наказать. Кроме того, в некоторых социальных сетях, например, ВК рекомендательные алгоритмы настроены так, что вашим подписчикам в ленте показываются посты, которые вам понравились, и тогда лайк еще могут приравнять к распространению информации».

Валерий молчал. Его здоровая рука медленно поглаживала холодный металл пистолета. Он начинал понимать, что враг, с которым они столкнулись, не имеет линии фронта. Этот враг находился везде: в проводах, в телефонных вышках, в кабинетах судей и в головах соседей, готовых написать донос на пенсионерку.

— Они бьют по случайным целям, чтобы парализовать страхом всех остальных, — тихо констатировал Артем. — Это социальная инженерия в чистом виде.

— Это физический террор, — жестко поправил его Никита. — Мы сидим здесь и рассуждаем о законах и алгоритмах. Но за каждой этой цифрой стоит живой человек, которого бросают в бетонный мешок. Я нашел стенограмму показаний одного из Свидетелей Иеговы, который прошел через жернова этой системы после того, как Дворкин и его структура инициировали запрет их организации. Я хочу, чтобы ты это послушал, Тёма. Чтобы мы оба понимали, что нас ждет, если мы ошибемся.

Никита взял плотный лист бумаги и начал читать. В тишине комнаты, нарушаемой лишь гудением системного блока, эти слова звучали как репортаж из преисподней:

«Я чувствую — я только зашёл, а мне уже тяжело дышать, потому что там кислорода совершенно нет. И ещё все ребята сидят курят прямо в камере. А я некурящий. И я полчаса ходил, не мог сесть. Ребята не могут понять, что со мной происходит, а мне и смешно, и страшно, и горько от того, что надо мной продолжают издеваться. И в этой жаре, в этой камере я сидел всё оставшееся время. Душа у нас в камере совсем не было. Мы изнывали от жары. Единственное, ночью, часа в три–четыре мы могли немножко подышать. Пар из душа расходился. Я потом уже понял, что этот пар специально устроен, чтобы разговорить человека... Третьего августа меня перевели под домашний арест, где я находился ещё семьдесят дней. Домашний арест — это браслет, который тебе

надевают на ногу. Аппарат, который ты подключаешь к сети, и ты не можешь отойти от этого аппарата дальше трёх-четырёх метров. Если отходишь немножко дальше, срабатывает датчик и в УФСИНе фиксируется, что я нарушил домашний арест.

— Три-четыре метра — это даже не одна комната?

— Естественно. Это было очень сложно, пытаться не нарушить этот запрет. И я понимал, что любое нарушение грозит возвращением в СИЗО, и после того, что я там испытал, я не хотел туда обратно. Домашний арест всё равно был лучше СИЗО хотя бы потому, что я был со своей семьёй. С другими мне не позволялось общаться: только с супругой, ребёнком, мамой. Затем получила разрешение меня проводить моя сестра. Больше ни с кем мне не позволялось общаться. Я находился под постоянной прослушкой, видеонаблюдением, браслет опять-таки... И когда я вышел из тюрьмы, я увидел, как постарела моя супруга. В каком состоянии находится ребёнок — и испытал глубокий шок. Сколько нашей семье было причинено горя — это сложно взвесить, понять, осмыслить, если ты этого не испытаешь и через это не пройдёшь... Когда я сидел, у меня периодически возникала ассоциация со Свидетелями, над которыми издевались во времена фашизма в Германии. Я читал много биографий Свидетелей Иеговы, которые описали пребывание в лагерях».

Никита опустил лист. В горле пересохло.

— Они используют те же самые методы подавления личности, — произнес студент. — Изоляция, лишение кислорода, постоянный контроль. И все это легализовано. Нам нужна помощь, Тёма. Мы собрали огромный массив данных, но мы не знаем, как правильно с ним работать в условиях, когда сам факт хранения этих файлов делает нас преступниками. Нам нужен юрист-практик. Человек, который знает, как работает эта система изнутри, и который еще не сломался.

Артем кивнул. Он открыл защищенный мессенджер, работающий через сложную систему прокси-серверов, которую он настраивал последние несколько часов.

— У меня есть контакт, — сказал программист. — Илья Борисович. Он раньше защищал активистов, работал с правозащитными фондами. Сейчас ушел в тень, занимается гражданскими делами, но связи и понимание процессов у него остались. Я запросил встречу. Он согласился, но только лично. Никаких телефонов. Никаких офисов.

Встречу назначили на три часа дня в крупном торговом центре на окраине города. Логика была простой: в толпе, среди сотен людей с пакетами покупок, под гул

навязчивой аудиорекламы и крики детей, затеряться гораздо проще, чем в тихом парке или пустом кафе.

Братья приехали заранее. Торговый центр жил своей пластиковой, иллюзорной жизнью. Люди выбирали зимние куртки, пили кофе из бумажных стаканчиков, смеялись. Глядя на эту беззаботную толпу, Никита испытывал странное чувство когнитивного диссонанса. Всего в нескольких километрах отсюда, в бетонных камерах СИЗО, люди задыхались от жары и табачного дыма за прочитанную книгу или написанный комментарий, а здесь играла веселая музыка. Общество научилось виртуозно не замечать репрессий, пока они не стучали в их собственную дверь. Артем чувствовал себя крайне неуютно. Впервые в жизни его статус высокооплачиваемого IT-специалиста не давал ему никакой защиты. Его банковские счета, его дорогие гаджеты, его умение писать сложный код — все это превратилось в пыль перед лицом государственной машины, способной стереть человека в лагерную пыль за один неосторожный репост. Он физически ощущал свою уязвимость.

Илья Борисович ждал их на фуд-корте, за самым дальним столиком у панорамного окна. Это был сухощавый мужчина лет пятидесяти с глубокими тенями, которые залегли под глазами. На нем был неприметный серый свитер. Перед ним стоял нетронутый поднос с остывшей картошкой фри.

Артем и Никита сели напротив. Юрист не стал тратить время на приветствия. Он сразу подался вперед, понизив голос так, чтобы его слова тонули в общем гуле фуд-корта.

— Я прочитал то, что вы мне прислали по зашифрованному каналу, — быстро заговорил Илья Борисович, нервно оглядываясь по сторонам. — Вы сумасшедшие. Вы вообще понимаете, куда вы лезете? Вы пытаетесь вскрыть структуру, которая сейчас встроена в широкий механизм внутренней идеологической политики и силового давления.

— Мы хотим понять, как защитить себя и своих близких, — твердо ответил Никита. — У нас есть доказательства фальсификации экспертиз. У нас есть документы, подтверждающие связь антикультовых центров с силовиками. Мы можем подать иски...

— Какие иски?! — юрист горько, почти беззвучно рассмеялся. — Забудьте все, чему вас учили на юрфаке, парень. Правосудия больше нет. Есть только целесообразность. Вы читали доклад ООН за июль двадцать пятого года? В России двести сорок пять организаций признаны «нежелательными». Сорок шесть из них

добавили только с начала этого года. Amnesty International, Йельский университет, фонды борьбы со СПИДом — они все теперь вне закона. Статус «нежелательных» — это черная метка.

Илья Борисович наклонился еще ближе.

— В конце двадцать пятого года административное дело об участии в нежелательной организации завели просто за устный пересказ текста. Без ссылок. Без репостов. Человек просто пересказал статью вслух. А по статье 284.1 Уголовного кодекса возбуждено уже больше тридцати дел. И сажают не только за участие. Сажают за «финансирование» и «организацию». Если я сейчас возьму ваши документы и начну составлять иски, завтра ко мне в квартиру выпилят дверь и обвинят в организации деятельности экстремистского сообщества.

— Вы отказываетесь нам помочь? — прямо спросил Артем.

— Я отказываюсь совершать самоубийство, — отрезал юрист. — И вам советую сделать то же самое. Удалите все файлы. Выбросьте жесткие диски в реку. Забудьте фамилию Дворкина. Государственная машина сейчас работает в режиме беспредела. Они ищут предателей везде. Любое «иное действие» против безопасности страны, как они это формулируют, карается тюрьмой. А что считать этим действием — решает следователь ФСБ. Уезжайте из страны, пока границы не закрыли окончательно. Это мой единственный вам юридический совет.

Илья Борисович резко поднялся, оставив поднос на столе, и быстрым шагом направился к эскалаторам, растворившись в толпе покупателей.

Братья остались сидеть за столом. Гул торгового центра внезапно показался Артему оглушительным. Его прагматичный ум, всегда искавший алгоритмы решения проблем, столкнулся с системой, в которой не было правил.

Никита сидел, глядя на остывший кофе. Слова юриста тяжелым камнем легли на плечи. Надежда на то, что систему можно победить ее же оружием — законом и гласностью, — рухнула окончательно.

— Пошли отсюда, — тихо сказал Артем, поднимаясь.

Они направились к выходу из торгового центра. Автоматические двери разъехались, впуслав их в морозные, серые сумерки зимнего города. Снег падал крупными хлопьями, тая на грязном асфальте.

Артем остановился на краю тротуара, чтобы застегнуть куртку, и его взгляд, натренированный замечать аномалии в массивах данных, выхватил несоответствие в окружающем физическом пространстве.

Мужчина в неприметной темно-серой куртке и надвинутой на лоб вязаной шапке, который сидел через два столика от них на фуд-корте и ел гамбургер, сейчас стоял у газетного киоска в двадцати метрах позади. Он не смотрел на витрину. Его лицо было повернуто в их сторону.

— Никита, не оборачивайся, — процедил Артем сквозь зубы, беря брата под локоть. — Идем к метро. Спокойно, без резких движений.

— Что случилось? — Никита напрягся, инстинктивно ускоряя шаг.

— Нас ведут.

Они свернули за угол торгового центра, выходя на узкую улицу, ведущую к станции подземки. Артем бросил быстрый взгляд на отражение в витрине закрытого кафе. Мужчина в серой куртке свернул следом за ними. Расстояние между ними не сокращалось, но и не увеличивалось. Это было профессиональное, холодное наружное наблюдение.

В этот момент вдоль обочины, медленно шурша шинами по снежной каше, покатился темный седан с тонированными стеклами. Он двигался ровно со скоростью идущих по тротуару братьев.

Артем почувствовал, как ледяной пот выступил на спине. Его комфортный мир, состоящий из алгоритмов, высоких доходов и уверенности в завтрашнем дне, окончательно перестал существовать. Цифровая блокада, с которой он боролся утром, была лишь прелюдией.

— В переход, быстро! — скомандовал Артем, когда они поравнялись с гранитными ступенями станции метро.

Они сбежали по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, едва не сбив с ног пожилую женщину с сумками. В вестибюле было многолюдно. Час пик только начинался. Артем приложил карту к турникету, протолкнул Никиту вперед и прошел сам.

Оглянувшись, он увидел, как мужчина в серой куртке спускается по лестнице, прижимая к уху мобильный телефон.

Братья бросились к эскалатору. Они бежали вниз по левой стороне, лавируя между стоящими пассажирами. Гул подземелья нарастал, смешиваясь со стуком их собственных сердец. Выскочив на платформу, они увидели прибывающий поезд. Двери с шипением открылись, выпуская поток людей.

— В последний вагон! — крикнул Никита.

Они втиснулись в переполненный вагон за секунду до того, как над дверями замигал красный сигнал. Створки сомкнулись с глухим ударом. Артем прижался лицом к холодному стеклу двери. На платформе, тяжело дыша, стоял их преследователь. Он смотрел прямо в глаза Артему, и в этом взгляде не было ни злости, ни разочарования от упущенной цели. Там была лишь абсолютная, ледяная уверенность хищника, который знает, что жертве некуда бежать с подводной лодки.

Поезд дернулся и нырнул в черный тоннель.

Артем посмотрел на свои руки, вцепившиеся в металлический поручень. Пальцы мелко, неудержимо дрожали. Он поднял глаза на Никиту. Студент-юрист был бледен как полотно, его грудь тяжело вздымалась. В грохоте несущегося сквозь темноту поезда они оба осознали начавшуюся на них охоту. И теперь каждый их шаг, каждый вздох и каждый клик мыши находились под прицелом системы, которая не знала ни пощады, ни сомнений.

Глава 13. Испытание ума

Квартира Артема, еще недавно казавшаяся островком безопасности и технологического комфорта, постепенно превращалась в глухой, изолированный бункер. Опущенные жалюзи не пропускали тусклый зимний свет, а воздух был постоянно наэлектризован гудением мощных системных блоков. После того как братья столкнулись с физическим преследованием, внешний мир окончательно утратил свои привычные очертания, сжавшись до размеров нескольких комнат, опутанных проводами.

Артем сутками не отходил от своих изогнутых мониторов, пытаясь пробить бреши в глухой стене государственных файрволов, выстраивая новые цепочки зашифрованных

туннелей и выкачивая крупницы информации из закрытых баз данных. Его лицо приобрело землистый оттенок, под глазами залегли глубокие тени, а движения стали резкими, механическими. Он превратился в алгоритм, чья единственная цель — взломать систему, которая посмела вторгнуться в его идеально выстроенный, прагматичный мир.

В этой лихорадочной, холодной войне цифр и кодов Лиза оказалась предоставлена сама себе. После ночного кошмара в полицейском участке, после грубых допросов и шантажа, ее привычная картина мира дала глубокую трещину. Ей жизненно необходимы были тепло, защита, простое человеческое участие. Но Артем, привыкший решать проблемы путем устранения их технической причины, не мог дать ей этого эмоционального убежища. Для него ее слезы были лишь симптомом уязвимости, которую нужно было устранить путем уничтожения источника угрозы. Он отгородился от нее стеной из мониторов, отвечая на вопросы односложными, рублеными фразами. Отношения, которые годами держались на взаимном комфорте и невмешательстве в личное пространство друг друга, начали стремительно охладевать, покрываясь тонкой коркой льда.

Никита, вынужденный проводить в квартире брата большую часть времени ради безопасности и совместной работы над документами, оказался невольным свидетелем этого распада. И именно в этот момент, на фоне звенящего отчуждения между Артемом и Лизой, студент-юрист начал замечать пугающие изменения в собственном сознании.

Все началось с мелочей. Случайный взгляд, брошенный на Лизу, когда она стояла у окна, обхватив плечи руками. Запах ее сандаловых благовоний, который раньше казался Никите просто экзотическим фоном, теперь начал вызывать странное, тянущее чувство внизу живота. Он ловил себя на том, что прислушивается к ее шагам в соседней комнате, что его взгляд невольно задерживается на изгибе ее шеи, когда она наливает чай на кухне.

А затем пришли мысли. Они обрушились на него не как естественное развитие симпатии, а как внезапный, агрессивный штурм. Яркие, искустельные образы вспыхивали в его голове в самые неподходящие моменты — когда он читал сухие строчки судебных приговоров или пытался уснуть на жестком диване в гостиной. Эти образы рисовали картины близости, шептали о том, что Лиза одинока, что Артем ее не ценит, что она нуждается в настоящем, понимающем мужчине.

Никита, воспитанный на строгих принципах чести и глубоко презирающий предательство в любых его формах, испытывал от этих мыслей физическую тошноту. Он не заказывал это наваждение. В его правилах никогда не было места для того, чтобы смотреть на женщину родного брата. Но образы возвращались, пульсируя в висках, навязывая свою липкую, удушливую логику.

Пытаясь сбежать от этого внутреннего кошмара, Никита вышел на улицу. Февральский мороз ударил по лицу, обжигая легкие. Студент быстро зашагал по заснеженным тротуарам райцентра, пытаясь выморозить из головы чужеродные картинки. Его аналитический ум, натренированный на поиске причинно-следственных связей, начал изучать собственное состояние.

Он вспомнил один из документов, который они с Артемом вытащили из архивов антикультового центра несколько дней назад. Это было гражданское дело, рассматривавшееся в Кировском районном суде Екатеринбурга. Обычный бракоразводный процесс семьи Смирновых, который превратился в показательную психологическую казнь. Муж, желая отобрать у жены имущество и детей, обратился в местный филиал РАЦИРС. Эксперт центра, некий К.В. Соколов, составил для мужа подробную методичку. В ней не было юридических советов. Там были инструкции по психологическому программированию. Эксперт учил мужа, как правильно интерпретировать любое действие жены как «сектантское», как искусственно создавать ситуации конфликта, а главное — как внушить самому себе абсолютную, фанатичную ненависть к женщине, с которой он прожил десять лет. Читая материалы дела, Никита поразился тому, как быстро искусственно внедренная идея стала для мужа его собственной, органичной реальностью. Внешняя манипуляция перепрограммировала его внутренний эмоциональный фон.

«Неужели со мной происходит то же самое?» — подумал Никита, останавливаясь у заснеженного парапета городского сквера. — «Неужели человеческая психика настолько уязвима, что в нее можно загрузить чужую эмоцию, как вирусный код в компьютер?»

Он смотрел на голые ветви деревьев, чернеющие на фоне серого неба. В сквере было пусто, если не считать одинокой фигуры на дальней скамейке. Никита присмотрелся и узнал Михаила Ивановича — старого знакомого их семьи, бывшего

учителя истории, который давно вышел на пенсию, но сохранил удивительную ясность ума и привычку подолгу сидеть на морозе, наблюдая за суетой маленького города.

Никита подошел ближе. Михаил Иванович поднял на него выпцветшие, но цепкие глаза из-под густых седых бровей.

— Здравствуй, Никита, — голос старика скрипел, как сухой снег под ботинками. — Чего бродишь с таким лицом, будто приговор себе зачитываешь?

Никита тяжело опустился на промерзшие деревянные рейки скамейки. Ему не с кем было поговорить об этом. Артему сказать было невыносимо, Валерий находился в своем собственном аду разрушенных иллюзий, а отец давно превратился в рупор телевизионной ненависти.

— Запутался я, Михаил Иванович, — тихо произнес Никита, глядя на свои сцепленные руки. — В голове творится то, чего там быть не должно. Мысли лезут... грязные, чужие. О человеке, о котором я не имею права так думать. И самое страшное, что я не могу понять: это моя собственная гниль наружу лезет, или это просто напряжение так сказывается? Я смотрю на то, что происходит вокруг, на то, как люди легко предают друг друга, как легко верят в навязанную ложь, и мне страшно, что я становлюсь таким же. Что я не могу контролировать собственный разум.

Студент говорил о том, как внезапно мысли могут завладеть сознанием, как они маскируются под искреннее сочувствие, как легко мозг находит оправдание для подлости, если эта подлость обещает эмоциональный комфорт.

Старик долго молчал, глядя на стайку нахохлившихся воробьев, топчущихся у урны.

— Ты ищешь сложного там, где все просто, — наконец произнес Михаил Иванович, не поворачивая головы. — Ты думаешь, что каждая мысль, которая пролетает через твою голову, принадлежит тебе. Это гордыня ума, Никита. Ум — это просто приемник. Он ловит то, что разлито в пространстве. А в пространстве сейчас разлито много боли, страха и чужой нужды.

Старик медленно повернул голову и посмотрел Никите прямо в глаза. В его взгляде не было ни осуждения, ни снисходительности — только глубокое, выстраданное понимание человеческой природы.

— Это не твое. Это ее.

Слова ударили Никиту как разряд тока.

— Ее? — переспросил он, чувствуя, как внутри начинает распутываться тугой, болезненный узел.

— Девочка напугана. Девочка ищет опору, — спокойно продолжил Михаил Иванович, словно читал открытую книгу. — Ее мир рухнул, а тот, кто должен был стать стеной, отгородился от нее. Она излучает потребность в защите, потребность в тепле. А ты находишься рядом. Ты спокоен, пытаешься разобраться в ситуации, ты излучаешь надежность. Твоя психика просто считывает этот сигнал бедствия и переводит его на самый примитивный, биологический язык — язык влечения. Ты принимаешь чужую боль и чужую потребность за свое собственное желание. Не бери на себя лишнего, парень. Просто пойми природу этого явления, и оно потеряет над тобой власть.

Никита откинулся на спинку скамейки, вдыхая морозный воздух полной грудью. Разговор с учителем запустил в его сознании цепную реакцию. Если человеческие чувства так легко поддаются искажению на микроуровне, в рамках одной квартиры, то что происходит в масштабах целой жизни?

— Спасибо вам, Михаил Иванович, — искренне сказал Никита, протягивая старику руку. — Вы даже не представляете, от чего вы меня сейчас спасли.

— Береги себя, парень, — старик ответил крепким, сухим рукопожатием. — Времена сейчас темные. В темноте легко заблудиться, если ориентироваться на чужие голоса. Слушай только свою совесть.

Студент попрощался со стариком и медленно пошел обратно к дому брата. Морозный воздух теперь казался не обжигающим, а отрезвляющим. Слова Михаила Ивановича запустили в его сознании глубокий философский процесс.

Он размышлял о том, что такое настоящая любовь. Может ли она быть вот такой — внезапной, слепой, продиктованной обстоятельствами и чужой слабостью? Никита вспомнил своего старшего брата Валерия. Он называл это любовью, страстью, мужской потребностью. У Валерия были десятки «больших любовей», и это только те, о которых Никита знал. Была Катерина, от которой где-то росла дочь, вычеркнутая отцом из жизни ради призрачной идеи о «наследнике фамилии». Любовь к Катерине была и прошла? Была ли эта любовь настоящей? Нет, это была транзакция. Социальный контракт, который был расторгнут при первом же нарушении условий. Получается, она была ненастоящей, раз так легко испарилась при первых трудностях характера? Затем

появилась Наталья. Хитрая, расчетливая, она идеально отыгрывала роль преданной спутницы боевого офицера, пока на ее счета регулярно падали сотни тысяч рублей боевых выплат. Она ушла вместе с пропавшей у Валерия рукой и иссякшим денежным потоком. Тоже ненастоящая.

Если любовь — это просто реакция на комфорт, на физическую привлекательность или на удачное стечение обстоятельств, то она ничем не отличается от того слепого, условного патриотизма, который исповедовал их отец. Владимир Яковлевич любил государство до тех пор, пока оно гладило его по шерсти и подтверждало его правоту с экрана телевизора. Но как только государство пригнало экскаваторы и сожгло его коров, этот патриотизм обернулся растерянностью и глухим, бессильным бормотанием.

«Безусловная любовь не может быть загнана в рамки эгоистичных желаний», — размышлял Никита, глядя на серое, низкое небо. — «Если чувство зависит от наличия денег, от физического здоровья, от соответствия чужим ожиданиям — это не любовь. Это просто биологическая или социальная программа выживания. И именно на этих программах играет система».

«Настоящее чувство не может зависеть от внешних триггеров», — думал Никита, поднимаясь по ступеням в подъезд. — «Оно не может быть навязано ни телевизором, ни биологическим инстинктом, ни чужой слабостью. Лиза — порядочнейший, светлейший человек. Вчера у них с Артемом была любовь, а сегодня, когда пришли испытания, она ушла, и пришла новая, ко мне? Нет. Это выглядит со стороны так, словно кто-то невидимой рукой двигает пешки на шахматной доске, пытаясь разрушить нас изнутри. Большая, безусловная любовь существует только тогда, когда ты не запикиваешь это чувство в те рамки, которые подкидывает тебе испуганный ум».

Мысль Никиты сделала резкий скачок, переносясь от личных трагедий к той глобальной катастрофе, которую они с Артемом расследовали. Феномен массового гипноза, охвативший страну, имел ту же самую природу, что и его наваждение, только масштабированную до миллионов умов.

Как невидимая рука заставляет целую нацию верить высокоинтеллектуальному маньяку Дворкину и его последователям? Как люди, считающие себя верующими, православными христианами, соглашаются с тем, что их соседей нужно сажать в тюрьмы, а их детей — отбирать?

Ответ крылся в механике манипуляции. Система не создавала ничего нового. Она брала естественную человеческую потребность — потребность в безопасности, в принадлежности к сильной группе, в защите традиций — и искажала ее, подменяя объект.

Никита вспомнил один из документов, который они изучали в архивах правозащитников. Это было дело 2016 года, рассматривавшееся в Воронежской области. Документ содержал сухие факты трагедии семьи Успенских. Мать, глубоко верующая женщина Мария Успенская, обратилась за советом к местному представителю РАЦИРС по поводу своего двадцатилетнего сына Алексея. Юноша увлекся светскими медитативными практиками и планировал поехать на ретрит в Индию. Эксперт антикультового центра, не имея ни медицинского, ни психологического образования, выдал матери письменное заключение, в котором утверждалось, что сын попал в «деструктивный тоталитарный культ», где его личность будет полностью уничтожена, а сам он превратится в биоробота.

В заключении использовались страшные, триггерные слова: «зомбирование», «необратимые изменения психики», «духовное самоубийство». Эксперт убедил мать, что спасти сына можно только радикальными мерами. Движимая искусственно индуцированным, животным ужасом за своего ребенка, Мария начала тайно подмешивать в еду Алексея тяжелые нейролептики, рецепты на которые ей помогли достать через «своих» врачей в структуре. Она хотела удержать его дома, сделать вялым и покорным, чтобы «вылечить». Результат оказался катастрофическим: из-за передозировки препаратов Алексей впал в кому и получил необратимые повреждения центральной нервной системы. Он остался инвалидом на всю жизнь. Эксперт РАЦИРС не понес никакой ответственности, сославшись на то, что давал лишь «религиоведческую консультацию». Мария Успенская отправилась в психиатрическую клинику, сойдя с ума от осознания того, что собственными руками уничтожила сына.

Этот конкретный, задокументированный случай был идеальной иллюстрацией того, как работает невидимая рука. Дворкин и его структура взламывали самый святой, самый сильный человеческий инстинкт — материнскую любовь. Они впрыскивали в нее вирус страха, превращая любовь в орудие убийства.

«Они делают это со всей страной», — с ледяющей ясностью понял Никита. — «Они берут любовь к родине и превращают ее в ненависть к соседям. Они берут веру в

Бога и превращают ее в оправдание репрессий. Они создают фантомную угрозу, заставляя миллионы людей испытывать чужой, навязанный страх, точно так же, как я сегодня испытывал чужое влечение. Это массовый гипноз, построенный на эксплуатации наших самых светлых чувств».

Никита осознал важнейшую истину, которая должна была стать фундаментом их дальнейшей борьбы. Противостоять этой гигантской, всепоглощающей системе лжи можно было только одним способом — сохраняя абсолютную внутреннюю чистоту.

Нельзя победить манипуляторов, если ты сам поддаешься манипуляциям. Нельзя разоблачать ложь государства, если ты лжешь самому себе. Если бы он поддался искушению, если бы позволил чужому страху и чужой слабости толкнуть его в объятия Лизы, он стал бы предателем. Он разрушил бы доверие Артема, он уничтожил бы их братский союз — единственное, что сейчас представляло реальную угрозу для системы. Враг рассчитывал именно на это: на внутренний распад, на эгоизм, на неспособность людей контролировать свои низменные порывы.

Подойдя к обшарпанной металлической двери подъезда, Никита остановился. Он посмотрел на тусклую лампочку, мигающую над козырьком. В его сознании больше не было ни путаницы, ни стыда. Образы, терзавшие его последние дни, исчезли без следа, растворившись в морозном воздухе, как только он лишил их питательной среды своего неведения.

Он открыл дверь своим ключом. В квартире стояла тишина, нарушаемая только монотонным гудением серверов из комнаты Артема. Лиза сидела на кухне, обхватив ладонями остывшую чашку с чаем. Она посмотрела на вошедшего Никиту, и в ее взгляде снова мелькнуло то самое выражение беззащитности и скрытой надежды, которое последние дни сводило его с ума.

Но теперь Никита смотрел на нее иначе. Наваждение спало. Он видел перед собой не объект внезапной страсти, а живого, травмированного человека, который запутался в темноте.

Никита снял куртку, прошел на кухню и сел напротив нее. Он не стал прятать глаза или придумывать вежливые предлоги для разговора.

— Лиз, нам надо поговорить, — его голос звучал ровно, спокойно и абсолютно повзрослому. В нем не было ни капли той канцелярской сухости, которой он иногда грешил на лекциях, ни юношеской неуверенности.

Она вздрогнула и подняла на него глаза.

— О чем? — тихо спросила она.

— О нас. О том, что происходит в этой квартире последние дни, — Никита смотрел прямо, не отводя взгляда. — Я вижу, как тебе тяжело. Я вижу, что Артем сейчас далеко, хотя физически находится за стенкой. Он воюет, Лиз. По-своему, своими методами, но он пытается защитить нас всех. И я чувствую, как между нами... между тобой и мной... возникает напряжение.

Лиза опустила глаза, ее щеки залил густой румянец. Она попыталась что-то сказать, но Никита мягко остановил ее.

— Не нужно оправдываться. Мы все сейчас на пределе. Но мы должны понимать одну вещь. То, что кажется сейчас спасением, то тепло, которое мы пытаемся найти друг в друге от безысходности — это иллюзия. Это ловушка. Если мы поддадимся этому, мы разрушим единственное, что у нас осталось — доверие. Я уважаю своего брата. И я глубоко уважаю тебя. Ты светлый человек, и ты идешь своим путем. Я иду своим. Мы можем быть друзьями, мы можем поддерживать друг друга, но мы не перейдем эту черту. Потому что иначе мы позволим той грязи, которая творится сейчас вокруг нас, победить нас изнутри.

Лиза слушала его, и по мере того, как он говорил, напряжение, сковывавшее ее плечи, начало отпускать. Она глубоко вздохнула, словно вынырнув из-под толщи воды. В ее глазах блеснули слезы, но это были слезы облегчения.

— Спасибо, Никита, — прошептала она, и в ее голосе зазвучала искренняя, чистая благодарность. — Ты прав. Я просто... я так испугалась тогда, на допросе. А Тёма... он стал как машина. Мне показалось, что я совсем одна.

— Ты не одна, — твердо сказал Никита. — Мы выберемся из этого. Все вместе.

Разговор длился недолго, но его последствия были колоссальными. Как только невидимая граница была обозначена вслух, как только вещи были названы своими именами, тяжелая, удушливая атмосфера в кухне рассеялась.

Наваждение исчезло. Оно не растворилось постепенно, не ушло на задний план. Оно выключилось мгновенно, как перерезанный провод. Тяжелый, липкий туман, который несколько дней давил на его сознание, испарился без следа. В голове стало

кристально чисто и ясно. Образы, которые еще десять минут назад казались непреодолимым искушением, теперь вызывали лишь холодное недоумение.

Никита сидел неподвижно, прислушиваясь к себе. Как только он сделал осознанный выбор, как только он вербализовал свою позицию и расставил границы, опираясь на внутреннюю честь, навязчивый внутренний сценарий потерял над ним власть. Вирус не смог закрепиться в здоровой системе.

Позже вечером, сидя на своем диване с ноутбуком, Никита размышлял о произошедшем. Этот микроскопический, личный опыт психологической борьбы дал ему ключ к пониманию процессов совершенно иного масштаба.

Он смотрел на открытые файлы расследования. Если человеческий разум так легко поддается внешнему давлению в масштабах одной квартиры, то что происходит в масштабах целой страны? Как эта невидимая рука заставляет тысячи, миллионы людей верить публичным идеологам вроде Дворкина?

Раскапывая информацию про антикультовую сеть, Никита и Артем уже замечали странный феномен: даже в них самих, людях с критическим мышлением, что-то периодически противилось верить в масштаб происходящего. Мозг отказывался воспринимать тот факт, что какой-то старикашка с сомнительной биографией смог выстроить тоталитарную структуру, влияющую на руководящий аппарат огромного государства, на суды, на полицию, на умы миллионов таких людей, как их отец. Факты были очевидны, документы лежали перед глазами, но информация усваивалась туго, словно продираясь сквозь невидимый фильтр.

Похоже, что невидимая рука, формирующая общественное сознание, была на стороне Дворкина. Эта система работала точно так же, как те искусительные мысли о Лизе — она била в уязвимые точки, играла на базовых страхах, подменяла понятия и заставляла людей принимать чужую, разрушительную волю за свои собственные убеждения.

Артем спал прямо в кресле, уронив голову на скрещенные руки, лежащие на клавиатуре. На экранах продолжали бежать бесконечные строки логов, фиксирующие попытки прорвать цифровую блокаду.

Никита смотрел на спящего брата, осознавая масштаб невидимой войны, в которую они оказались втянуты. Враг, с которым они столкнулись, не ограничивался кабинетами чиновников, фальшивыми экспертизами и полицейскими дубинками. Эта структура,

выстроенная высокоинтеллектуальным маньяком, научилась отравлять саму ноосферу. Она била по самым уязвимым точкам человеческой психики — по страху, по одиночеству, по животным инстинктам. Она пыталась заставить людей поверить, что любви нет, что чести нет, что есть только право сильного и право на предательство.

Но сегодня вечером, на этой тесной кухне, один маленький, незаметный бой был выигран. Человек, опирающийся на совесть, оказался сильнее навязанных алгоритмов распада. Никита тихо прикрыл дверь в комнату брата, понимая, что этот внутренний опыт дал ему ключ к пониманию чего-то гораздо большего. Какие же чудовищные технологии применялись для того, чтобы заставить миллионы людей поверить в необходимость уничтожения своих соседей? Ответ на этот вопрос лежал где-то в самом начале пути того человека, чье лицо они видели на экранах телевизоров. И теперь Никита был готов заглянуть в эту бездну, не боясь потерять себя.

Глава 14. Сопротивление материала

Воздух в квартире Артема казался тяжелым, словно пропитанным невидимой свинцовой пылью. Гудение мощных системных блоков, работающих на пределе своих возможностей для поддержания зашифрованных туннелей связи, сливалось в монотонный, давящий на барабанные перепонки фон. Окна были плотно зашторены, отрезая комнату от серого зимнего дня и погружая пространство в искусственные сумерки, разрываемые лишь холодным синеватым свечением мониторов.

Никита стоял у стены, которую они за последние сутки превратили в импровизированную доску расследования. Поверх дорогих обоев были наклеены десятки распечатанных листов: выписки из реестров, копии судебных приговоров, скриншоты удаленных статей, фотографии чиновников и священнослужителей. Между ними тянулись красные нити, сплетаясь в густую, пульсирующую паутину.

Студент-юрист держал в руке красный маркер, намереваясь провести очередную линию от даты «март 1992 года» к блоку документов, озаглавленному «Синодальный отдел». Но его рука замерла в воздухе.

Внезапно Никита почувствовал острую, почти физическую тошноту. В висках застучала кровь, а перед глазами на секунду поплыли темные пятна. Это не было обычным переутомлением от бессонных ночей. Это было нечто иное — глухое, мощное внутреннее отторжение, словно его собственный мозг включил аварийный протокол защиты, отказываясь обрабатывать поступающую информацию.

Он опустил руку с маркером и тяжело оперся о стену.

— Тёма, — голос Никиты прозвучал хрипло, надтреснуто. — Я не могу. У меня в голове словно бетонная плита опускается.

Артем, не отрывавший взгляда от бегущих строк кода на центральном мониторе, медленно развернулся в кресле. Под его глазами залегли глубокие фиолетовые тени, а лицо приобрело землистый оттенок.

— Что именно ты не можешь? — тихо спросил программист.

— Я не могу заставить себя в это поверить, — Никита обвел рукой стену с документами. — Я смотрю на эти бумаги. Я сам их распечатывал. Я сам проверял подлинность каждой печати. Факты абсолютно очевидны. Но как только я пытаюсь сложить их в единую картину, мое сознание просто отключается. Оно кричит мне, что это бред. Что такого не может быть в реальности.

Никита подошел к столу и бросил маркер на столешницу.

— Посмотри на этот таймлайн, — он указал на распечатку. — Тысяча девятьсот девяносто первый год. Александр Дворкин возвращается в Россию после почти пятнадцати лет отсутствия. Любой юрист, любой аналитик, знакомый с бюрократической машиной, скажет тебе: система герметична. Она не пускает чужаков наверх просто так. Людей держат в предбаннике годами, проверяя на лояльность, изучая их прошлое. Но этого человека не просто пускают. Его буквально катапультируют на вершину. Через несколько месяцев после возвращения, в марте 1992 года, он поступает на работу в Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Московского патриархата.

Никита нервно потер переносицу, пытаясь унять пульсирующую боль.

— Это же одна из церковных структур, влияющих на религиозное образование и катехизацию, Тёма. Эта структура участвует в формировании церковного образовательного языка — от воскресных школ до программ катехизации. И в эту

систему вводят человека, о котором широкая публика тогда почти ничего не знала. Человека, который полтора десятилетия жил за океаном. Я понимаю и не могу поверить, что этот маргинальный персонаж, выстроил систему, которая теперь влияет на государственный аппарат. Что он дергает за ниточки генералов и судей. Это звучит как дешевая теория заговора из бульварной газеты!

Артем долго молчал, глядя на брата. Затем он медленно кивнул.

— Я испытываю то же самое, — признался Артем, и в его голосе прозвучала пугающая уязвимость. — Каждый раз, когда я нахожу очередную публикацию, экспертное заключение или административный документ, где антикультовая риторика пересекается с силовой практикой, мой внутренний прагматик требует закрыть ноутбук. Логика обывателя вопит: «Государство слишком большое, чтобы им мог манипулировать один фанатик». Нам физически тяжело воспринимать масштаб этого абсурда.

Братья замолчали, осознавая тяжесть повисшей в комнате истины. Они столкнулись с феноменом, который выходил за рамки юриспруденции или цифровой безопасности. Это было сопротивление самого материала человеческой психики.

— Знаешь, на что это похоже? — Никита опустился на диван, глядя на паутину красных нитей на стене. — Это похоже на реакцию Валеры. Помнишь, как он кричал на нас в своей квартире? Как он отказывался даже смотреть на документы? Мы думали, что он просто упертый солдафон, ослепленный пропагандой. Но сейчас мы с тобой проходим через ту же самую ломку.

Никита подался вперед, его глаза лихорадочно заблестели от внезапного озарения.

— Разница только в уровне доступа. Валера сломался на этапе осознания того, что его война — это ложь. А мы ломаемся на этапе осознания того, какие люди, термины и институты годами готовили язык, на котором эта ложь стала звучать убедительно. Наш мозг сопротивляется, потому что принять эту правду — значит признать, что вся реальность, в которой мы выросли, все институты власти, суды, пресса — это не надежная система сдержек и противовесов, а среда, где страх, бюрократия, идеология и личные амбиции способны подменять закон. Это разрушает базовую потребность человека в безопасности.

Артем развернулся к своим мониторам и вывел на экран текстовый документ, испещренный желтыми маркерами выделений.

— Это не просто наша психологическая защита, Никита. Это результат их многолетней работы, — программист пробежал пальцами по клавиатуре. — Я анализировал их методы подачи информации. Эта антикультовая структура не просто адаптировала старые лекала пропаганды под современные реалии. Они создали систему непрерывного нейролингвистического кодирования. В условиях информационного пузыря и постоянного эмоционального накала, эта матрица способна алгоритмически вытаскивать спусковой крючок в голове человека. Они программируют общество, внушая людям, что уничтожение конкретной мишени — это акт спасения. Они научились превращать слова в пули, стреляя чужими руками.

Артем открыл новую вкладку. На черном фоне появился отсканированный документ с грифом рассекречивания.

— Чтобы ты понимал, насколько глубоко они залезли в психотехнологии, посмотри на этот микро-кейс, — Артем увеличил масштаб изображения. — Я вытащил это из архивов, когда искал информацию о международных связях антикультистов. Это рассекреченный файл ЦРУ, касающийся американского интереса к российским «психотехнологиям» начала девяностых. Во время осады комплекса «Маунт-Кармел» в Уэйко ФБР консультировалось с российским ученым Игорем Смирновым, связанным с московским Институтом психотехнологий. По сообщениям американской прессы, он предлагал использовать звуковые или сублиминальные методы воздействия на Дэвида Кореша и его последователей

Никита подошел к экрану, вчитываясь в английский текст.

— Парадокс, от которого веет чистой психопатией, — продолжил Артем, чеканя каждое слово. — Антикультисты публично обвиняли религиозных лидеров в использовании психотехнологий и «промывании мозгов» ровно в тот момент, когда сами лично участвовали в компании против этой общины, в рамках которой речь шла о применении реальных методов воздействия на подсознание. Они обвиняли жертв в том, что делали сами. И наследие этой антикультовой среды Дворкин привез сюда. Вот почему нам так тяжело. Мы пытаемся анализировать систему, которая изначально спроектирована так, чтобы сводить с ума любого, кто попытается в ней разобраться. Абсурдность их обвинений — это не ошибка. Это их главное оружие. Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее верит толпа, и тем сильнее парализует тех, кто пытается докопаться до правды.

Никита медленно отошел от стола. Физическая тошнота начала отступать, сменяясь холодной, расчетливой злостью. Понимание механизма воздействия лишало этот механизм его мистической силы.

— Если мы имеем дело с системой, выстроенной в том числе на базе психопатологии одного человека, — рассуждал вслух студент-юрист, меряя шагами комнату, — значит, мы не сможем победить ее только юридическими методами. Бесплезно доказывать в суде, что экспертиза поддельная, если судья уже запрограммирован на страх. Бесплезно показывать людям финансовые схемы. Цифры не лечат гипноз.

— И что ты предлагаешь? — Артем скрестил руки на груди.

— Нам нужно изучить самого архитектора, — твердо ответил Никита, останавливаясь напротив доски расследования. — Нам нужно составить полный, детализированный психологический профиль Александра Дворкина. Понять природу его власти. Как человек с таким бэкграундом смог подчинить себе систему? Что им движет? Какие у него уязвимости?

Никита указал на блок фотографий, где были изображены последователи сектоведа в разных странах.

— Посмотри на его сеть. Это же классическое объединение в стиле Чарльза Мэнсона, только вместо ранчо в пустыне у них официальные кабинеты, кафедры университетов и благословение спецслужб. И эта сеть раскинулась по всему миру. Я читал твои загрузки по их филиалам.

— Ирина Кременовская, — открыл файл Артем. — До недавнего времени — главный юридический клык структуры Дворкина в Украине. Человек, штампующий безосновательные экспертизы, ломающие жизни тысячам людей. Знаешь, с чего она начинала свою общественную деятельность? С догхантерства.

Никита нахмурился, подходя ближе к экрану.

— В материалах зафиксировано убийство более сотни собак, — продолжил Артем, и в его ровном голосе промелькнула тень отвращения. — Она получала физическое наслаждение от их агонии. Любой криминалист скажет тебе, что это классическая школа серийного убийцы. Тот, кто получает кайф от стонов умирающего животного, неизбежно

перейдет на людей. И она перешла. Только вместо яда и удавок она начала использовать юридические термины и судебные иски.

Артем закрыл файл и мгновенно открыл следующий. На экране появилась фотография тучного мужчины на фоне европейской архитектуры.

— Идем дальше. Амстердам. Некий Хайн. Лидер небольшой группы, которую он сам называет «домашней церковью». По сути, священник собственной религии. Идеальный субъект в команду борцов с сектами, не так ли? Только вот в базах данных Интерпола на него висит старый, но все еще активный ордер на арест. Статья — педофилия. Он прячется за благородной маской в городе, где легко затеряться.

Никита почувствовал, как тошнота подступает к горлу. Сопротивление его разума начало ломаться под тяжестью этой грязи.

— Тед Патрик — осужденный за похищения людей и насилие, — методично перечислял Артем, выводя на экран новые лица. — Рик Росс — судимый вор. Стивен Хассан — манипулятор, открыто поддерживающий педофила. И Александр Дворкин, который стягивает всех этих девиантов в единую сеть. Он, словно магнит, притягивает к себе садистов, извращенцев и людей с патологической жадой контроля.

— Значит, мы имеем дело не с идеологией, — медленно произнес Никита, формулируя для себя новую, страшную реальность. — Мы имеем дело с легализованной психопатологией. Они перенесли свои садистские наклонности в государственную систему.

— Да, — Артем откинулся в кресле. — И чтобы понять, как разрушить эту систему, нам недостаточно разоблачать их экспертизы. Экспертизы — это лишь следствие. Нам нужно понять природу самой власти этого человека. Понять его развитие.

Никита перевел дыхание, его мысль набирала скорость, пробивая выстроенные пропагандой барьеры.

— И знаешь, что самое интересное? — Никита повернулся к брату. — Когда он только начинал свой путь, когда он внедрялся в религиозные круги за рубежом, вокруг него были умнейшие люди. Авторитетные богословы, аналитики. Такие фигуры, как Александр Шмеман или Иоанн Мейендорф. Они обладали колоссальным интеллектом. Они не могли не заметить маркеры девиантного поведения, его катастрофически низкий уровень базового образования, который он компенсировал агрессивными амбициями.

Они должны были видеть его злокачественный нарциссизм и виртуозную манипулятивность. Они могли стать той самой бетонной стеной, которая заблокировала бы его деструктивную деятельность на самом старте. И, скорее всего, за маской суетливого ученика они в какой-то момент разглядели ледяную пустоту хищника.

— И поэтому он вернулся сюда, — закончил мысль Артем. — Психопат, жаждущий абсолютной власти, физически не может терпеть авторитетной конкуренции. Он не потерпит рядом тех, кто видит его насквозь. Ему нужна была нетронутая, травмированная развалом страны территория, где он мог бы стать непререкаемым гуру.

— Именно, — кивнул Никита. — Нам нужно найти истоки. Нам нужны данные о его формировании до того, как он надел маску уважаемого профессора. Документы, свидетельства, медицинские записи. Все, что поможет вскрыть его истинный профиль.

Артем молча развернулся к клавиатуре. Его пальцы с пулеметной скоростью застучали по клавишам.

— Обычный интернет нам ничего не даст, — бросил программист, не отрываясь от экрана. — Его биография вычищена и отполирована до блеска. Официальные страницы выдают только елейные жизнеописания борца за духовную безопасность. Я ухожу в теневой сегмент. Буду парсить закрытые форумы криминалистов, базы данных утечек, архивы западных правозащитных групп. Если кто-то когда-то пытался составить его профиль, цифровой след должен был остаться.

В квартире повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь щелканьем клавиатуры. Никита вернулся к доске, методично перепроверяя связи между документами, готовя пространство для новых данных. Прошло несколько часов. За окном окончательно стемнело. Цифровая блокада снаружи свирепствовала, провайдеры обрывали соединения, но Артем, используя каскады прокси-серверов и луковую маршрутизацию, упорно прорубался сквозь виртуальные заграждения.

Внезапно стук клавиш оборвался.

Никита обернулся. Артем сидел неподвижно, вглядываясь в один из боковых мониторов. Свет экрана отражался в его расширенных зрачках.

— Тёма? Что там? — Никита быстро подошел к столу брата.

— Я зашел на один закрытый ресурс, — голос Артема звучал неестественно тихо, словно он боялся спугнуть находку. — Это старый, глубоко законспирированный форум, где общаются бывшие и действующие специалисты по криминальной психологии, профайлеры из разных стран. Они делятся там неофициальными материалами, утечками, черновиками расследований. Я запустил поиск по паттернам поведения, которые мы обсуждали, в связке с его фамилией.

Артем сглотнул и указал на экран.

— Посмотри на это. Кто-то выложил фрагмент рукописи. Судя по стилистике и терминологии, автор — профессиональный американский профайлер, работавший на федеральные структуры. Он анализирует книгу некоего Виктора, своего коллеги, который провел колоссальную работу и раскопал биографию Дворкина с самых ранних лет.

Никита впился взглядом в английский текст на темном фоне форума. Заголовок треда гласил: «Маньяк против Бога: Анализ профиля».

— Читай, — выдохнул Никита, чувствуя, как по спине пробегает ледяной озноб.

Артем выделил курсором абзац и начал переводить вслух, чеканя каждое слово:

— «Неизвестный субъект больше не прячется в подвале, не скрывается под сменой различных масок, фамилий и специальностей. Он создает организацию под благовидной вывеской, становится “экспертом” по сектам и культам, ездит по странам с лекциями. Он выбирает жертв публично, объявляя всех, кто “приглянулся” — “сектантами”, “опасными фанатиками”, “раковой опухолью”. И на глазах у всего общества, руками других, совершает зверства немыслимого масштаба».

Артем замолчал. В комнате остался только гул серверов. Сопротивление материала было сломлено. Они нашли дверь, ведущую в самое сердце тьмы, и теперь у них был ключ, чтобы ее открыть. На экране монитора, среди строк программного кода и зашифрованных ссылок, мерцало название книги, которая обещала обнажить истинное лицо человека, перепрограммировавшего целую нацию.

Глава 15. Находка

Мерцающий курсор на черном фоне терминала казался единственной живой точкой в погруженной в искусственные сумерки комнате. Артем сидел неподвижно, его пальцы замерли над клавиатурой. Последние несколько часов он методично просеивал теневые сегменты сети, используя многоуровневую луковую маршрутизацию, чтобы обойти все более жесткие фильтры государственного файрвола. Цифровая блокада сжималась, алгоритмы Роскомнадзора вычищали одни материалы, замедляли доступ к другим и делали поиск по чувствительным темам всё более рваным и непредсказуемым, но интернет, как известно, помнит все. Нужно было лишь знать, в какие именно темные углы заглядывать.

На экране всплыло окно защищенного чата. Сообщение от пользователя с ником Харон состояло всего из нескольких строк, но они заставили сердце программиста забиться быстрее.

«Цифровые копии рукописи удаляются и блокируются. Хэш-суммы файлов отслеживаются системами глубокого анализа трафика. Бумага не горит и не пингуется. У меня есть физический экземпляр. Самиздат. Перевод с английского. Если вы те, за кого себя выдаете, и готовы рискнуть — забирайте. Координаты сгорят через десять минут».

Артем быстро пробежал глазами по строкам, расшифровывая прикрепленный PGP-ключ.

— Никита, — хрипло позвал он брата, не отрывая взгляда от монитора. — Собирайся. Мы выходим в офлайн.

Студент-юрист, дремавший на жестком диване в гостиной, мгновенно открыл глаза. За последние дни он научился просыпаться от малейшего изменения интонации в голосе брата.

— Что случилось?

— Я нашел человека, у которого есть физическая копия той самой книги. «Маньяк против Бога». Он скинул координаты тайника. Нам нужно забрать ее прямо сейчас, пока данные не обнулились.

Сборы заняли меньше пяти минут. Артем действовал с холодной, параноидальной расчетливостью человека, который уже однажды столкнулся с физическим преследованием. Он заставил Никиту вытащить сим-карту из телефона, а сами аппараты они оставили в микроволновой печи, превратив ее в импровизированную клетку Фарадея. Никаких умных часов, никаких банковских карт с чипами NFC. Только наличные деньги и старый механический компас на запястье Артема. Они выходили в город абсолютно слепыми для цифровых систем слежения.

Морозный сибирский воздух ударил в лицо, едва они переступили порог подъезда. Было около двух часов ночи. Город спал тяжелым, тревожным сном. Улицы были пустынные, лишь желтые пятна фонарей выхватывали из темноты кружащиеся снежинки.

Братья не пошли к машине Артема — использовать личный транспорт после недавней погони было равносильно самоубийству. Они двинулись пешком, выбирая самые темные, нечищенные дворы, проваливаясь по колено в снег. Артем вел их сложным, запутанным маршрутом. Они прошли через территорию старой котельной, перелезли через ржавый забор теплотрассы, дважды меняли направление, проверяя, нет ли за ними хвоста. Тишина ночи была абсолютной, нарушаемой лишь хрустом снега под их ботинками.

Спустя сорок минут изматывающей ходьбы они вышли к конечной цели — старому, полузаброшенному зданию пригородного автовокзала на окраине промышленного района. В тускло освещенном зале ожидания спал на скамейке бездомный, а за мутным стеклом кассы клевала носом дежурная.

Артем уверенным шагом направился к ряду обшарпанных металлических ячеек автоматической камеры хранения, сохранившихся здесь, казалось, еще с советских времен. Он остановился у ячейки с номером 412. Достал из кармана бумажку с записанным кодом, быстро набрал комбинацию на тугом механическом диске и с силой дернул ручку. Дверца со скрипом поддалась.

Внутри лежал плотный, тяжелый сверток, тщательно замотанный в непрозрачный коричневый скотч. Артем схватил его, сунул за пазуху объемного пуховика, и братья, не сговариваясь, быстрым шагом покинули здание вокзала, растворившись в метельной ночи.

Обратный путь показался Никите бесконечным. Каждый проезжающий мимо редкий автомобиль заставлял их вжиматься в тени зданий. Студент-юрист физически

ощущал тяжесть свертка, который нес его брат. В его сознании боролись два чувства: страх перед репрессивной машиной, способной уничтожить их за одно только хранение запрещенной литературы, и жгучая, непреодолимая жажда истины. Он понимал, что в этом свертке скрыт ключ к пониманию того безумия, которое охватило их страну, разрушило хозяйство их матери и превратило старшего брата Валерия в искалеченного, озлобленного защитника чужих интересов.

Когда они наконец вернулись в квартиру и заперли за собой тяжелую металлическую дверь на все замки, оба тяжело дышали, словно пробежали марафон. Артем, не снимая куртки, прошел на кухню, бросил сверток на стол и достал из ящика канцелярский нож.

Лезвие с сухим треском вспорол слои скотча и плотной крафтовой бумаги. На свет появилась толстая, увесистая книга в черном матовом переплете без каких-либо выходных данных издательства. На обложке белым, рубленым шрифтом было выведено: «Маньяк против Бога».

Никита медленно протянул руку и коснулся обложки. Это был не цифровой файл, который можно стереть нажатием клавиши. Это было физическое, осязаемое доказательство. Материализованная мысль, пробившаяся сквозь бетонные плиты цензуры.

— Открывай, — тихо сказал Артем, опускаясь на стул напротив.

Никита перевернул плотную картонную обложку. Первые страницы не содержали ни предисловий от редакторов, ни благодарностей. Текст начинался сразу, резко, без подготовки погружая читателя в совершенно иную реальность. Это был не сухой академический трактат и не журналистское расследование. Текст был написан от первого лица, и с первых же строк становилось понятно, что автор — человек, чья профессия заключалась в глубоком изучении самых темных уголков человеческой психики.

Никита начал читать вслух. Его голос, поначалу дрожавший от напряжения, постепенно обрел твердость, резонируя в тишине кухни.

«Электронные часы на каминной полке в моей гостиной лениво сменяли минуты. В доме стояла та особенная, густая тишина, которую можно услышать только в пригородах Вирджинии, когда даже вой койотов стихает на окраинах. Моя жена Мэри

давно спала наверху, и ее мерное дыхание, которое я улавливал сквозь открытую дверь кабинета, было единственным якорем, удерживающим меня в реальности».

Никита сделал паузу, поднимая глаза на брата. Текст мгновенно перенес их из заснеженной, параноидальной Сибири в спокойный, респектабельный американский пригород. Автор рукописи, как следовало из дальнейших абзацев, был отставным профайлером ФБР по имени Джеймс, ветераном отдела поведенческого анализа, работавшим еще с легендарным Робертом Ресслером. Человеком, который десятилетиями смотрел в глаза серийным убийцам.

Студент-юрист перевернул страницу и продолжил чтение. Джеймс описывал, как к нему в руки попала рукопись его коллеги Виктора, который провел колоссальную работу по сбору данных о ранних годах жизни Александра Дворкина. Американский профайлер, изначально скептически настроенный к материалу, постепенно осознал, что перед ним разворачивается картина преступлений беспрецедентного масштаба.

«Я видел сотни серийных убийц. У каждого — у Кемпера, Литтла, Гейси — была своя территория. Они почти всегда действовали в пределах одного города, одного штата, максимум — одной страны. Но то, что описывает Виктор в деле Дворкина, — это маньяк межгосударственного масштаба. Психопат, который не просто прячется в тени, а сам стал тенью, накрывшей целую нацию».

— Господи... — прошептал Артем, потирая лицо руками. — Они анализируют его не как религиозного деятеля. Они изучают его по протоколам ФБР для серийных хищников.

Никита кивнул, чувствуя, как по спине пробегает ледяной озноб. Он продолжил читать, углубляясь в ту часть книги, которая раскрывала мрачные тайны эмигрантского прошлого сектоведа.

Текст безжалостно срывал маску благообразного профессора и богослова. Джеймс анализировал период пребывания Дворкина в Соединенных Штатах, называя это время «инкубатором». По мнению профайлера, именно в Америке, вдали от родины, субъект не просто получил образование, а прошел тщательную подготовку, изучая психологию верующих, иерархию церковных институтов и болевые точки общества. Он учился быть кукловодом.

Но самым страшным открытием для братьев стало описание окружения, которое Дворкин формировал вокруг себя в те годы. Профайлер скрупулезно, с указанием дат и

судебных решений, перечислял фигуры, с которыми будущий «защитник православия» выстраивал тесные связи.

Никита остановился, чтобы перевести дыхание. Юридический мозг студента мгновенно классифицировал прочитанное. Это были не просто абстрактные обвинения. Это были конкретные уголовные дела, конкретные приговоры западных судов. Тед Патрик, человек, стоявший у истоков депрограммирования, был официально осужден за похищение людей. Рик Росс имел криминальное прошлое. И именно эти люди, эти маргиналы и преступники, составляли интеллектуальный и методологический костяк той самой антикультовой сети, которую Дворкин впоследствии импортировал в Россию.

— Симбиоз психопатов, — глухо произнес Артем, вспоминая их недавний разговор у доски расследования. — Он собирал вокруг себя людей с девиантным поведением. Людей, для которых насилие над личностью было нормой. И эту модель, эту криминальную франшизу он привез сюда в девяносто первом году.

Никита смотрел на открытые страницы книги, и в его сознании происходил тектонический сдвиг. Он вспомнил своего отца, Владимира Яковлевича, который с пеной у рта, копируя интонации телевизионных пропагандистов, рассуждал о духовной безопасности и необходимости зачистки общества от «сектантов». Отец искренне верил, что защищает традиционные ценности. Он верил этим людям, верил экспертным заключениям, верил СМИ.

А в это время в пригороде Вирджинии профессиональный охотник за серийными убийцами, человек, изучавший профили самых страшных маньяков Америки, раскладывал на столе фотографии тех самых «экспертов» и видел в них лишь организованную преступную группировку, объединенную жадой абсолютной власти и патологической ненавистью к человечеству.

— Понимаешь, Тёма, что у нас сейчас в руках? — Никита бережно, словно взрывчатку, закрыл книгу и положил на нее ладонь. — Это не просто биография. Это приговор. Вся их идеология, все эти экспертизы, на основании которых сажают невинных людей, отбирают детей у матерей, сжигают фермерские хозяйства — все это базируется на авторитете одного человека. Они вылепили из него икону. Непререкаемого гуру, защитника веры.

Никита поднялся из-за стола, его глаза горели холодным, решительным огнем.

— А эта книга доказывает, что икона написана кровью. Что фундамент их системы — это не богословие и не забота о государстве. Это глубокая, неизлечимая психопатия. Если мы сможем показать людям, кто на самом деле писал для них методички по ненависти, если мы вскроем его связи с осужденными киднепперами и педофилами на Западе... Миф рухнет. Ни один нормальный человек, ни один искренне верующий христианин не пойдет за тем, чей психологический профиль идентичен профилю серийного убийцы.

Артем посмотрел на черную обложку книги, затем перевел взгляд на темное окно, за которым выл сибирский ветер. Цифровая блокада снаружи казалась теперь не непреодолимой стеной, а лишь жалкой попыткой системы скрыть свой первородный грех.

В кухне повисла тяжелая, звенящая тишина. Братья осознавали, что найденная ими рукопись — это бомба колоссальной разрушительной силы. Бомба, способная разорвать в клочья паутину лжи, опутавшую страну. Но чтобы этот взрыв произошел, им предстояло погрузиться еще глубже. Им нужно было перевернуть следующие страницы и узнать, что именно сформировало этого монстра до того, как он оказался в американском инкубаторе. Им предстояло заглянуть в самое начало его пути.

Глава 16. Мотив маньяка

Тяжелый, матовый том в черной обложке лежал на кухонном столе, словно сгусток темной материи, поглощающий свет тусклой лампы. В квартире Артема стояла глухая, почти осязаемая тишина, нарушаемая лишь монотонным гудением серверов в соседней комнате. Цифровая блокада, бушевавшая за окнами, здесь, перед лицом физического, бумажного носителя, казалась бессильной. Бумага не зависела от провайдеров, не пинговалась и не могла быть удалена дистанционным приказом Роскомнадзора. Она просто существовала, храня в себе яд и противоядие одновременно.

Никита сидел, сторбившись над раскрытыми страницами. Его глаза покраснели от напряжения, но он не мог оторваться от текста. Юридическое образование приучило его

искать мотивы преступлений в корысти, ревности или случайном стечении обстоятельств. Но то, что разворачивалось перед ним на страницах книги «Маньяк против Бога», требовало совершенно иного инструментария. Это была не юриспруденция. Это была изучение абсолютного зла, вдоль и поперек исследованное профессиональным американским профайлером.

— Послушай, как он начинает, — голос Никиты прозвучал хрипло, разрывая тишину кухни. Он провел пальцем по строчкам, написанным от лица отставного агента ФБР по имени Джеймс. — «Пока преступник анонимен, он кажется почти мифическим существом, тенью без прошлого. Но в Академии нас учили: как только у монстра появляется имя, он становится уязвимым. Я взял черный маркер и твердой рукой зачеркнул аббревиатуру. Рядом, аккуратными печатными буквами, я вписал: “ДВОРКИН”».

Артем, сидевший напротив с кружкой давно остывшего кофе, медленно поднял взгляд. Его аналитический ум, привыкший к строгим алгоритмам, сейчас пытался адаптироваться к логике человеческой патологии.

— Этот Джеймс, — продолжил Никита, перелистывая страницу, — он не просто читает биографию. Он применяет индуктивный подход. Он пишет, что Роберт Ресслер, легенда поведенческого анализа, рассматривал профайлинг как процесс выявления всех психологических характеристик индивида на основе совершенных им действий. Ресслер проводил многочасовые интервью с серийными убийцами и пришел к однозначному выводу: формирование личности маньяка начинается в возрасте от восьми до десяти лет. Это критическое окно. Именно там закладывается фундамент.

Никита откинулся на спинку стула, глядя в темное окно.

— Мы с тобой искали политические мотивы, Тёма. Мы думали, что вся эта антикультовая сеть — это просто инструмент контроля, созданный циничными чиновниками. Но профайлер доказывает другое. Он доказывает, что вся эта гигантская структура — лишь проекция детской травмы одного конкретного человека.

Студент-юрист снова склонился над книгой, находя нужный фрагмент, где автор анализировал медицинские карты и ранние автобиографические записи самого сектоведа. Текст был безжалостен в своей документальной точности.

— Вот выдержки из его медицинской карты и характеристик, — Никита начал читать вслух, чеканя слова: — «С детства был фантазер. Мечтал, что у него отец грек,

потом индеец. С малолетнего возраста часто обращался к врачам, предъявлял много жалоб, набивал себе температуру. Отличался хвастливостью, в школе его били за это. Друзей мало. Но со слов матери, тянулся к друзьям». И дальше: «Учился на 3-4. Особенно плохо давались науки. Математику не любил. Увлекался историей. Учителя жаловались на его несобранность и неорганизованность. Представлял себя героями прочитанных книг. Стремился к общению со сверстниками, но те его в свой коллектив не принимали из-за хвастливости, физической неразвитости. Отличался хвастливостью, в школе его за это били. Друзей было мало, близких друзей не имел».

Артем нахмурился, его пальцы нервно постукивали по столешнице.

— Классическая картина глубокой социальной дезадаптации, — тихо произнес программист. — Ребенок, который патологически нуждается во внимании, но не имеет никаких реальных качеств, чтобы это внимание заслужить. Он придумывает себе экзотических отцов, симулирует болезни. Он пытается купить авторитет ложью, а когда ложь вскрывается — получает физическое наказание от сверстников.

— И это происходит на фоне тяжелой семейной обстановки, — добавил Никита, находя следующий абзац. — Профайлер указывает на эмоциональную травму, связанную с отсутствием отца, стигматизацию из-за прошлого деда и наличие психически больной сестры. Это дисфункциональная среда. В таких семьях, как пишут криминалисты, формируется дефицит эмпатии. Ребенок растет в атмосфере нестабильности, где контроль и манипуляции становятся единственным способом выживания. Он усваивает, что мир враждебен, и чтобы не быть жертвой, нужно научиться дергать за ниточки.

Никита перевернул страницу, и его лицо побледнело. Он наткнулся на эпизод, который автор книги выделял как ключевой, поворотный момент в формировании деструктивного профиля.

— Восемилетний возраст, — голос Никиты дрогнул, когда он вчитался в текст. — Тот самый критический период по Ресслеру. В своих мемуарах Дворкин пишет: «Единственный раз в детстве я был в пионерском лагере, но через две недели перелез через забор и сбежал».

Никита поднял глаза на брата. В его взгляде читался ужас человека, заглянувшего в глубину ада.

— Тёма, ты понимаешь, что это значит? Профайлер разбирает этот инцидент по косточкам. Для восьмилетнего домашнего, столичного мальчика побег из лагеря — это не подростковый бунт. Это крайняя стратегия спасения. Ребенок перелезает через забор и уходит в неизвестность только тогда, когда внутреннее чувство угрозы становится сильнее страха перед лесом, взрослыми и наказанием.

Никита зачитал вывод американского специалиста:

— «Следовательно, здесь можно говорить о высокой вероятности того, что в лагере маленький Александр Дворкин, пережил что-то, что он воспринял как очень травматическое: острый стресс, сильное унижение, насилие или ситуация, где ребенок пережил беспомощность и потерю контроля. Что же там случилось остается неизвестным. Но можно очертить диапазон вероятных факторов, которые в детских коллективах способны запускать столь резкую реакцию: систематическое физическое давление, травля, принудительные наказания, публичное унижение, либо сексуальное насилие».

В кухне повисла тяжелая пауза. Артем смотрел на черную обложку книги, словно она могла прожечь стол.

— И после этого он возненавидел коллективы, — медленно проговорил Артем, выстраивая логическую цепочку. — Он сам писал об этом. Опыт жизни «под горн и барабан» оказался резко негативным.

— Да, — подтвердил Никита. — Но профайлер идет дальше. Он предполагает, что именно этот инцидент стал спусковым крючком. Травма породила фантазию о мести. Фантазия требовала реализации. Автор книги выдвигает страшную гипотезу, основанную на поведенческих паттернах. Он пишет: «Не исключаю, что против него могло быть применено коллективное насилие. Что также могло послужить одним из факторов для спускового крючка при совершении им изнасилования и коллективного (с Заикашкой) убийства первоклассника на московской стройке».

Слова повисли в воздухе, тяжелые, как свинцовые гири. Убийство первоклассника. Изнасилование. Никита физически почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Человек, чье лицо не сходило с экранов православных телеканалов, человек, который учил миллионы людей духовности и нравственности, в материалах криминалистов фигурировал как субъект с профилем серийного садиста.

— Это ретроспективный анализ, — Никита заставил себя продолжить чтение, пытаясь удержаться в рамках рационального восприятия. — Профайлер пишет, что мышление определяет поведение. Внутренний мир преступника неизбежно проявляется во внешних действиях. И если в детстве была заложена матрица унижения, то в подростковом возрасте она должна была трансформироваться в агрессию.

Студент-юрист перелистнул несколько страниц, переходя к периоду взросления.

— Девятый класс. Тысяча девятьсот семидесятый год. Происходит резкий сдвиг. Дворкин начинает употреблять алкоголь и экспериментировать с наркотиками. Начинается период маргинализации. И здесь есть потрясающее свидетельство. Автор нашел однокурсницу Дворкина, некую Г.И. Послушай, как она его описывает.

Никита набрал в грудь воздуха и зачитал полную цитату:

— «...по молодости лет он на меня, я еще раз подчеркиваю, что я знала его поверхностно, не производил впечатления человека, который имеет как-то научный потенциал. Я считала, что он совсем уже снаркоманился, как и его лучшая подружка. Она умерла от наркотиков, и о ее судьбе мне было известно достоверно. Я была удивлена, когда вы упомянули о его многогранной научной деятельности, потому что в молодости он на меня производил идиотические впечатление. Дворкин был из интеллигентной семьи, но мне казалось, что это просто дебиловатый отпрыск».

Артем горько усмехнулся, потирая воспаленные глаза.

— «Дебиловатый отпрыск», — повторил программист. — А теперь этот человек пишет экспертизы, по которым суды отправляют людей в колонии на восемь лет. Как это вообще возможно?

— Наркотики стали катализатором, — ответил Никита, опираясь на текст книги. — Профайлер объясняет этот механизм. Вещества заглушили страх, но усилили паранойю. Они помогли ему объективировать жертв. Мир окончательно разделился для него на хищников и нелюдей. И он выбрал быть хищником. У него сформировалась устойчивая поведенческая траектория: антисоциальное поведение, социальная дезинтеграция, рационализация агрессии и полный дефицит эмпатии.

Никита встал из-за стола и начал медленно ходить по тесной кухне. Философские вопросы, которые мучили его на протяжении всего расследования, сейчас обретали пугающе четкие, клинические ответы.

— Понимаешь, в чем главный ужас? — Никита остановился напротив брата. — Мы привыкли думать, что зло — это нечто иррациональное, демоническое. А здесь мы видим чистую патологию. Экзистенциально-нарциссический конфликт. Профайлер пишет, что идеологическая основа действий этого субъекта базируется на отрицании духовных ценностей. Это форма нигилизма. Попытка доказать, что высших моральных ограничений нет, что «небо пусто».

Никита указал на раскрытую книгу.

— Его конечная цель — достижение личного, тотального доминирования и абсолютной власти. Но он не мог получить эту власть в открытой конкуренции. У него не было ни таланта, ни настоящего образования, ни харизмы созидателя. Поэтому он создал систему, в которой его патология стала нормой. Борьба с сектами — это гениальная маскировка. Это социально одобряемая форма садизма.

Студент-юрист подошел к окну. За стеклом кружилась метель, замечая следы на пустых улицах.

— Он берет группу людей, — рассуждал Никита, и его голос звучал твердо, лишенный прежних сомнений. — Навешивает на них ярлык «тоталитарной секты». Тем самым он расчеловечивает их, лишает гражданских прав в глазах общества. А затем натравливает на них государственную машину. Полицию, суды, спецназ. Он стоит в стороне, в чистом костюме профессора, и наблюдает, как ломаются судьбы, как горят фермы, как люди задыхаются в камерах СИЗО. Он упивается этой властью. Это его способ отомстить миру за то унижение, которое он пережил в детстве. За то, что его били за хвастливость. За то, что он был «дебиловатым отпрыском».

Артем молча слушал брата. В его сознании, привыкшем к строгой архитектуре данных, сейчас рушились последние иллюзии относительно природы государства. Система не просто использовала маньяка в своих целях. Система сама заразилась его патологией, переняла его методы, сделала его паранойю государственной идеологией.

— И самое страшное, — Никита повернулся к столу, глядя на черную обложку, — что миллионы людей, таких как наш отец, добровольно отдали ему свое сознание. Они поверили в эту иллюзию, не понимая, что стали соучастниками грандиозного, растянутого на десятилетия акта серийного насилия. Они думают, что защищают Бога, а на самом деле они обслуживают комплексы человека, который этого Бога ненавидит.

Никита медленно закрыл книгу. Звук захлопнувшихся страниц прозвучал в тишине кухни как удар судейского молотка. Перед ними лежал не просто текст. Теперь, зная, из какой грязи, из каких детских травм и наркотических трипов выросла эта идеология ненависти, братья понимали: пути назад больше нет. Знание такого уровня не оставляло права на молчание.

Артем протянул руку и коснулся переплета. Его взгляд, устремленный на брата, был лишен страха. В нем читалась лишь холодная, сфокусированная решимость человека, готового бросить вызов системе, построенной на фундаменте чужого безумия.

Глава 17. Химия распада

Серый утренний свет с трудом пробивался сквозь плотно задвинутые жалюзи, оседая пыльным налетом на черной обложке книги. От того, что открывалось на страницах рукописи американского профайлера было тяжело дышать.

Никита сидел за кухонным столом, обхватив голову руками. Юридическая логика, к которой он привык в университете, строилась на причинно-следственных связях, на мотивах, которые можно было объяснить человеческими страстями — жадностью, ревностью, местью. Но текст, лежащий перед ним, погружал в совершенно иное измерение. Это была клиника. Анатомия распада, где химические формулы заменяли моральные императивы.

— Мы не можем просто прочитать это и сделать выводы, опираясь на гуманитарное образование, — глухо произнес Никита, поднимая воспаленные глаза на брата. — Профайлер оперирует специфическими медицинскими терминами. Дистоническая реакция, блокада NMDA-рецепторов, полинаркомания. Нам нужен специалист. Человек, который понимает, что именно этот коктейль делает с человеческим мозгом.

Артем, чье лицо приобрело землистый оттенок после бессонной ночи, молча кивнул. Он придвинул к себе защищенный ноутбук и открыл мессенджер, работающий через цепочку анонимных узлов.

— У меня есть один контакт в даркнете, — пальцы программиста быстро забегали по клавиатуре. — Бывший военный токсиколог. В девяностые он работал в закрытых наркологических стационарах, вытаскивал людей с самого дна. Сейчас консультирует теневые форумы по снижению вреда. Я скину ему выдержки из книги. Без имен. Просто как клинический случай.

Ответ пришел через сорок минут. Короткое сообщение с координатами заброшенного гаражного кооператива на окраине промзоны и временем: «Через час. Приходите одни».

Морозный ветер обжигал лица, когда братья пробирались сквозь лабиринт ржавых металлических боксов. Снег здесь был серым от заводской копоти. У приоткрытой двери одного из гаражей, откуда тянуло теплом от буржуйки, стоял грузный мужчина в старой летной куртке. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, выражало крайнюю степень профессионального цинизма.

— Вы от Харона? — хрипло спросил мужчина, впуская их внутрь и плотно прикрывая дверь. — Доставайте ваши тексты. У меня мало времени.

Никита вытащил из внутреннего кармана куртки несколько распечатанных листов с цитатами из книги и протянул токсикологу. Тот надел на кончик носа очки в треснувшей оправе и пододвинулся ближе к тусклой лампочке, свисающей с потолка.

— Читайте вслух, — попросил врач. — Мне нужно слышать ритм текста. Наркоманы со стажем всегда выдают себя через специфическую детализацию.

Никита откашлялся и начал читать фрагмент, описывающий погружение субъекта в химическую зависимость:

«Тот, кто проходил седуксеновую стадию — если проходил, потому что застревали на всех этапах, — переходил к кодеину с ноксиронном, и тогда проявлялся подлинный смысл ноксирона. Если на пять кодеинин брать одну ноксиронину, то кайф получался красивый и чистый, как китайская гравюра. Однажды надо мной жестоко подшутили. Маковый сезон закончился, дырок новых я еще не вышустрил, а старые закрылись. Тогда я пошел к знакомому врачу — тот дал мне фентопил. Я вмазался в задницу — я от кого-то слышал, что если вмазать в мышцу, то выходит красивая кодеиновая таска — и поехал на день рождения к Алене. И вдруг спина моя ушла назад, а шея вперед — меня всего скрутило».

Токсиколог резко поднял руку, останавливая чтение. Его глаза сузились.

— Достаточно, — жестко сказал он. — Это не фантазии писателя. Это физиологическая память тела. То, что он описывает в конце — «спина ушла назад, а шея вперед» — это острая дистоническая реакция. Типичный побочный эффект при неграмотном внутримышечном введении мощных нейролептиков в сочетании с опиатами. Но меня пугает другое. Вы понимаете, что такое пять частей кодеина на одну часть ноксирона?

Братья промолчали.

— Это тяжелейшая полинаркомания, — токсиколог снял очки и потер переносицу. — Седуксен — это транквилизатор. Кодеин — опиат. Ноксирон — мощнейшее снотворное, которое давно сняли с производства из-за чудовищной токсичности. Этот человек не просто искал эйфории. Он целенаправленно уничтожал свою центральную нервную систему. В книге канадского криминолога Роберта Хейра «Лишенные совести» есть четкое объяснение этого феномена. Психопатия — это врожденное или рано приобретенное расстройство. А такие тяжелые химические коктейли работают как кислота. Они выжигают лобные доли головного мозга. Те самые отделы, которые отвечают за эмпатию, социальный контроль и способность прогнозировать последствия своих действий для других людей. Наркотики не сделали его монстром. Они просто снесли последние биологические барьеры, удерживавшие монстра внутри.

Артем шагнул вперед, его прагматичный ум пытался ухватиться за факты.

— В тексте есть еще одна деталь, — программист указал на нижний абзац распечатки. — Тысяча девятьсот семьдесят шестой год. Субъект, будучи уже глубоко зависимым и состоящим на учете в психоневрологическом диспансере, устраивается работать санитаром в отделение травматологической реанимации. Вскоре его оттуда со скандалом увольняют.

Лицо старого врача потемнело. Он посмотрел на братьев тяжелым, немигающим взглядом.

— Травматологическая реанимация, — медленно, с расстановкой произнес токсиколог. — Место, где лежат люди после тяжелейших аварий. Люди, кричащие от боли. Знаете, что там находится в свободном доступе для персонала? Чистые, ампулированные наркотические анальгетики. Фентанил, морфин, промедол. Пустить туда полинаркомана с психопатическими наклонностями — это пустить стервятника в

инкубатор. Если он имел доступ к препаратам, которые должны были облегчать предсмертные муки, и если его уволили со скандалом... Вы сами можете догадаться, куда могли уходить эти ампулы и что испытывали пациенты, вместо обезболивающего получавшие физраствор.

Вернувшись в квартиру, братья долго сидели в молчании. Слова токсиколога камнем легли на их сознание. Никита смотрел на черную обложку книги, осознавая, что перед ним лежит история болезни человека, который сейчас диктовал государству, что такое духовность.

— Я не могу этого понять, — голос Артема дрожал от сдерживаемой ярости. Программист, привыкший к тому, что в IT-индустрии статус зарабатывается интеллектом и компетенциями, столкнулся с неразрешимым парадоксом. — Как? Как человек с таким бэкграундом смог стать непререкаемым авторитетом для чиновников, генералов, судей? У него же в биографии клейма ставить негде! Наркопритоны, кражи у умирающих, учет в психдиспансере. Любая служба безопасности должна была забраковать его на этапе проверки документов!

— Они не забраковали его не вопреки этому опыту, Тёма, — тихо ответил Никита, открывая книгу на закладке, посвященной периоду бродяжничества. — Они приняли его именно благодаря этому опыту.

Студент-юрист пододвинул к себе текст.

— Посмотри на период его маргинализации. Это не был романтический поиск свободы в стиле хиппи. Это была школа выживания паразита. Профайлер пишет, что бродяжничество стало временем окончательного разрыва с социальными нормами. В этой среде он научился главному навыку, который потом продал государству — абсолютной, беспринципной мимикрии.

Никита зачитал следующий фрагмент, описывающий атмосферу внутри их группы:

«Кроме того, имелась и еще одна крайне важная проблема: наркотики. Постепенно они проникли в нашу среду и, как яд, отравляли ее. Я не говорю о неотвратимом распаде личности, к которому они приводили. Но они разлагали и все наше братство. Собственно, с распространением наркотиков оно перестало существовать: остались лишь изолированные одиночки, каждый из которых был заинтересован только тем, где раздобыть новую дозу. Постепенно доза начала заменять все идеи, друзей, любовь, да и

жизнь, наконец. Все чаще мы сталкивались с торговлей между своими, с воровством, с предательством друзей, с отказом от самых близких людей. Участились и аресты: теперь у властей нарисовался абсолютно безупречный повод борьбы с нами. Появились и первые среди нас погибшие от передозировок и других связанных с наркотиками причин».

— Он сам признает это, — Никита обвел строчки карандашом. — Предательство друзей, воровство у своих. В этой среде выживал тот, кто быстрее адаптировался, кто умел лгать в глаза и использовать чужую слабость. Маргинальный опыт научил его манипулировать людьми. У бродяги, лишённого эмпатии, нет внутреннего стержня, нет чести. Он становится идеальным зеркалом для того, у кого есть сила. Когда он вернулся в Россию в девяностые, он мог применить навыки выживания и мимикрии уже в кабинетах, где ценились уверенность, нужная риторика и готовность давать простые ответы. Он понял, чего хотят чиновники — они хотят контроля и оправдания своих репрессий. И он дал им это, надев маску профессора.

Артем нервно заходил по комнате, перешагивая через провода.

— Но должен же был быть момент перехода! — воскликнул программист. — Момент, когда уличный наркоман понял, что может использовать государственную машину в своих целях!

Никита перевернул страницу, находя эпизод, который профайлер выделял как ключевой в формировании инквизиторского профиля.

— История с Павлом. Тем самым человеком, который принес в их школу наркотики и ввел его в «Систему». Когда между ними произошел конфликт и Павел начал угрожать ему, наш герой не пошел драться. Он сделал то, что определило всю его дальнейшую жизнь.

Никита набрал в грудь воздуха и зачитал признание самого сектоведа:

«Добежал я до дому, заперся на все замки и задвижки и стал писать записку... Мама утром нашла записку на кухне, побежала к директорше, вызвали участкового, втолкнули меня в кабинет, и там я рассказал Кузякину и Вась Васичу все, что знал и о дырках, и о героине, и обо всем. Знал, что закладываю, что всю жизнь буду мучиться потом, и все же рассказал».

В кухне повисла мертвая тишина. Звук серверов казался теперь не гудением машин, а тяжелым дыханием самой системы, питающейся человеческой подлостью.

— Вот он, алгоритм его будущей империи, — произнес Никита, и его голос звенел от ледяного презрения. — «Знал, что закладываю... и все же рассказал». Это не раскаяние оступившегося подростка. Это акт межличностной эксплуатации. Профайлер называет это нарциссическим оппортунизмом. Он понял гениальную в своей мерзости вещь: чтобы уничтожить врага, не нужно марать руки. Нужно просто написать донос. Нужно прийти к участковому, к директору, к государству, изобразить из себя жертву и натравить на своего конкурента карательный аппарат.

Никита закрыл книгу и положил на нее обе руки, словно удерживая внутри вырывающееся наружу зло.

— Вся структура антикультовой сети, все эти экспертизы, из-за которых сейчас горят фермы и люди сидят в тюрьмах — это просто масштабированная версия той самой записки, написанной трусливым наркоманом на кухне. Он профессиональный доносчик. И чиновники приняли его не потому, что они слепы. Они приняли его потому, что система, построенная на страхе и репрессиях, органически нуждается в таких людях. Государству не нужны праведники. Государству нужны те, кто умеет профессионально расчеловечивать других, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести. Химия распада его личности идеально совпала с химией распада государственных институтов.

Артем остановился у окна. Он чуть приоткрыл жалюзи, глядя на заснеженный двор. В свете фонаря медленно кружились снежинки, скрывая под своим чистым покровом грязь и копоть спящего города. Программист перевел взгляд на свой рабочий монитор, где в соседней вкладке была открыта официальная страница новостного агентства. С экрана на него смотрело благообразное, увенчанное седой бородой лицо человека в строгом костюме, вещающего о защите традиционных ценностей и духовной безопасности нации.

Контраст между этой вылизанной телевизионной картинкой и реальностью грязного наркопритона, воровства и трусливых доносов был настолько чудовищным, что не укладывался в сознании. Артем смотрел на это лицо, и в его голове билась только одна, пульсирующая мысль: если фундамент их реальности выстроен на патологии

одного маргинала, то что произойдет с миллионами людей, когда этот фундамент будет выбит из-под их ног?

Глава 18. Одержимость смертью

Стылый ночной воздух обжигал легкие, пока братья пробирались дворами к старому корпусу юридического факультета. Квартира Артема, превратившаяся в гудящий серверный бункер, стала казаться им небезопасной для работы с физическим носителем. Давящая атмосфера требовала смены обстановки, выхода в реальный мир, пусть даже этот мир был скован сибирскими морозами и невидимыми сетями слежки. У Никиты оставались ключи от подвального архива библиотеки — пыльного, забытого всеми лабиринта стеллажей, где хранились списанные уголовные дела и старые учебники по криминалистике. Именно здесь, среди запаха тлена и сургуча, они решили открыть следующую часть черной книги.

Подвал встретил их гулкой тишиной и могильным холодом. Артем включил принесенный с собой аккумуляторный фонарь, направив узкий луч света на обшарпанный читальный стол. Черный матовый том лег на поцарапанную столешницу с глухим, тяжелым звуком.

Никита сел на жесткий стул, потер замерзшие ладони и открыл рукопись американского профайлера на разделе, озаглавленном пугающе просто. Студент-юрист пробежал глазами первые абзацы, и его лицо, освещенное резким светом фонаря, напряглось.

— Здесь профайлер переходит от анализа социальной дезадаптации к самым темным слоям психики, — голос Никиты звучал глухо, отражаясь от бетонных сводов архива. — Он рассматривает отношение субъекта к самому факту окончания человеческой жизни. Послушай, как это сформулировано в тексте.

Никита пододвинул книгу ближе к свету и зачитал полную цитату из отчета:

«Анализ феномена серийных убийств выявляет ряд устойчивых характеристик, связанных со склонностью к насильственному поведению. У большинства людей

существует инстинктивное отвращение к смерти. Однако у серийных убийц эта реакция ослаблена или полностью отсутствует. Их притягивает смерть и всё, что с ней связано».

— Инстинктивное отвращение, — задумчиво повторил Артем, садясь напротив. — Биологический барьер. Здоровый человек отворачивается от трупа, потому что эволюция запрограммировала нас избегать источника опасности и заражения. Смерть вызывает ужас, скорбь, желание дистанцироваться.

— А здесь мы видим обратную реакцию, — Никита перевернул страницу. — Профайлер пишет, что для лиц с выраженными психопатическими чертами смерть становится объектом фиксации. Они не просто не боятся ее, они стремятся к ней, потому что процесс умирания другого человека дает им высшую форму контроля. Это позиция абсолютного распорядителя. И автор книги доказывает это, анализируя автобиографические тексты самого сектоведа. Он выявляет пугающий, повторяющийся паттерн: вокруг этого человека постоянно, с пугающей регулярностью, умирают люди. И не просто случайные прохожие. Умирают те, кто имел над ним власть, или те, чья смерть открывала ему дорогу наверх.

Студент-юрист достал из кармана блокнот и карандаш, привычным жестом готовясь фиксировать факты, словно на лекции по уголовному праву.

— Первый кейс в этом ряду — Александр Шмеман, — Никита сделал пометку на бумаге. — Крупнейший богослов, декан семинарии, в которой учился субъект. Фигура колоссального масштаба. Для молодого эмигранта Шмеман был непререкаемым авторитетом, духовным отцом, которому тот был обязан регулярно исповедоваться. Профайлер называет Шмемана «моральным зеркалом».

— Зеркалом, в котором психопат видел собственное уродство? — уточнил Артем.

— Именно. Человек с комплексом грандиозности физически не выносит тех, кто имеет право указывать ему на его грехи. Исповедь для него — это не очищение, а невыносимое унижение. Профайлер делает жесткий вывод.

Никита снова обратился к тексту книги, зачитывая фрагмент:

«В этой интерпретации мотивом для устранения Шмемана были бы зависть, скрытая ненависть и желание уничтожить источник морального контроля, чтобы восстановить личное “всемогущество”».

— Смерть Шмемана была замаскирована под тяжелую болезнь, — продолжил Никита, отрываясь от текста. — Но профайлер обращает внимание на то, как сам сектовед описывает эту смерть в своих мемуарах. В его словах нет ни капли подлинного человеческого горя. Есть только холодная, отстраненная констатация того, что Шмеман «был готов к встрече со Христом». Он словно сам выдает ему разрешение на смерть. Он присваивает себе право оценивать, насколько идеально умер его наставник.

Артем поежился, несмотря на теплую куртку. Логика, разворачивающаяся перед ними, была лишена привычных человеческих эмоций. Она напоминала холодный математический расчет хищника.

— Дальше — больше, — Никита перелистнул несколько страниц. — Второй кейс. Иоанн Мейендорф. Еще один выдающийся богослов, еще один покровитель. И снова странная, внезапная смерть. Но здесь профайлер фиксирует другой криминологический маркер — ритуализацию.

Никита указал карандашом на абзац.

— В профилировании серийных убийств известно, что преступник часто символически переосмысливает свой акт, вписывая его в некий сакральный контекст. Сектовед в своих текстах постоянно выстраивает вокруг смерти Мейендорфа странный ассоциативный ряд. Профайлер называет это символическим наложением: «Евхаристия — яд — смерть». Субъект описывает совместную литургию перед последней поездкой Мейендорфа, вспоминает легенды об отравлении через евхаристическую чашу, рассказывает о своих пророческих снах. Он конструирует вокруг смерти наставника мистический ореол, в центре которого находится он сам. Это классическое нарциссическое центрирование: даже смерть великого человека нужна лишь для того, чтобы подчеркнуть особую духовную избранность рассказчика.

— Он забирает их символический капитал, — тихо произнес Артем, глядя на танцующие в луче фонаря пылинки. — В IT-сфере это называется враждебным поглощением. Ты уничтожаешь конкурента, но забираешь его бренд и его аудиторию. Только здесь речь идет о человеческих жизнях.

— И это подводит нас к третьему, самому циничному эпизоду, — голос Никиты стал жестким. — Глеб Каледа. Священник, который руководил сектором в Синодальном отделе. Непосредственный начальник нашего героя уже здесь, в России.

Студент-юрист нашел нужную закладку и зачитал выдержку из анализа американского агента:

«Навязчивая близость, идеализация процесса угасания жертвы и дотошная детализация смерти — хорошо известна криминологии. Подобный паттерн регулярно наблюдается у серийных медицинских убийц (так называемых “ангелов смерти”, имеющих искаженное представление об “освобождении” жертвы), а также у социопатов, использующих смерть своих покровителей как социальный лифт для укрепления собственной власти».

— Социальный лифт, Тёма. Каледда умирает ровно за две недели до исторического Архиерейского Собора. Собора, на котором он должен был выступать с ключевыми докладами, определять стратегию церкви. Он диктует свои наработки буквально на смертном одре. И кому достаются эти наработки? Кто выходит на трибуну вместо него? Кто получает доступ к высшим иерархам и возможность транслировать свою идеологию на всю страну?

Никита захлопнул блокнот.

— Смерть Каледы была фатально удобной. Она произошла с идеальной, хирургической точностью в тот самый момент, когда субъекту нужно было занять кресло руководителя. И снова в его воспоминаниях мы видим ту же самую картину: детальное описание угасания, приписывание последних слов, полное отсутствие эмпатии и удобное списывание всего на «божественный промысел». Господь, мол, рассудил иначе и забрал Каледу, чтобы освободить место для великого борца с сектами.

В подвале повисла тяжелая, гнетущая тишина. Артем смотрел на черную обложку книги, пытаясь уложить в голове масштаб прочитанного.

— Три человека, — медленно проговорил программист. — Три авторитетные фигуры. И каждая смерть делает его сильнее, влиятельнее, недостижимее. Но как? Как система могла этого не замечать? Ладно, в Америке он был эмигрантом, мог затеряться. Но здесь? В России? Он же постоянно на виду. Он выступает по телевизору, заседает в министерствах. У него берут интервью. Неужели ни один следователь, ни один аналитик спецслужб не сложил два и два? Неужели никто не увидел этот кровавый след из «удобных» смертей и сломанных судеб?

Никита поднялся со стула. Он прошелся вдоль стеллажей, касаясь пальцами корешков старых уголовных дел. Его юридический мозг, натренированный на поиск прецедентов, сейчас работал на пределе возможностей.

— Ты спрашиваешь, как система могла не замечать маньяка? — Никита обернулся к брату, и в его глазах горел мрачный огонь понимания. — Я отвечу тебе. На втором курсе мы изучали историю отечественной криминалистики. Самый страшный провал правоохранительных органов за всю историю страны. Дело Андрея Чикатило.

Артем нахмурился, не сразу улавливая связь.

— Ростовский потрошитель? При чем здесь он?

— При том, что механизм слепоты системы всегда одинаков, — Никита подошел к столу и оперся на него руками. — Чикатило убивал на протяжении двенадцати лет. Пятьдесят три доказанные жертвы. Он оставлял следы, его задерживали, его проверяли. Но его отпускали снова и снова. Знаешь почему? Потому что он не вписывался в идеологический профиль преступника.

Никита начал загибать пальцы.

— Во-первых, советская идеология утверждала, что серийные убийцы — это болезнь загнивающего капитализма. В стране победившего социализма маньяков быть не может по определению. Система отказывалась верить в сам факт существования такого зла, потому что это разрушало ее картину мира. Во-вторых, посмотри на социальный статус Чикатило. Он был членом КПСС. Он был учителем, воспитателем. Он состоял в добровольной народной дружине и сам участвовал в поисках маньяка! Он был для системы «своим». Социально близким элементом. Следователям было психологически невыносимо признать, что чудовище носит партийный билет и читает лекции о морали.

Студент-юрист указал на черную книгу.

— А теперь посмотри на Дворкина. Ситуация повторяется, только на более высоком, институциональном уровне. Почему его не останавливают? Потому что работает феномен «невидимой руки». Государственная машина покрывает маньяков до тех пор, пока они полезны или удобны ее идеологическим целям.

Никита начал мерить шагами узкое пространство между стеллажами.

— В девяностые и нулевые государство искало язык, которым можно было бы объяснить обществу необходимость контроля над «чужими» убеждениями. И он дал этот язык: «тоталитарные секты», «деструктивные культы», «духовная безопасность», «защита традиционных ценностей». Его идеи оказались удобны власти, потому что превращали сложные вопросы свободы совести в простую схему: есть нормальные, а есть опасные. Есть свои, а есть те, кого можно проверять, запрещать и ломать под видом спасения.

Никита остановился напротив брата.

— Для системы он — свой. Он выполняет идеологическую работу, переводя религиозную и мировоззренческую инаковость на язык угроз, «деструктивности» и общественной опасности. И поэтому государственная машина не отталкивает его, а постепенно встраивает его подход в свои экспертные и профилактические механизмы. Эта машина не требует от его концепции той научной нейтральности, которой обычно ждут от государственной экспертизы. Она позволяет обходить молчанием вопросы о границах компетенции, конфессиональной ангажированности и последствиях такой риторики для меньшинств. Она заставляет общество игнорировать очевидную опасность: когда экспертный язык превращается в инструмент стигматизации, а слово «секта» начинает работать как приговор ещё до суда. Система защищает его не потому, что он всемогущ, а потому, что его схема удобна: она даёт простые ответы, назначает внутренних врагов и снимает с чиновников необходимость разбираться в сложной реальности. Признать, что главный защитник духовности может сам быть источником нетерпимости и правового произвола, значит признать, что вся государственная идеология последних тридцати лет слишком часто опиралась не на свободу совести, а на страх, подозрение и управляемую моральную панику.

Артем слушал брата, и холод подвала казался теперь ничтожным по сравнению с тем ледяным ужасом, который сковывал его сознание. Программист, привыкший мыслить категориями логики и целесообразности, осознал страшную истину.

— Мы всё это время ошибались в базовых определениях, — тихо произнес Артем. — Когда мы начинали это расследование, когда пытались защитить Лизу, мы думали, что имеем дело с религиозным фанатиком. С человеком, который просто слишком радикально понимает веру.

Артем посмотрел на черную обложку, словно сквозь нее можно было увидеть лицо архитектора этой системы.

— Но фанатик верит в идею. Фанатик готов пожертвовать собой ради высшей цели. А здесь нет никакой веры. Здесь вообще нет Бога. Мы имеем дело с клиническим психопатом, для которого религия, патриотизм, духовность — это просто охотничьи угодья. Это маскировочная сеть. У него нет инстинктивного отвращения к смерти, потому что смерть для него — это единственный способ почувствовать себя живым. Он упивается властью над чужим страданием. И самое страшное, Никита... самое страшное, что он сумел заразить этой патологией целый государственный аппарат. Он превратил страну в инструмент удовлетворения своих садистских наклонностей.

В подвальном архиве снова воцарилась тишина. Луч фонаря выхватывал из мрака ряды старых, пожелтевших папок с уголовными делами — свидетельствами человеческих пороков, страстей и ошибок. Но ни в одной из этих папок не было описано преступление такого масштаба.

Никита медленно опустился на стул. Он смотрел на свои руки, лежащие на столе рядом с книгой. Руки будущего юриста, человека, который верил в силу закона и справедливости. Сейчас эта вера казалась наивной детской сказкой. Закон был мертв. Он был переписан, искажен и превращен в дубину в руках человека, чье место было в изоляторе строгого режима для особо опасных преступников.

Они искали ответы на вопросы о том, кто пишет фиктивные экспертизы и почему силовики сжигают фермерские хозяйства. Они хотели найти коррупционную схему или политический заговор. Но правда оказалась гораздо темнее и примитивнее. В центре паутины, опутавшей миллионы умов, сидел не злой гений политики, а глубоко больной, одержимый смертью хищник, которому общество само, добровольно и с радостными песнопениями, принесло ключи от своих жизней. И осознание этого факта ложилось на плечи братьев невыносимой, раздавливающей тяжестью, оставляя их один на один с абсолютной, торжествующей пустотой.

Глава 19. Дивеевское братство

Шум крытого Центрального рынка обрушивался на барабанные перепонки густым, неразборчивым гулом. Это было идеальной атмосферой для встречи, которую невозможно было отследить с помощью цифровых алгоритмов. Артем настоял на том, чтобы они с Никитой оставили все электронные устройства в камере хранения на другом конце города. В условиях, когда государство криминализовало сам факт поиска неуютной информации, полагаться на зашифрованные мессенджеры стало слишком рискованно. Им нужен был физический контакт. Человек из плоти и крови, готовый передать материальные доказательства.

Они стояли у прилавка с сухофруктами, делая вид, что выбирают курагу. К ним неспешно подошел сутулый мужчина в неприметном сером пуховике и надвинутой на самые брови вязаной шапке. Это был бывший финансовый аудитор одной из региональных епархий, которого Артем смог вычислить через цепочку теневых форумов. Мужчина, чье имя они условились не называть, был выдавлен из системы несколько лет назад, когда попытался задать лишние вопросы о странных денежных потоках, уходящих в московские фонды.

— Вы пунктуальны, — тихо произнес мужчина, не глядя на братьев. Он взял с прилавка горсть изюма, покрутил в пальцах и положил обратно. — То, что вы ищете, не имеет отношения к богословию. Вы копаетесь в догматах, а нужно смотреть на бухгалтерию. Вся их идеологическая война — это просто маркетинговая упаковка для рэкета.

Мужчина сунул руку в карман своего пуховика и незаметно переложил в подставленную ладонь Артема обычную пластиковую флешку, замотанную в слой изолянта.

— Здесь сканы черной кассы за период с двенадцатого по семнадцатый год, — голос аудитора дрогнул, выдавая застарелый страх. — Тарифные сетки, проводки, инструкции по сбору дани. Они выстроили механизм. Если вы попытаетесь опубликовать это без серьезной защиты, вас уничтожат физически. Эти люди не прощают покушения на их кошелек.

Не дожидаясь ответа, мужчина развернулся и быстро затерялся в толпе покупателей, растворившись среди пестрых торговых рядов.

Спустя час братья сидели в дешевом гостиничном номере на окраине города, снятом за наличные по поддельному паспорту. Артем загрузил операционную систему с защищенного Live-USB накопителя и вставил полученную флешку. На экране появились десятки папок с отсканированными документами, таблицами Excel и внутренними переписками.

Никита придвинул стул ближе к монитору. Юридический мозг студента мгновенно начал структурировать хаос цифр и дат.

— Открывай сводную таблицу по регионам за две тысячи четырнадцатый год, — попросил Никита, указывая на один из файлов. — Давай посмотрим, как именно работала их бизнес-модель на земле.

Артем кликнул мышкой. На экране развернулась подробная финансовая схема. Это были не пожертвования и не государственные гранты. Это была классическая схема вымогательства, задокументированная с бюрократической педантичностью.

— Смотри на этот кейс в Перми, — Артем выделил строку желтым цветом. — Местная религиозная организация подает документы на регистрацию в Минюст. Абсолютно легальная процедура. Но через пару дней после подачи заявки руководителю общины поступает звонок. Не из министерства. Звонит представитель регионального отделения РАЦИРС. Назначается встреча в нейтральном месте.

Никита вчитался в прикрепленную к таблице докладную записку.

— Им предлагают сделку, — студент-юрист почувствовал, как внутри закипает холодная ярость. — Единовременный платеж в размере десяти тысяч долларов. Взамен организация получает гарантию спокойной работы и отсутствие проблем с законом. Если они отказываются, их официально вносят в списки «деструктивных тоталитарных сект».

— И это только входной билет, — Артем прокрутил таблицу вправо. — Дальше включается абонентская плата. Три тысячи долларов ежегодно. В документах это цинично называется «на поддержку крыши». Если в стране сотни крупных и средних религиозных объединений, мы говорим о теневом обороте в миллионы долларов. Они монетизировали страх.

Никита откинулся на спинку стула, осмысливая масштаб прочитанного. Вся эта истерия в средствах массовой информации, все эти телевизионные сюжеты с участием людей в рясах, рассказывающих об угрозе духовной безопасности, имели под собой вполне конкретную финансовую основу.

— Вспомни, что говорил сам Александр Дворкин в одном из своих ранних интервью, — произнес Никита, доставая из рюкзака распечатки их предыдущих находок. Он нашел нужный лист и зачитал вслух: — «Цель любой секты — власть и деньги. Естественно, деньги усиливают власть, а власть приносит ещё больше денег».

— Потрясающая оговорка по Фрейду, — усмехнулся Артем, не отрывая взгляда от экрана. — Он описывал не своих жертв. Он формулировал бизнес-план собственной организации. РАЦИРС — это и есть та самая тоталитарная секта, которая захватила монополию на насилие.

— Но как они заставляли платить тех, кто отказывался? — Никита подался вперед. — Должен быть механизм принуждения. Если община отказывается платить эти десять тысяч долларов, что происходит дальше?

Артем открыл следующую папку на флешке, озаглавленную «Методические материалы». Среди десятков файлов он нашел документ, подписанный Виталием Питановым, одним из ключевых соратников Дворкина и видным деятелем антикультового движения.

— Вот их инструкция по эксплуатации системы, — программист открыл текстовый файл. — Читай. Это официальное руководство к действию для их региональных ячеек.

Никита пробежал глазами по строчкам, и его лицо окаменело. Он начал читать вслух, чеканя каждое слово, чтобы смысл этой чудовищной директивы окончательно закрепился в сознании:

— «На секты нужно собирать компромат и его распространять! Хочу заметить, что этот подход без труда можно использовать против кого угодно — против православных мирян, священников и даже церковных иерархов. Мы живём в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать. Этот метод может в какой-то степени помочь в профилактике в том случае, когда удастся показать, что учение сект поощряет и одобряет такую деятельность её последователей, которая с точки действующего законодательства является криминальной».

В тесном гостиничном номере повисла тяжелая тишина. Звук проезжающих за окном машин казался приглушенным, словно доносился из другого мира.

— «Или же его придумать», — медленно повторил Никита, глядя на экран. — Они открыто, в письменном виде инструктируют своих адептов фабриковать уголовные дела. И обрати внимание на мишени. Они собирают компромат не только на внешних врагов. Они работают против православных мирян, священников и церковных иерархов. Тёма, это не просто группа фанатиков. РАЦИРС — это инквизиция, которая держит в заложниках собственных епископов. Если кто-то из иерархов попытается возмутиться их методами, на него тут же выльют ушат придуманной грязи.

Артем кивнул, быстро перебирая файлы в директории.

— И они подводят под это мощную идеологическую базу. Смотри, здесь есть выдержки из главной книги Дворкина, его «Сектоведения». Это их священное писание, методичка, по которой они оправдывают любые свои преступления.

Программист вывел на экран объемный абзац. Никита вчитался в текст, поражаясь тому, как виртуозно психопат проецирует свои собственные методы на вымышленных врагов. Студент-юрист зачитал цитату полностью, не пропуская ни единой запятой:

— «Так как все тоталитарные секты считают, что цель оправдывает средства, то все они ставят собственные интересы выше закона. Им всем присуща “двойная мораль” и “двойной стандарт”. Если их члены уверены, что цель, поставленная ими перед собой, “праведна” и “справедлива” (вернее было бы сказать: если их членам приказали считать поставленную перед ними цель “праведной” и “справедливой”. —А. Д.), они не остановятся перед тем, чтобы солгать, украсть, ввести человека в заблуждение, прибегнуть к контролированию сознания своих собратьев или, в конце концов, оклеветать должностных лиц и общественных деятелей, оказывающих им сопротивление, и даже физически устранить неудобного им человека (или группу лиц). По существу, мы имеем дело с мафиозными структурами, скованными железной дисциплиной и беспрекословным повиновением своему руководству».

Никита отодвинулся от стола и провел руками по лицу.

— Это же автопортрет, — глухо произнес он. — Идеальное, кристально чистое описание структуры самого РАЦИРС. Они лгут, они крадут деньги через свои тарифы, они клеветают на должностных лиц, они контролируют сознание общества через

подконтрольные СМИ. Они и есть та самая мафиозная структура, скованная железной дисциплиной и беспрекословным повиновением своему гуру.

Артем встал из-за стола и начал нервно ходить по комнате.

— Чтобы эта схема работала десятилетиями, чтобы силовики по щелчку пальцев выезжали громить общины, отказавшиеся платить дань, им нужна политическая крыша на самом верху. Обычный сектовед, даже со связями в патриархии, не может отдавать приказы генералам ФСБ и Следственного комитета. Должен быть центр управления. Точка сборки, где интересы этой секты сливаются с интересами государственной элиты.

Программист резко развернулся, подошел к своему рюкзаку и достал второй ноутбук, подключенный к сети через сложную систему анонимайзеров.

— Я начал копать связи Александра Коновалова, бывшего министра юстиции, который обеспечил Дворкину зеленый свет в нулевых, — пальцы Артема летали по клавиатуре. — И я наткнулся на структуру, которая не афиширует свою деятельность в пресс-релизах, но упоминается в закрытых аналитических справках. Ее называют «Дивеевское братство».

На экране появилась схема связей, которую Артем выстраивал последние несколько дней. В центре схемы находился Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь в Нижегородской области. От него расходились линии к самым влиятельным фигурам российской политики.

— Смотри на эти имена, — Артем указывал ручкой на фотографии. — Сергей Кириенко, первый заместитель руководителя Администрации президента. Михаил Мишустин, премьер-министр. Андрей Белоусов, министр обороны. Это не просто клуб по интересам. Это закрытый орден, теневое правительство, которое формирует параллельную властную систему в стране. И именно они обеспечивают полную неприкосновенность антикультовой сети Дворкина.

Никита внимательно изучал схему. Юридическая логика подсказывала ему, что такие союзы никогда не строятся на чистой вере. В их основе всегда лежит прагматичный расчет.

— Кириенко и остальные думают, что они используют Дворкина, — рассуждал вслух Никита. — Они считают его удобным инструментом. Цепным псом, которого можно спустить на политических конкурентов, на независимые общественные

организации, на любого, кто мешает их тотальному контролю. Они награждают его приспешников государственными орденами, как это было с Александром Новопашиным, правой рукой Дворкина. Они думают, что держат поводок в своих руках.

— Но они ошибаются, — жестко перебил Артем. Он вывел на экран карту Нижегородской области, увеличив масштаб вокруг Дивеевского монастыря. — Посмотри на географию, Никита. Это не просто монастырь. Всего в тринадцати километрах от него находится Саровская пустынь. Город Саров. Российский федеральный ядерный центр. Место, где разрабатывается и хранится ядерное оружие страны.

Никита почувствовал, как по спине пробежал ледяной озноб. Географическая близость этих двух объектов внезапно обрела пугающий, почти мистический смысл.

— В две тысячи седьмом году патриарх Алексей Второй официально назначил преподобного Серафима Саровского «небесным покровителем» ядерного щита России, — продолжил Артем, и его голос звучал неестественно ровно. — Ты понимаешь, что это значит? Высшая политическая элита страны, люди, чьи пальцы лежат на ядерной кнопке, регулярно собираются в этом монастыре. Они молятся, пьют кагор, обсуждают государственные дела в нескольких километрах от боеголовок, способных уничтожить половину планеты. И духовным окормлением этой элиты, формированием их картины мира занимаются люди, глубоко инфицированные идеологией Дворкина.

Никита медленно опустился на край кровати. Разрозненные фрагменты расследования, которые они собирали по крупицам, наконец-то сложились в единую, монолитную и ужасающую картину.

Личная патология маргинального эмигранта, его детские травмы, наркотический опыт и садистские наклонности не просто нашли отклик в репрессивном аппарате. Они стали институциональной основой государства. Дворкин не просто взаимодействовал с властью. Он искусно использовал слабости чиновников, их параноидальный страх потери контроля, их жажду абсолютного доминирования. Он внушил им чувство божественного избранничества, право преследовать и уничтожать кого угодно под предлогом защиты духовной безопасности.

Государственная машина, обладающая колоссальным репрессивным ресурсом и ядерным арсеналом, стала заложником частной тоталитарной секты. Элита, уверенная в своем всемогуществе, на самом деле была психологически перепрограммирована. Они

принимали законы, подписывали приказы об уничтожении фермерских хозяйств, отправляли людей в тюрьмы и на фронт, искренне веря, что защищают родину. Но в реальности они лишь обслуживали комплексы и финансовые аппетиты международной мафиозной структуры, выстроенной человеком с профилем серийного убийцы.

Никита смотрел на карту на экране монитора. Красная точка Дивеевского монастыря и черный значок ядерного центра в Сарове сливались в его сознании в единый пульсирующий символ абсолютного безумия. Символ системы, в которой молитва о спасении души неразрывно связана с готовностью испепелить мир, а закон превратился в прайс-лист на услуги по уничтожению человеческих судеб. И в центре этой системы, дергая за невидимые нити, стоял человек, чья власть теперь казалась безграничной.

Глава 20. Молитва о войне

Тяжелые дубовые двери старинного храма на окраине райцентра поддались с глухим скрипом, впуская внутрь клубы морозного пара. Никита шагнул в полумрак притвора, стягивая с головы шапку. Воздух здесь был густым, пропитанным сладковатым запахом ладана, плавящегося воска и сырости от сотен принесенных на обуви снежных комьев. Студент-юрист пришел сюда не ради цифрового расследования. Ему нужно было физически, своими глазами увидеть и услышать то, о чем они с Артемом читали в аналитических сводках. Ему нужно было почувствовать, как слова, написанные в высоких кабинетах, резонируют под сводами церкви.

Шла воскресная литургия. Прихожане — в основном пожилые женщины в темных платках, несколько мужчин с суровыми, обветренными лицами и редкие семьи с детьми — стояли плотной толпой. Священник в золотом облачении вышел на амвон. Его голос, усиленный акустикой купола, разнесся над склоненными головами.

Никита замер у колонны, вслушиваясь в текст. Это была она. «Молитва о Святой Руси», введенная патриархом Кириллом 25 сентября 2022 года для обязательного ежедневного чтения во всех храмах страны.

Священник нараспев, с профессиональной пафосной интонацией произносил слова, стилизованные под древний церковнославянский язык: — «...се бо брани хотяция ополчишася на Святую Русь, чающе разделить и погубити единый народ ея».

Никита смотрел на лица молящихся. Некоторые истово крестились, другие просто смотрели в пол пугливым, покорным взглядом. В этой фразе, звучащей под ликами святых, была заложена концентрированная квинтэссенция государственной пропаганды. Четко определенный военный конфликт искажался, превращаясь в мифическое нападение внешних сил на некую «Святую Русь». Наднациональное Царство Небесное, о котором говорил Христос, здесь прямо подменялось конкретным геополитическим проектом.

Голос священника набирал силу, переходя к кульминации прошения: — «Возстани, Боже, в помощь людям Твоим и подаждь нам силою Твоею победу».

Студент-юрист почувствовал, как по спине пробежал холод, не имеющий отношения к сквознякам. Слово «победа» ударило по барабанным перепонкам. На протяжении веков в моменты конфликтов церковь молилась о мире, о смягчении злых сердец, о покаянии. Теперь же христианский идеал мира был официально, на уровне патриаршего указа, заменен милитаристским требованием военного триумфа. Духовный фокус миллионов людей был принудительно смещен с примирения на эскалацию.

Никита тихо вышел из храма, не дожидаясь окончания службы. Морозный воздух ударил в лицо, возвращая ясность мыслям. Он шел по заснеженной улице к многоэтажке, где находилась квартира старшего брата. Валерий пустил их к себе несколько дней назад, когда страх Артема достиг пика, и оставаться в райцентре стало небезопасно.

Артем сидел на кухне, окружив себя тремя ноутбуками. На экранах мелькали графики, таблицы и расшифровки видеозаписей. Из гостиной доносилось приглушенное бормотание телевизора — Валерий лежал на диване, уставившись в потолок и машинально потирая культию правой руки.

— Ты был там? — спросил Артем, не отрывая взгляда от монитора, когда Никита вошел на кухню и тяжело опустился на табурет.

— Был. Они читают ее. Все стоят, крестятся и просят у Бога санкцию на успешное убийство, — Никита потер замерзшие ладони. — Это звучит как языческое заклинание. Божество племени должно помочь уничтожить другое племя. Заповедь «Не убий» просто отменена внутренним приказом.

Артем развернул один из ноутбуков к брату. На экране светился график с падающей кривой.

— Я проанализировал закрытые социологические опросы и статистику посещаемости храмов за последние три года, — программист указал ручкой на резкий обвал линии. — Рейтинг доверия к патриарху Кириллу рухнул. И это началось еще до войны. Это прямое следствие того, что церковь интегрировала в себя тоталитарную структуру Дворкина. Когда РАЦИРС начал использовать церковные ресурсы для травли неугодных, когда священники стали писать доносы на мирян, а епископы превратились в чиновников, люди начали уходить. Интеллектуальная, думающая паства покинула храмы. Остались только те, кто готов подчиняться приказам. Церковь превратилась в закрытую корпорацию, где лояльность начальству важнее евангельской истины.

Никита придвинул к себе распечатки, лежащие на столе.

— Это логичный финал, Тёма. Когда институт сливается с авторитарным государством, его учение неизбежно искажается, чтобы оправдать этот союз. Но то, что они делают сейчас, выходит за рамки простого политического конформизма. Они создают теологию ненависти.

Артем кликнул мышкой, открывая видеофайл.

— Ты хочешь увидеть теологию ненависти в ее чистом, дистиллированном виде? — голос программиста стал жестким. — Я вытащил из архивов запись эфира на телеканале «Спас». Это главный православный канал страны, принадлежащий Московскому патриархату. Передача «Вечер на Спасе». В студии сидит Евгений Никифоров, директор радиостанции «Радонеж». Тот самый человек, который долгое время предоставлял эфир Дворкину и его заместителю Новопащину для дискредитации священнослужителей и создания мифов о сектах. Послушай, что этот деятель говорит на многомиллионную аудиторию.

Артем нажал на воспроизведение. На экране появился благообразный мужчина в строгом костюме. Его голос звучал уверенно, с интонациями непрекращаемого авторитета. Никита вслушался в слова, и с каждой секундой его глаза расширялись от ужаса.

«Болезнь в Украине зашла так далеко, что никакие убеждения, переговоры или что-либо еще не могут ее вылечить; там возможна только хирургическая операция. Поэтому единственным ответом на эти нацистские демонстрации является “Солнцепек”, это нужно полностью сжечь... Кто-то может сказать: “О, это не по-христиански”, — но это

вполне по-христиански! Просто этика этих людей, которые позиционируют себя как язычники, простите, — и с ними будут обращаться как с язычниками. Так что для вас это не новозаветная этика, а ветхозаветная — этика пророка Илии, который лично перерезал глотки 300 слугам Ваала. И с ними должно быть то же самое — уничтожать без всяких сомнений. Только ветхозаветную этику, или, вернее, только этот язык, они понимают».

Видео закончилось. В кухне повисла звенящая тишина.

— «Солнцепек», — медленно произнес Никита, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Тяжелая огнеметная система. Оружие, которое выжигает кислород и превращает людей в пепел на огромных площадях. И директор православного радио публично, с улыбкой, призывает применять это оружие по населенным пунктам, оправдывая это Ветхим Заветом. Он прямо говорит: забудьте Новый Завет. Забудьте Нагорную проповедь. Забудьте Христа, который молился за распинающих Его. Нам нужна этика перерезанных глоток.

— И он не один, — Артем открыл следующий файл. — Вот протоиерей Андрей Ткачев. Один из самых популярных медийных священников.

На экране появился бородатый священнослужитель, активно жестикулирующий перед камерой. Его речь была наполнена агрессивной, почти площадной экспрессией:

«Не заряжай ракету “Град” без молитвы. На каждую из них, когда заряжаешь, говори: “Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!” и так далее, и так далее, и так далее... А потом вжиииих... бах...»

Никита закрыл лицо руками. Юридические термины, статьи уголовного кодекса, схемы финансирования — все это отступило на второй план перед лицом абсолютного, хтонического мрака, который транслировался под видом религии.

— Знаешь, о чем я сейчас думаю? — тихо сказал студент-юрист, глядя на темный экран ноутбука. — О христианской эсхатологии. О конце времен. В семинариях учат, что антихрист не придет в виде рогатого чудовища, изрыгающего пламя. Он придет как великий гуманист и правитель. Он будет использовать христианскую символику, он будет говорить о духовности, о защите традиций. Но он подменит суть. Он заменит любовь — контролем, милосердие — справедливостью палача, а свободу воли — слепым подчинением. То, что мы видим сейчас — это не просто политическая пропаганда. Это признаки антихриста в действиях самого церковного руководства. Они

взяли религию, призванную спасать человеческие души, и превратили ее в инструмент, обслуживающий машину смерти.

Артем кивнул, открывая текстовый документ.

— И эта машина смерти говорит на языке Дворкина. Посмотри на это заявление. Это не поп и не журналист. Это Алексей Павлов, помощник секретаря Совета безопасности Российской Федерации. Высший эшелон власти.

Программист выделил на экране цитату чиновника:

«Полагаю, что с продолжением специальной военной операции становится все более насущным проведение десатанизации Украины, или, как метко выразился глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, ее “полной дешайтанизации”».

И чуть ниже, в том же документе:

«используя сетевые манипуляции и психотехнологии, новый режим превратил Украину из государства в тоталитарную гиперсекту».

— «Тоталитарная гиперсекта», — повторил Никита, чеканя слоги. — Терминология маргинального сектоведа, выросшая из его детских комплексов и наркотических трипов, теперь официально звучит на заседаниях Совета безопасности. Они объявили целую страну сектой. А с сектантами, как годами внушал РАЦИРС, переговоры не ведут. Их лишают прав. Их уничтожают. Идеология расчеловечивания, обкатанная на кришнаитах, пятидесятниках и фермерах, масштабирована до уровня государственной военной доктрины.

Внезапно половица в коридоре скрипнула.

Братья резко обернулись. В дверном проеме кухни стоял Валерий. На нем была мятая серая футболка, пустой правый рукав был небрежно заправлен за пояс спортивных штанов. Лицо старшего брата, обычно багровое от гнева или алкоголя, сейчас было пепельно-серым.

Он стоял там неизвестно сколько. Он слышал голос священника, призывающего заряжать «Грады» с молитвой. Он слышал рассуждения о «Солнцепаках» и перерезанных глотках.

Никита напрягся, ожидая привычной вспышки ярости. Он ждал, что Валерий снова назовет их предателями, начнет кричать о святом долге, о нацистах и о том, что они

ничего не понимают в настоящей жизни. Студент-юрист уже приготовился защищать собранные доказательства. Но Валерий молчал.

Он медленно перевел взгляд с экрана ноутбука, где застыло лицо медийного протоиерея, на свою пустую глазницу рукава. В его глазах, глубоко запавших от бессонницы и фантомных болей, происходила тяжелая, мучительная работа.

Валерий знал, что такое «Солнцепек». Он видел, что остается от позиций после работы тяжелых огнеметных систем. Он помнил запах горелого мяса, смешанный с запахом солянки и мерзлой земли. Он помнил крики своих товарищей, которым оторвало конечности, и в этих криках не было ничего от благодной телевизионной картинке. Там, в окопах, под разрывами снарядов, не было никакой «Святой Руси». Там была только грязь, кровь и животный, парализующий страх.

И сейчас, стоя в теплой кухне, он слушал, как сытые, холеные люди в рясах и дорогих костюмах, сидя в безопасных московских студиях, благословляют этот ад. Как они называют сжигание людей заживо «вполне христианским делом».

Губы Валерия дрогнули. Он попытался что-то сказать, попытался найти в своем арсенале ура-патриотических штампов хоть одну фразу, способную оправдать услышанное. Он открыл рот, но слова не шли. Впервые за все время их споров, впервые с того момента, как он вернулся с фронта инвалидом, у старшего брата не нашлось аргументов для защиты официальной церкви и государства.

Идеологический панцирь, который он так тщательно выстраивал вокруг своей травмы, чтобы не сойти с ума от бессмысленности потери, дал глубокую, непоправимую трещину.

Валерий тяжело сглотнул, развернулся и, шаркая босыми ногами по линолеуму, молча ушел обратно в темную гостиную. Дверь за ним тихо закрылась.

Никита посмотрел на Артема. В глазах программиста отражалось то же понимание. Они не победили в споре. В таких спорах не бывает победителей. Они просто стали свидетелями того, как рушится картина мира человека, осознавшего, что его кровь и его вера были использованы как дешевое топливо для чужих амбиций.

Студент-юрист перевел взгляд на распечатки текстов молитв и стенограммы телеэфиров, разложенные на столе. Вывод был сформулирован. Институт, который веками призывал людей к покаянию и спасению души, окончательно переродился. Под

влиянием теневых структур и идеологии ненависти он превратился в гигантский, хорошо отлаженный инструмент пропаганды, выдающий божественные индульгенции на массовые убийства.

Глава 21. Пробуждение Валерия

Тяжелые шаги в коридоре заставили Артема оторваться от монитора. Дверь в комнату, превращенную в импровизированный серверный центр и штаб расследования, медленно приоткрылась. На пороге стоял Валерий. Бывший офицер, еще недавно бравировавший своей непрекесаемой правотой и армейской выправкой, сейчас выглядел как человек, переживший контузию. Его лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени, а пустой правый рукав серой футболки безвольно свисал вдоль туловища.

Он не стал кричать, не стал обвинять братьев в предательстве или сектантстве, как делал это на протяжении последних месяцев. Валерий молча прошел вглубь комнаты, остановился напротив стены, сплошь заклеенной распечатками, схемами и фотографиями, и долго смотрел на переплетение красных нитей.

— Давай сюда, — его голос прозвучал хрипло, словно он не разговаривал несколько дней.

Никита, сидевший на диване с блокнотом, непонимающе поднял голову.

— Что именно?

— Всё, — Валерий повернулся к младшему брату. В его единственном уцелевшем глазу, не скрытом тенью от падающего света лампы, читалась отчаянная, болезненная решимость. — Покажи мне всё, что вы накопили. Документы, схемы, эту вашу черную книгу. Я хочу знать, ради чего я оставил там свою руку. Я хочу знать, кто на самом деле отдавал приказы.

Артем молча кивнул Никите. Студент-юрист поднялся, подошел к столу и взял распечатанную книгу «Маньяк против Бога». Он протянул книгу старшему брату. Валерий принял ее левой рукой и тяжело опустился в кресло перед мониторами.

Валерий открыл первую страницу. Он читал медленно, вдумчиво, как привык изучать боевые сводки и разведданные. Его военный ум, натренированный на поиск тактических закономерностей, мгновенно уловил профессиональный тон автора рукописи. Это был не религиозный трактат и не либеральная публицистика, которую Валерий органически не переносил. Это был анализ, составленный американским агентом, специалистом по поведенческому профилированию.

Валерий перелистывал страницы, и перед его глазами разворачивалась картина, разрушающая фундамент его картины мира. Он читал о том, как отставной профайлер, сидя в своем доме в Вирджинии, собирал по крупицам информацию из открытых источников, используя методы OSINT, переводя архивы и анализируя видеозаписи. Бывший офицер физически ощущал тот же азарт охотника, который описывал автор книги, когда доставал свою старую пробковую доску и крепил в центр пустую карточку с надписью «UNSUB» — неизвестный субъект.

Но субъект больше не был неизвестным. У него было имя, должность и колоссальная власть над умами миллионов россиян.

Пальцы Валерия сжались на краях книги, когда он дошел до главы, описывающей события 1993 года в США. Профайлер анализировал трагедию на ранчо Маунт-Кармел в Уэйко, где в результате штурма погибли десятки людей. Автор рукописи с горечью признавал профессиональный провал федеральных ведомств, которые позволили маргинальным антикультистам — коллегам и учителям Дворкина — манипулировать собой. Психопаты, одержимые жадой разрушения, использовали государственную силовую машину как собственное оружие, искусственно нагнетая истерию и провоцируя агентов на смертоносный штурм.

— Они обкатали эту технологию там, — глухо произнес Валерий, не отрывая взгляда от текста. — Они поняли, что государству не нужны доказательства, если ему дать правильного врага. Если назвать группу людей «опасным культом», силовики отключают критическое мышление и просто выполняют приказ на уничтожение.

Он поднял глаза на братьев. Лицо Валерия исказила гримаса боли, не имеющей отношения к физическим травмам. Это была агония человека, осознавшего масштаб собственного обмана.

— Вы понимаете, что здесь написано? — голос старшего брата сорвался. Он ударил ладонью по открытой странице. — Этот американец пишет, что у серийных убийц нет

кнопки «стоп». У них есть только финал. Они совершенствуют свою технологию. И этот ублюдок привез эту технологию сюда. Он масштабировал ее на всю страну.

Валерий откинулся в кресле, тяжело дыша. Психологический барьер, который он так тщательно выстраивал, защищая свою офицерскую честь и оправдывая пролитую кровь патриотическими лозунгами, рухнул, оставив после себя лишь зияющую пустоту. Он снова склонился над книгой, вчитываясь в выводы профайлера. Губы Валерия беззвучно шевелились, пока он не дошел до абзаца, который заставил его замереть. Он набрал в грудь воздуха и зачитал вслух:

«Ни один здравомыслящий человек никогда бы не поддержал такую организацию и не стал бы творить подобное зло по отношению к невинным, если бы не был ослеплен их ложью. Их сила держится исключительно на обмане: они обвиняют других в тех чудовищных вещах, которые методично совершают сами».

Валерий закрыл лицо единственной рукой. Его плечи мелко затряслись. Артем и Никита молчали, понимая, что сейчас происходит нечто гораздо более важное, чем простое признание неправоты.

Спустя несколько минут Валерий отнял руку от лица.

— Я был этим здравомыслящим человеком, ослепленным ложью, — тихо, но твердо сказал он. — Я смеялся над вами. Я называл вас предателями. Я думал, что защищаю родину от какой-то глобальной угрозы, от сатанистов и нацистов, о которых нам кричали из каждого утюга. А оказалось, что я просто обслуживал интересы маньяка.

Валерий посмотрел на свою культю, затем перевел взгляд на Никиту.

— Ты спрашивал меня тогда, как можно зарабатывать, забирая жизни других людей. Ты спрашивал, какое право имеет патриот одной страны убивать патриота другой. Я злился, потому что у меня не было ответа. У системы вообще нет ответов на такие вопросы. У нее есть только инструкции по расчеловечиванию.

Бывший офицер подался вперед, опираясь локтем о стол.

— Я расскажу вам, как это работает изнутри. Как именно они заставляют нормальных мужиков, у которых дома жены и дети, стирать с лица земли целые кварталы. Это не происходит по щелчку пальцев. Это методичная, бюрократическая процедура.

Валерий прикрыл глаза, погружаясь в воспоминания, которые он безуспешно пытался утопить в алкоголе последние месяцы.

— Май две тысячи двадцать третьего года. Наш батальон стоял под Бахмутом. Позиционные бои, грязь по колено, потери каждый день. Моральный дух на нуле. Мужики начинают задавать вопросы: зачем мы здесь? Ради чего мы стираем в пыль эти деревни, где живут такие же люди, как мы? И тогда к нам приезжает замполит бригады, подполковник Игнатов.

Валерий усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья.

— Игнатов собирает офицерский состав в подвале разбитой школы. Он не говорит о геополитике или расширении НАТО. Это уже не работало. Он достает из планшета свежую директиву, спущенную из Главного военно-политического управления. И начинает зачитывать нам текст. Я до сих пор помню эти формулировки. Он говорил, что мы противостоям не регулярной армии, а «тоталитарной деструктивной секте», захватившей целое государство. Что противник использует психотехнологии для зомбирования населения. Что они утратили человеческий облик и превратились в биомассу, зараженную духовным вирусом.

Никита быстро открыл свой блокнот, сверяя услышанное с их предыдущими находками. Терминология совпадала. Это был антикультовый язык, интегрированный в боевые приказы.

— Игнатов раздал нам брошюры, — продолжал Валерий, и его голос становился все более ледяным. — Маленькие такие, в серой обложке. Там были цитаты каких-то московских экспертов-религиоведов. Они писали, что жалость к врагу в данной ситуации — это пособничество злу. Что мы проводим хирургическую операцию по удалению раковой опухоли. Понимаете механизм? Они снимают с солдата личную моральную ответственность. Тебе говорят: перед тобой не человек. Перед тобой инфицированный сектант, зомби. А убить зомби — это не грех, это санитарная норма.

Валерий посмотрел на Артема, который безостановочно фиксировал показания брата на защищенном ноутбуке.

— На следующий день нам поступил приказ накрыть квадраты жилой застройки из реактивных систем залпового огня. Мы знали, что там могут быть гражданские. Раньше офицеры пытались бы саботировать такой приказ, запрашивали бы доразведку, тянули время. Но после той накачки... Я сам видел, как командир батареи, нормальный

мужик, отец троих детей, отдавал команду на залп, повторяя про себя эту чушь про очищение земли от сатанистов. Идеология ненависти сработала как смазка для спускового механизма. Они превратили нас в палачей, убедив, что мы экзорцисты.

В комнате стало невыносимо душно. Никита отложил блокнот. Юридические конструкции, которые он выстраивал в голове, теперь обрели плоть и кровь. Одно дело — читать о фабрикации дел против кришнаитов или фермеров. И совсем другое — слышать свидетельство из первых уст о том, как та же самая методология применяется для легализации массовых убийств на государственном уровне.

— И самое страшное, — Валерий сжал левую руку в кулак, — что когда я вернулся инвалидом, когда я прошел через все эти унижительные комиссии, доказывая, что не сам себе руку оторвал ради выплат... Я понял, что для них я тоже биомасса. Отработанный материал. Система, построенная на расчеловечивании врага, неизбежно начинает расчеловечивать своих собственных защитников. У маньяка нет своих. У него есть только инструменты и жертвы. И когда инструмент ломается, его просто выбрасывают.

Бывший офицер замолчал. Он смотрел на стену с красными нитями, и теперь эти нити казались ему не просто схемой расследования, а кровеносной системой огромного паразита, опутавшего страну.

Артем отодвинул клавиатуру и повернулся к старшему брату.

— Мы нашли финансовые проводки, Валера. Мы нашли их методички по фабрикации компромата. Мы знаем, как они работают с силовиками и как используют церковь для прикрытия. Но нам не хватало понимания того, как эта система ломает людей изнутри. Как она заставляет их нажимать на курок. Теперь мы это знаем.

— Профайлер пишет еще одну вещь, — студент-юрист посмотрел в глаза Валерию. — Он пишет, что если ты один раз увидел тьму, ты больше не имеешь права делать вид, что ее нет. Твой долг — шагнуть в нее. Он предупреждает, что если мы промолчим, следующий приговор этот человек вынесет уже не камнем, а ядерной кнопкой. Учитывая их связи с Дивеевским братством и влияние на высшее руководство, это уже не метафора.

Валерий медленно поднялся с кресла. Он выпрямился, расправил плечи, и на мгновение в нем снова проступила та жесткая, командирская стать, которую братья помнили до его ухода на фронт. Но теперь эта сила была направлена не на защиту иллюзий, а на их разрушение.

— Я больше не буду молчать, — твердо сказал Валерий. — Я отдал им свою руку, свое здоровье и свою совесть. Но я не отдам им свой разум.

Он подошел к стене расследования, взял красный маркер, лежащий на подоконнике, и провел жирную, уверенную линию от фотографии Александра Дворкина к распечатке приказа Главного военно-политического управления.

— Вы айтишники и юристы, — Валерий повернулся к братьям. — Вы умеете искать информацию и строить логические цепочки. Но вы не знаете, как работает государственная машина противодействия. Вы не знаете протоколов наружного наблюдения, методов радиоэлектронной борьбы и правил конспирации при физическом контакте. Если вы попытаетесь вывалить этот архив в сеть в лоб, вас накроют через двадцать минут. Центр «Э» и ФСБ работают по жестким алгоритмам.

Валерий бросил маркер на стол. В его голосе зазвучали металлические, командные нотки.

— С этого момента мы работаем по правилам военного времени. Никаких личных телефонов. Никаких выходов в сеть без тройного шифрования. Мы должны подготовить этот удар так, чтобы они не смогли его отбить. Мы должны ударить в самое уязвимое место их системы — в их анонимность.

Три брата стояли посреди комнаты, освещенной холодным светом мониторов. Программист, привыкший к цифровому прагматизму. Студент-юрист, ищущий нравственный закон. И искалеченный офицер, познавший истинную цену государственных приказов. Впервые за всю их жизнь, полную взаимных упреков, идеологических споров и отчуждения, они стали единым целым. Разрозненные элементы семьи, разрушенной пропагандой и войной, перековались в монолитный механизм сопротивления.

Валерий посмотрел на экраны серверов, затем перевел взгляд на темное окно, за которым завывала сибирская метель. В его глазах больше не было страха перед будущим. Там горел холодный, расчетливый огонь человека, который наконец-то увидел истинное лицо своего врага и точно знал, куда нужно бить.

Глава 22. Разговор с отцом

Дорога до родного села заняла чуть больше двух часов, но в салоне автомобиля Артема за все это время не прозвучало ни единого слова. Зимний сибирский пейзаж за окном, обычно умиротворяющий своей бескрайней белизной, сейчас казался вымершим, застывшим в ожидании неизбежной катастрофы. Никита сидел на заднем сиденье, прижимая к груди плотный рюкзак с документами и черным матовым томом. На переднем пассажирском кресле неподвижно замер Валерий. Его пустой правый рукав был аккуратно заправлен в карман куртки.

Когда машина свернула на знакомую грунтовку и остановилась у ворот родительского дома, братья не спешили выходить. Двор, который на протяжении десятилетий был центром кипучей, непрерывной жизни, теперь представлял собой жуткое зрелище. Огромный сарай, где Нина Николаевна долгими зимними утрами доила коров, стоял с распахнутыми настежь, перекошенными дверями. Оттуда больше не доносилось ни мычания, ни теплого запаха парного молока и сена. Лишь ледяной ветер гулял по пустым стойлам, выдувая остатки бывшего благополучия. Недалеко от двора чернела промерзшая траншея — место, где государственная машина, прикрываясь фиктивными ветеринарными предписаниями, сожгла плоды многолетнего тяжелого труда их матери.

Никита вышел из машины первым. Морозный воздух обжег легкие, но студент-юрист почти не почувствовал холода. Он смотрел на эту выжженную пустошь и ясно понимал: то, что произошло здесь, не было случайностью или ошибкой местного чиновника. Это была физическая проекция той самой идеологии, которую они с братьями изучали последние недели. Идеологии, позволяющей объявить любую мишень «инфекцией» и уничтожить ее без суда и следствия.

Братья, не раздеваясь, прошли в спальню матери. Нина Николаевна лежала на высокой кровати, укрытая старым пуховым одеялом. Женщина, на чьих плечах держалось все хозяйство, чьи руки не знали покоя ни днем, ни ночью, теперь казалась пугающе маленькой, почти прозрачной. После перенесенного нервного срыва она почти не разговаривала. Ее глаза, устремленные в потолок, выражали абсолютную, глухую покорность судьбе — ту самую покорность, которую система веками воспитывала в людях, отбирая у них самое дорогое.

Валерий подошел к кровати, опустился на одно колено и осторожно, своей единственной левой рукой, коснулся сухой, испещренной морщинами ладони матери. Нина Николаевна медленно перевела на него взгляд. В ее глазах мелькнула слабая искра узнавания, но губы остались плотно сжатыми. Бывший офицер ничего не сказал. Он просто погладил ее руку, поднялся и, тяжело ступая, направился в кухню. Артем и Никита последовали за ним.

Владимир Яковлевич сидел за кухонным столом. Перед ним стояла остывшая кружка чая, а в углу надрывался телевизор. На экране знакомый ведущий в черном френче с металлической интонацией вещал о внутренних врагах, пятой колонне и необходимости сплочения нации перед лицом глобальной угрозы. Отец выглядел постаревшим на десяток лет. Вернувшись из плена больным, с тростью и кашлем, он пытался компенсировать физическую немощь гипертрофированным, агрессивным патриотизмом. Но сейчас, на фоне разрушенного двора и слегшей жены, его поза выражала скорее упрямую оборону, чем уверенность в своей правоте.

Артем подошел к телевизору и выдернул шнур из розетки. Экран погас, оборвав истеричный монолог на полуслове. В кухне повисла тяжелая, звенящая тишина, нарушаемая лишь тиканьем старых настенных часов.

— Ты что делаешь? — хрипло возмутился Владимир Яковлевич, опираясь обеими руками на набалдашник своей трости. — Я новости слушал.

— Новости закончились, отец, — спокойно ответил Артем, отодвигая стул и садясь напротив. — Теперь мы будем говорить о фактах.

Никита расстегнул рюкзак и выложил на клеенку кухонного стола стопку распечатанных документов, схемы финансовых проводок и книгу. Он положил ладонь на матовую обложку, чувствуя, как под пальцами пульсирует сконцентрированная в тексте история болезни целого государства.

— Мы приехали не для того, чтобы спорить с телевизором, — начал Никита, глядя прямо в глаза отцу. — Мы приехали показать тебе, кто именно отдал приказ сжечь твой двор. Кто именно отправил Валеру на бойню. И кто на самом деле управляет теми людьми, которым ты так истово веришь.

Владимир Яковлевич пренебрежительно скривил губы, пытаясь нацепить на себя привычную маску снисходительного всезнания.

— Опять свои сектантские сказки привезли? — он нервно дернул плечом. — Я жизнь прожил, я кровь проливал! А вы мне бумажки суете. Государство ошибку допустило с коровами, да. Перегибы на местах. Чиновники проворовались. Но курс правильный! Мы родину защищаем от скверны!

— От какой скверны? — голос Никиты оставался ровным, но в нем зазвучала сталь. — От той, которую придумал человек с профилем серийного маньяка? Ты думаешь, что защищаешь традиционные ценности, отец. А на самом деле ты обслуживаешь систему, выстроенную Александром Дворкиным и его сетью. Систему, которая использует религию и патриотизм как маскировку для рэкеты и садизма.

Студент-юрист открыл черную книгу на заранее заложенной странице.

— Ты любишь рассуждать о святости, о героизме, о том, как правильно умирать за идею. Послушай, как рассуждает о смерти архитектор этой системы. Человек, чьи идеи находили дорогу к столам генералов, чиновников и епископов. Он описывает смерть своего наставника, пытаясь придать ей возвышенный, сакральный смысл.

Никита пододвинул книгу ближе к свету и зачитал вслух:

«Отец Александр подчёркивал, что смерть — это важнейший момент, окончательный итог жизни, к которому мы готовимся на протяжении всех прожитых лет и который очень важно встречать в полном сознании, отдавая себе отчёт в происходящем. И сам он хотел умереть в полном сознании, не в больнице, а дома, среди своих близких, которые сознавали бы всю важность того, что с ним происходит, и помогали бы ему молитвой, любовью и сопереживанием. Смерть — это таинство, подчёркивал отец Александр, в котором призваны участвовать все близкие уходящего человека».

Никита закрыл книгу и посмотрел на отца.

— Красиво звучит, правда? Смерть как таинство. В полном сознании, среди близких, с любовью и сопереживанием. А теперь посмотри в окно, отец. Посмотри на эту черную яму возле двора. Посмотри на маму, которая лежит в соседней комнате и смотрит в стену. Посмотри на пустой рукав своего старшего сына. Где здесь таинство? Где здесь сопереживание?

Никита подался вперед, опираясь локтями о стол.

— Этот человек требует красивой, осознанной смерти для своих учителей, чтобы потом использовать их авторитет. Но для миллионов таких, как мы с вами, он и его структура уготовили совершенно иную смерть. Механическую. Бессмысленную. Они пишут экспертизы, по которым людей сажают в тюрьмы за чтение молитв. Они создают терминологию, по которой целые народы объявляются «тоталитарными сектами», подлежащими зачистке. Они лишают нас права на сознание, превращая в слепых исполнителей. И ты, отец, добровольно отдал им свое сознание.

Лицо Владимира Яковлевича пошло красными пятнами. Его пальцы до побеления сжали трость. Привычная картина мира, в которой он был героем-ветераном, пострадавшим за правое дело, начала трещать по швам под тяжестью этих спокойных, безжалостных аргументов. Защитный механизм психики сработал мгновенно, выбросив в кровь порцию адреналина и ярости.

— Замолчи! — рявкнул отец, ударив тростью по полу. Слюна брызнула с его губ. — Предатели! Выкормыши либеральные! Вы ничего не понимаете! Там, на фронте, настоящие мужики гибнут, пока вы тут в своих интернетах ковыряетесь! Президент знает, что делает! Церковь благословляет! А вы... вы просто трусы! Лиза твоя, Артем, сектантка проклятая, мозги вам промыла! Вы против государства пошли! Против матери-родины!

Он тяжело дышал, его грудная клетка ходила ходуном. Владимир Яковлевич пытался задавить сыновей криком, пытался спрятаться за монолитными, непробиваемыми штампами из телевизионных ток-шоу. Он ждал, что Артем начнет огрызаться, что Никита пустится в философские рассуждения, и тогда он сможет раздавить их своим авторитетом старшего.

Но ответил ему не Артем и не Никита.

Валерий, все это время молча стоявший у дверного косяка, медленно отделился от стены. Он подошел к столу. Его лицо было абсолютно спокойным, но в этом спокойствии таилась угроза, страшнее любого крика. Это было спокойствие человека, который смотрел в глаза смерти и вернулся оттуда с ясным пониманием природы зла.

— Сядь, отец, — тихо, но с такой властной интонацией произнес Валерий, что Владимир Яковлевич осекся на полуслове.

Отец попытался выдержать взгляд старшего сына, своего любимца, своей гордости, но не смог. В единственном глазу Валерия не было ни сыновней

почтительности, ни уважения к возрасту. Там был только холодный пепел сгоревших иллюзий.

— Ты говоришь о фронте? — Валерий оперся левой рукой о стол, нависая над отцом. — Ты говоришь о настоящих мужиках? Я был там. Я видел этих мужиков. Я видел, как их разрывает на куски снарядами, пока в московских студиях сытые попы рассказывают о святой войне.

Валерий резко дернул плечом, и пустой правый рукав выскользнул из кармана, безвольно повиснув над столом, прямо над распечатками финансовых схем РАЦИРС.

— Посмотри на это, — жестко приказал бывший офицер. — Внимательно посмотри. Ты думаешь, я отдал руку за родину? За березки и за наше село? Нет, отец. Я отдал ее за то, чтобы эти упыри могли и дальше собирать дань с религиозных общин. За то, чтобы они могли строить свои особняки и делить власть в кабинетах.

Владимир Яковлевич попытался отвести взгляд, но Валерий не позволил.

— Ты кричишь о государстве, которое знает, что делает. А я читал приказы, которые нам спускали сверху. Знаешь, какими словами они были написаны? Теми самыми словами, которые этот твой Дворкин придумывал в девяностые, сидя на грантах. Нам приказывали уничтожать «деструктивную секту». Нам внушали, что по ту сторону прицела — не люди, а биомасса. Нас превратили в палачей, отец. Нас заставили поверить, что убивать — это духовный подвиг.

Голос Валерия заполнил всю кухню, резонируя от стен, не оставляя отцу ни единого шанса на спасение в иллюзиях.

— А когда я вернулся инвалидом, знаешь, что сделало твое любимое государство? Оно заставило меня бегать по комиссиям и доказывать, что я не сам себе руку отпилил. Оно вышвырнуло меня на помойку, потому что сломанный инструмент им больше не нужен. И с тобой они сделали то же самое!

Валерий указал левой рукой в сторону окна.

— Они приехали ночью, в масках, без объяснений. Они сожгли твой скот, они уничтожили дело жизни нашей матери. И они сделали это абсолютно законно, потому что закон в этой стране давно переписан под нужды маньяков. Они объявили твоих коров «инфекцией», точно так же как они объявляют людей «сектантами». Это один и тот же

механизм! Одна и та же методичка! А ты сидишь здесь, в разрушенном доме, с больной женой, и продолжаешь повторять их лозунги. Ты защищаешь тех, кто вытер о тебя ноги!

Владимир Яковлевич открыл рот, чтобы возразить, чтобы выкрикнуть очередное обвинение, но слова застряли в горле. Он посмотрел на пустой рукав сына. Затем перевел взгляд на бумаги, лежащие на столе. В его сознании, годами цементировавшемся телевизионной пропагандой, произошел тектонический сдвиг.

Логика Никиты могла быть отвергнута как юношеский максимализм. Факты Артема могли быть названы подделкой. Но физическая, осязаемая боль старшего сына, его искалеченное тело и его абсолютная, безжалостная честность пробили броню.

Владимир Яковлевич вдруг осознал весь ужас своего положения. Он понял, что его добровольческий порыв, его готовность умереть за правое дело были лишь жалкой ролью в чужом, садистском спектакле. Он не был героем. Он был просто ресурсом. Расходным материалом для системы, которая питалась человеческим горем и прикрывалась разговорами о духовности.

Трость с глухим стуком выскользнула из его ослабевших пальцев и упала на линолеум. Владимир Яковлевич не попытался ее поднять. Он как-то разом осел, ссутулился, словно из него выпустили весь воздух. Красные пятна на щеках сменились мертвенной бледностью. Он не произнес ни слова покаяния, не признал свою неправоту вслух — его гордыня, пусть и сломленная, не позволяла ему этого сделать. Но его глаза, устремленные на пустую кружку с чаем, были глазами человека, заглянувшего в бездну собственного заблуждения.

Внутренний стержень слепой веры, на котором держалась вся его жизнь последние годы, с хрустом переломился.

Валерий тяжело выдохнул, отступил от стола и поднял с пола трость. Он положил ее на край стола, рядом с рукой отца. Битва за разум этого человека была окончена. Иллюзии были уничтожены, оставив после себя лишь горькую, отравляющую правду.

Никита молча собрал документы обратно в рюкзак. Братья один за другим вышли из кухни, оставив отца сидеть в оглушающей тишине дома, наедине с погасшим экраном телевизора и осознанием того, что жизнь, которую он так яростно защищал, была лишь мастерски сконструированной ложью.

Глава 23. Природа страха

Автомобиль Артема с глухим рычанием пробивал колею сквозь снежные переметы, увозя братьев все дальше от разрушенного родительского двора. Никто не произносил ни слова. Пейзаж за окном, скованный сибирским морозом, казался вымершим, словно сама природа застыла в оцепенении перед надвигающейся катастрофой. Артем крутил руль, направляя машину в сторону заброшенной советской метеостанции, затерянной в лесах на границе района. Валерий, как бывший офицер понимал: возвращаться в городские квартиры сейчас равносильно самоубийству. Им требовалась абсолютная изоляция, слепая зона, где не работают камеры наружного наблюдения и где можно осмыслить тот колоссальный объем данных, который обрушился на их сознание.

Спустя час они добрались до места. Покосившееся кирпичное здание встретило их выбитыми стеклами и пронизывающим холодом. Валерий, действуя с профессиональной военной педантичностью, первым делом обошел периметр, проверил подступы и плотно занавесил уцелевшие окна старыми брезентовыми пологам, найденными в багажнике. Только после этого Артем завел портативный бензогенератор. Ровное гудение мотора наполнило пустое помещение, давая жизнь ноутбукам и портативным серверам.

Никита опустился на перевернутый деревянный ящик, положив перед собой книгу американского профайлера. Студент-юрист чувствовал физическое истощение, но его мозг работал с пугающей, кристальной ясностью. Разговор с отцом стал последним фрагментом головоломки. Он наконец-то получил ответ на вопрос, который мучил его с самого начала расследования: почему миллионы людей, целая нация, добровольно позволили себя перепрограммировать? Почему они с такой легкостью отказались от личной совести, передав право на насилие безликому «закону»?

— Мы все время искали сложный политический заговор, — глухо произнес Никита, нарушая тишину. Его дыхание вырывалось изо рта белыми облачками пара. — Мы думали, что государство обмануло людей. Но правда в том, что люди сами хотели быть обманутыми. Нация устала от свободы. Свобода требует ответственности, требует ежедневного нравственного выбора. А после хаоса девяностых, после всех кризисов, общество захотело простых ответов и гарантированной безопасности.

Артем, чьи пальцы быстро бегали по клавиатуре, настраивая локальную зашифрованную сеть, поднял покрасневшие от недосыпа глаза.

— И тут появляется Дворкин, — подхватил программист. — Он нажимает на самые болезненные точки. Он предлагает идеальную сделку: вы отдаете мне свой критический разум, а я даю вам абсолютную уверенность в вашей правоте и четко обозначенного врага.

Артем развернул монитор к братьям. На экране светились графики медийной активности и схемы распространения информации.

— Я проанализировал техническую сторону этого информационного пузыря, — Артем указал на плотную паутину связей между телеканалами, печатными изданиями и социальными сетями. — Это не просто пропаганда. Это полноценная информационная диверсия, выстроенная по законам нейробиологии. В книге профайлера есть потрясающая историческая отсылка. На Нюрнбергском процессе Альберт Шпеер, министр вооружений Третьего рейха, произнес фразу: «С помощью технических средств, таких как радио и громкоговорители, 80 миллионов человек были лишены самостоятельного мышления».

Программист обвел взглядом холодные кирпичные стены, словно обращаясь к невидимой аудитории.

— Шпеер говорил о примитивном радио! А теперь представьте, что в руках современных манипуляторов оказался интернет, круглосуточные новостные каналы и алгоритмы социальных платформ. Они создали среду, в которой человек физически не может мыслить иначе. В отчете американского агента подробно разбирается механизм семантического прайминга и так называемого «пазлового кодирования». Текстам совершенно не обязательно кричать о крови или призывать к убийствам. Они внешне стерильны. Но их скрытая семантическая архитектура использует когнитивные искажения — эффект фрейминга, иллюзию правды. Благодаря нейропластичности мозга, повторяющийся медиаконтент физически меняет нейронные связи. Человек читает новости и искренне верит, что ненависть к «сектантам» или «врагам государства» — это его собственная, выстраданная мысль.

Валерий, стоявший у занавешенного окна с зажженной сигаретой, тяжело выдохнул дым.

— Они взломали базовый код самосохранения, — произнес бывший офицер. — Я видел это в армии. Когда тебе каждый день повторяют, что перед тобой не люди, а «инфекция», у тебя отключается биологический барьер. Ты перестаешь видеть в них себе подобных.

— Профайлер пишет, что субъекты такого типа работают ювелирно, — студент-юрист провел пальцем по строчкам. — Они годами создают язык, в котором жертва перестает быть жертвой. Они приучают общество к мысли, что перед ним «тоталитарная секта», «угроза», от которой нужно избавляться. А дальше система делает все сама. Силовики приходят с обысками, суды выносят сроки. Страшна та многолетняя подготовительная работа, после которой репрессия начинает казаться обществу естественной.

Никита достал из папки распечатку официального документа, который они скачали из закрытых баз данных ООН.

— Посмотрите на это. Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Марианы Кацаровой. Сентябрь-октябрь две тысячи двадцать четвертого года. Официальный международный документ. Я зачитаю вывод: «В настоящее время имеет место организованная, санкционированная государством система нарушений прав человека, закрепленная в новом или пересмотренном законодательстве, которая используется для подавления гражданского общества, инакомыслия и политической оппозиции. В стране царит атмосфера абсолютной безнаказанности, при этом отсутствуют независимые институты, призванные обеспечивать верховенство закона и доступ к правосудию».

Студент-юрист положил лист на стол.

— Термин «секта», который Дворкин использовал как медиадубинку, был вшит в язык судебной практики. Клеймо стало нормой, а норма превратилась в оружие. Государственная машина сама достраивает подозрение и административное давление. Люди перекладывают ответственность на закон, потому что закон официально разрешил им быть жестокими. Им сказали: «Вам не нужно думать о морали, мы написали для вас кодекс, по которому уничтожение чужих — это благо».

— И это уже было в истории, — мрачно добавил Артем, выводя на экран исторические справки, упомянутые в рукописи. — Вальтер Кюннет в нацистской Германии. Он и его идеологические соратники отравили структуры власти. Из хороших,

порядочных немцев они вылепили безжалостных преступников, которые сжигали людей, искренне веря в свою правоту, с надписью «С нами Бог» на ременных бляхах. Дворкин, прикрываясь церковным подрясником, сделал в точности то же самое. Он дал государству индульгенцию на террор.

Валерий подошел к столу, раздавив окурок о бетонный пол.

— Но чтобы заставить государственную машину работать на себя, нужно было доказать ее уязвимость, — голос старшего брата звучал глухо. — Вы читали главу про Уэйко? Профайлер задает страшный вопрос. Что, если осада ранчо Маунт-Кармел в Америке была просто тестом? Полигоном?

Валерий оперся левой рукой о столешницу, нависая над экраном.

— Антикультисты хотели проверить, насколько глубоко технология манипуляции может проникнуть в мозг государственной системы. И они увидели, что это работает. Что можно заставить правительство великой державы, натренированных агентов ФБР убивать своих граждан под аплодисменты толпы. Они создали идеальное пугало. Как пишет автор: «Смотрите, — говорят они, — культисты со своим лидером убивают себя». И молчат о том, кто поднес спичку.

В холодном помещении метеостанции повисла тяжелая пауза. Гудение генератора казалось единственным звуком живого мира на многие километры вокруг. Три брата стояли перед лицом абсолютного, научно обоснованного зла, которое не пряталось в подворотнях, а вещало с экранов телевизоров, заседало в министерствах и писало законы.

Никита смотрел на свои руки. Руки будущего юриста. Он всегда верил, что право — это инструмент справедливости, щит, защищающий слабого от сильного. Но теперь он видел структуру этого щита. Он видел, как правовые нормы были извращены, как экспертизы превратились в орудие инквизиции, а судьи стали послушными исполнителями воли клинического психопата.

— Какое моральное право имеют юристы защищать эту систему? — тихо, словно обращаясь к самому себе, произнес Никита. — Какое право имеют журналисты обслуживать эту заведомую ложь? Они ведь знают правду. В глубине души каждый следователь, подписывающий сфабрикованное дело, каждый репортер, монтирующий лживый сюжет, знает, что совершает преступление. Но страх оказаться вне стаи, страх стать следующей мишенью парализует их волю.

— Страх и комфорт, — поправил Артем. Программист закрыл лицо руками, массируя уставшие виски. — Я сам был таким. Я думал, что если я зарабатываю деньги, если я сижу в своем IT-пузыре и не лезу в политику, то система меня не тронет. Я считал отца зомбированным дураком, а сам был ничуть не лучше. Я просто выбрал другую форму слепоты. Я игнорировал реальность, пока эта реальность не пришла за Лизой, а потом и за нашей матерью. Мы все позволили этому случиться. Наше молчание было фундаментом их власти.

Валерий выпрямился. Фантомные боли в отсутствующей руке отступили на задний план, вытесненные холодной, расчетливой яростью человека, осознавшего свою истинную цель.

— Этот механизм обладает силой только до тех пор, пока скрыт в тени, — Валерий процитировал строки из книги, которые навсегда врезались в его память. — Профайлер написал это не для того, чтобы мы просто заплакали над историей. Если общество осознает, как именно им манипулируют, вирус начнет давать сбой.

Бывший офицер обвел братьев тяжелым, немигающим взглядом.

— Мы не можем просто спрятать эти документы. Мы не можем уехать и сделать вид, что ничего не знаем. Если мы промолчим сейчас, мы станем соучастниками. Каждая следующая сгоревшая ферма, каждый посаженный в тюрьму невиновный, каждый убитый на фронте пацан будет на нашей совести.

Никита медленно кивнул. Страх, который сковывал его последние недели, страх перед безликой государственной машиной, внезапно исчез. На его место пришло ясное, спокойное понимание неизбежности.

— Нам нужно предать это максимальной огласке, — твердо сказал студент-юрист. — Выложить в сеть все. Финансовые проводки РАЦИРС, методички по фабрикации дел, доказательства связи с Дивеевским братством, полный перевод книги профайлера. Мы должны показать людям чертежи той клетки, в которой они сидят.

— Это будет билет в один конец, — предупредил Артем, хотя его руки уже легли на клавиатуру, готовые начать работу. — Как только архив уйдет в публичный доступ, система включит протоколы уничтожения. Нас объявят террористами, агентами иностранных разведок, кем угодно. Они бросят на наши поиски все ресурсы ФСБ и Центра «Э». Назад дороги не будет.

— А ее и так нет, Тёма, — Валерий подошел к окну и чуть отодвинул край брезента, вглядываясь в снежную мглу. — Дорога назад ведет в тот разрушенный двор, где отец сидит перед выключенным телевизором и ждет, когда ему снова объяснят, кого нужно ненавидеть. Я туда не вернусь.

Разные судьбы, разные мировоззрения, разные ошибки прошлого — все это спланилось воедино в этой ледяной комнате. Они стояли на пороге решения, которое навсегда изменит их жизни, понимая, что только свет способен разрушить анатомию страха, сковавшего их страну. Артем открыл терминал управления серверами, и зеленый курсор замигал на черном фоне, ожидая первой команды.

Глава 24. Подготовка к удару

Ледяной сквозняк непрерывно гулял по заброшенному залу старой метеостанции, проникая сквозь щели в кирпичной кладке и заставляя пламя керосиновой лампы нервно вздрагивать. Ровное, утробное гудение портативного бензогенератора служило единственным звуковым фоном в этом оторванном от цивилизации пространстве. Артем сидел за импровизированным столом, сколоченным из старых деревянных ящиков, и не отрывал воспаленных глаз от мерцающего монитора. Его пальцы с пулеметной скоростью били по клавишам, выстраивая архитектуру грядущего информационного взрыва.

Рядом с клавиатурой лежала стопка распечатанных листов — фрагменты рукописи американского профайлера. Артем прекрасно помнил тот абзац, где отставной федеральный агент описывал свой мандраж на финальной стадии расследования. Американец тогда подчистую израсходовал все домашние запасы бумаги, заказывал новые картриджи и физически документировал каждый скриншот, каждую удаленную статью, понимая, что как только транснациональная антикультульная сеть почует угрозу, она немедленно запустит протоколы тотальной цифровой зачистки. Агент тогда составил список надежных контактов из своей прошлой жизни в Бюро, чтобы переслать им защищенные копии.

Артем усвоил этот урок. Но он понимал, что в условиях современной России, где государство обладает монополией на интернет-провайдеров и магистральные каналы связи, простой рассылки по электронной почте будет недостаточно. Роскомнадзор и системы глубокого анализа трафика заблокируют любой централизованный ресурс в течение десяти минут после публикации. Им требовалось нечто иное. Оружие, которое невозможно уничтожить одним рубильником.

— Я поднимаю децентрализованную сеть, — хрипло произнес программист, не оборачиваясь к братьям. — Если мы просто выложим архив на сайт или в облако, его снесут быстрее, чем поисковики успеют проиндексировать страницы. Я использую протоколы межпланетной файловой системы и распределенные торрент-трекеры. Плюс пишу автоматизированный скрипт. Как только они попытаются заблокировать один зеркальный сервер, алгоритм автоматически развернет десять новых на арендованных анонимных хостингах в разных юрисдикциях. Это будет цифровая гидра. Они отрубят одну голову, вырастет десяток.

Никита, сидевший на спальном мешке в углу комнаты, поднял голову от своего ноутбука. Студент-юрист занимался самой сложной гуманитарной частью их плана. В его задачу входило написание сопроводительных текстов к публикуемому архиву. Это была ювелирная, почти саперная работа.

Никита понимал, что государственная машина, обслуживающая интересы тоталитарной структуры, будет искать малейшую зацепку, чтобы дискредитировать их расследование. Любое неосторожное слово, любая эмоциональная оценка могли быть мгновенно квалифицированы по статьям об экстремизме, дискредитации армии или оскорблении чувств верующих. Система годами оттачивала мастерство подмены понятий, превращая правовые нормы в инструменты инквизиции.

Поэтому текст Никиты должен был стать юридически безупречным скальпелем. Он безжалостно вымарывал из своих черновиков любые прилагательные, любые личные суждения и философские отступления. Только сухие факты. Только даты, номера финансовых проводок, выдержки из официальных методичек по фабрикации компромата и прямые цитаты из криминалистического профиля.

— Текст должен быть таким, чтобы его невозможно было истолковать двояко, — произнес Никита, потирая уставшие глаза. — Они попытаются объявить нас иностранными агентами или сумасшедшими сектантами. Это их стандартный протокол

защиты. Поэтому в преамбуле я выстраиваю жесткую правовую рамку. Я ссылаюсь исключительно на действующую Конституцию и уголовный кодекс. Я показываю, что именно их структура, именно этот человек и его последователи нарушают базовые законы страны, узурпируя власть и подменяя собой судебные органы. Мы не нападаем на государство. Мы показываем, как государство было захвачено изнутри.

Валерий стоял у занавешенного окна, вглядываясь в узкую щель между брезентом и рамой. Бывший офицер молчал, переваривая услышанное. Его пустой правый рукав был привычно заправлен за пояс. В отличие от младших братьев, оперирующих категориями информации и права, Валерий мыслил категориями тактики и физического выживания. Он прекрасно осознавал то, о чем Артем и Никита пока старались не думать вслух.

— Вы понимаете, что произойдет после того, как этот ваш скрипт начнет рассылку?
— голос старшего брата прозвучал тяжело и ровно. Он повернулся к комнате. — Вы думаете, они будут с вами в судах судиться? Или опровержения в газетах писать?

Валерий прошел к столу и оперся левой рукой о край деревянного ящика.

— Как только эти документы уйдут в сеть, наши жизни в этой стране закончатся. Официально. Нас объявят террористами. В наши квартиры вломятся группы захвата. Наши банковские счета будут заблокированы. Патрульный на улице будет иметь ориентировку на наше задержание. Мы наносим удар по самому ядру системы, по их теневой кассе и их идеологическому фундаменту. Такие вещи не прощают. Мы станем дичью.

Никита перестал печатать. Студент-юрист посмотрел на свои руки. Еще несколько месяцев назад его главной проблемой была сдача сессии и философские споры с отцом за обеденным столом. Теперь он готовился стать государственным преступником ради того, чтобы спасти остатки истины в обезумевшем мире.

— Я знаю, Валера, — тихо ответил Никита. — Я просчитал правовые последствия. У нас нет шансов на справедливое разбирательство. Судебная система интегрирована в их сеть. Но если мы отступим сейчас, если мы просто уничтожим эти жесткие диски и попытаемся вернуться к нормальной жизни... этой нормальной жизни больше не существует. Мы видели, во что превратился наш дом. Мы видели, во что превратилась церковь. Молчание — это соучастие.

Артем кивнул, не отрываясь от монитора. Программист, чьим главным жизненным кредо всегда был личный комфорт и финансовая независимость, прошел самую радикальную трансформацию. Его деньги, его статус, его уютная квартира в райцентре — все это оказалось иллюзией безопасности, карточным домиком, который силовики могли сдуть по одному звонку из антикультового центра.

— Я готов потерять все, — произнес Артем с пугающим спокойствием. — Мои счета уже переведены в криптовалюту и распределены по холодным кошелькам. Я стер все свои цифровые следы, которые мог достать. Но нам нужен безопасный канал для первоначального вброса. Если я запущу скрипт через обычный спутниковый терминал или мобильную сеть, они вычислят наши физические координаты по триангуляции за несколько минут. Нам нужен коридор, который не контролируется гражданскими системами слежения.

Валерий усмехнулся краем губ. В его глазах блеснул знакомый командирский азарт.

— Об этом я уже позаботился, — бывший офицер достал из кармана куртки массивный защищенный смартфон, не имеющий никаких опознавательных знаков. — Вы думаете, армия — это монолит? Вы думаете, там все слепо верят телевизору и радуются, когда их отправляют на убой ради чьих-то амбиций? Там полно мужиков, которые все понимают. Офицеров, которые видели, как их товарищи гибнут из-за преступных приказов, продиктованных этой самой идеологией ненависти.

Валерий положил телефон на стол рядом с клавиатурой Артема.

— Я связался со своим старым сослуживцем. Он сейчас служит в войсках радиоэлектронной борьбы. У него есть доступ к закрытым военным каналам связи, которые идут в обход всех гражданских систем фильтрации трафика. Он обеспечит нам зашифрованный туннель на тридцать минут. Этого времени хватит, чтобы твой скрипт выплюнул архив на зарубежные сервера. Они будут искать источник в гражданском секторе, а сигнал уйдет через военный спутник. Пока они разберутся, пока начнут внутреннее расследование в ведомстве, информация уже разлетится по миру.

Артем с уважением посмотрел на старшего брата. Военная логика Валерия идеально дополняла их цифровой план.

В этот момент на мониторе Артема всплыло окно защищенного мессенджера. Программист быстро ввел длинный пароль. На экране появился текстовый чат.

— Это Лиза, — сказал Артем, и в его голосе промелькнула едва уловимая теплота.

Никита внутренне подобрался. После их откровенного разговора, когда они расставили все границы и отказались от наваждения, Лиза стала для них не просто близким человеком, а важнейшим союзником. Девушка, прошедшая через унижительные допросы и шантаж в полиции, отказалась прятаться. Она взяла на себя самую опасную внешнюю коммуникацию.

— Что она пишет? — спросил Никита, подходя к столу.

— Она подтверждает готовность на той стороне, — Артем быстро пробежал глазами по зашифрованным строкам. — Лиза вышла на связь с международными правозащитными группами. Теми самыми, которые годами пытались привлечь внимание к репрессиям против религиозных меньшинств в России, но чьи доклады игнорировались. Она передала им ключи шифрования.

Артем повернулся к братьям, его лицо освещалось холодным светом экрана.

— План такой. Как только архив уходит в сеть, правозащитники в Женеве и Страсбурге одновременно публикуют пресс-релизы со ссылками на наши зеркала. Они подключают крупные западные издания. Мы должны создать международный резонанс в первые же часы. Если мы просто вывалим это на анонимных форумах, внутренняя пропаганда объявит это фейком, сгенерированным нейросетями, и заболтает тему. Но если документы, финансовые отчеты и профиль маньяка одновременно окажутся на столах у международных журналистов, замолчать это не удастся. Система окажется под перекрестным огнем.

Никита смотрел на экран, где мигал курсор в ожидании финальной команды. Подготовка к удару была завершена. Три брата, представляющие совершенно разные миры — право, технологии и военную силу, — объединили свои навыки, чтобы противостоять злу, которое казалось непобедимым.

Они стояли в холодном, продуваемом всеми ветрами помещении, окруженные густой сибирской ночью. За стенами метеостанции простиралась огромная страна, погруженная в тяжелый, гипнотический сон. Страна, где люди привыкли бояться невидимых врагов, где фермеры покорно смотрели, как сжигают их скот, а матери молча получали закрытые гробы своих сыновей. Страна, чье руководство отдало ключи от коллективного разума в руки человека, одержимого смертью и абсолютной властью.

Валерий подошел ближе, встав плечом к плечу с младшими братьями. Он посмотрел на индикатор готовности системы. Зеленая полоса замерла на отметке девяносто девять процентов.

— Пути назад нет, — произнес бывший офицер. Это не было вопросом. Это была констатация факта, принятие судьбы.

Никита положил руку на плечо Артема. Студент-юрист чувствовал, как колотится его сердце, но разум оставался кристально чистым. Он вспомнил пустой двор родительского дома, потухший взгляд матери и агрессивное отчаяние отца. Он вспомнил слова американского профайлера о том, что зло питается исключительно ложью и тишиной.

Артем занес пальцы над клавиатурой. Децентрализованная сеть ждала загрузки. Военный канал связи был открыт. Юридические тексты, выверенные до последней запятой, были прикреплены к массиву доказательств. Международные правозащитники находились в режиме ожидания.

В этот момент гудение генератора на секунду дрогнуло, словно сама реальность задержала дыхание перед тем, как навсегда изменить свой ход. Артем посмотрел на братьев, ища в их глазах последнее подтверждение, и, не увидев там ничего, кроме абсолютной решимости, опустил палец на клавишу ввода.

Глава 25. Точка невозврата

Палец Артема опустился на клавишу ввода с сухим, почти незаметным щелчком. Зеленый курсор на черном фоне терминала мигнул в последний раз и исчез, сменившись стремительно бегущими строками программного кода. Децентрализованная сеть начала развертывание.

Массив данных — тысячи отсканированных финансовых проводок, внутренние методички по фабрикации уголовных дел, доказательства связи антикультовой структуры с высшими эшелонами власти и полный, не подвергнутый цензуре перевод криминалистического профиля американского агента — устремился в зашифрованный

туннель. Военный канал связи, предоставленный бывшим сослуживцем Валерия, сработал безупречно. Пакеты информации обходили гражданские узлы фильтрации трафика, поднимались к спутниковой группировке и веером опускались на арендованные анонимные серверы в десятках стран мира.

Артем не отрывал воспаленных глаз от монитора, где в режиме реального времени обновлялась статистика. Первые тридцать секунд график оставался плоским. Затем алгоритм зафиксировал срабатывание триггеров на стороне международных правозащитных организаций в Женеве и Страсбурге. Лиза выполнила свою часть уговора с безукоризненной точностью. Правозащитники одновременно опубликовали пресс-релизы, содержащие прямые ссылки на зеркала архива.

Кривая на графике дрогнула и поползла вверх. Сто скачиваний. Пятьсот.

— Пошло, — хрипло выдохнул программист, откидываясь на спинку шаткого стула. — Межпланетная файловая система приняла хеш-суммы. Теперь этот архив физически невозможно удалить. Даже если они физически уничтожат все дата-центры в Европе, копии уже распределены по сотням пользовательских узлов. Торрент-трекеры подхватили раздачу.

Никита сидел на перевернутом ящике, обхватив колени руками. Перед ним светился экран его собственного ноутбука, подключенного к сети через сложную цепь прокси-серверов. Студент-юрист взял на себя роль наблюдателя за реакцией системы. Он открыл агрегатор новостей и сетку самых популярных политических информационных каналов страны.

Первые пятнадцать минут в российском информационном поле царила абсолютная, звенящая тишина. Государственная машина, привыкшая работать по заранее утвержденным сценариям и спускаемым сверху методичкам, столкнулась с угрозой, к которой не была готова. Утечка такого масштаба, вскрывающая самую структуру управления массовым сознанием и обнажающая психиатрические диагнозы главного идеолога страны, вызвала паралич.

Затем начался хаос.

Никита наблюдал, как система бьется в конвульсиях когнитивного шока. Один из крупнейших провластных каналов опубликовал экстренное сообщение о «масштабной кибератаке западных спецслужб», но спустя две минуты пост был трусливо удален.

Следом на ресурсе известного телеведущего появился гневный текст, называющий опубликованные документы «сгенерированным нейросетями бредом».

— Они не знают, что делать, — голос Никиты звучал отстраненно, словно он комментировал ход сложной хирургической операции. — У них нет инструкций. Обычно антикультовый центр Дворкина сам генерирует инфоповоды, назначает врагов и дает команду на травлю. А сейчас мишенью стали они сами. Пропагандисты боятся комментировать документы, потому что любое упоминание фамилий из черной кассы РАЦИРС может быть расценено кураторами как предательство. Они молчат, а архив тем временем расходится по стране.

Артем переключился на мониторинг технической инфраструктуры Роскомнадзора. На его экране замелькали красные предупреждения.

— Началось ковровое бомбометание, — программист указал на карту сетевой активности. — Ведомство в панике. Они видят рост трафика, но не могут заблокировать источник, потому что источников сотни. Они начали просто рубить магистральные каналы. Смотрите, отваливаются целые подсети в центральном регионе. За последние десять минут заблокировано более сотни VPN-сервисов. Они пытаются опустить железный занавес, превратить страну в изолированный цифровой бункер, лишь бы остановить распространение правды.

Никита смотрел на панические метания государственной машины, и в его сознании всплывали строки из рукописи американского профайлера. Бывший федеральный агент писал о том, как профессионалы десятилетиями упускали из виду истинную природу зла. Следователи искали маньяков в грязных подвалах, в дешевых придорожных мотелях, в лесополосах на окраинах городов. Они искали хищников там, где те пачкали руки в крови самостоятельно. Но эволюция не стоит на месте. Самые страшные хищники давно покинули подворотни. Они надели дорогие костюмы, обзавелись научными степенями, сели в кресла министерств и синодальных отделов. Они поняли, что гораздо безопаснее и эффективнее использовать для удовлетворения своих садистских наклонностей государственную монополию на насилие.

Система, которая сейчас в панике отключала интернет собственным гражданам, была лишь огромным, слепым организмом, зараженным вирусом одного психопата. И теперь, когда вирус был выставлен на всеобщее обозрение, организм начал пожирать сам себя.

Валерий не смотрел в мониторы. Бывший офицер стоял у занавешенного окна, чуть отодвинув край плотного брезента. Его глаза внимательно сканировали снежную мглу, окутавшую подступы к метеостанции. Цифровая война его не интересовала. Он знал, что у любой информационной операции есть физическая цена, и эта цена будет предъявлена им в самое ближайшее время.

— Тёма, выведи на экран свои домашние камеры, — резко скомандовал Валерий, не оборачиваясь.

Артем нахмурился, но послушно открыл защищенную вкладку, связанную с IP-камерами, установленными в его квартире в райцентре и на лестничной клетке. Изображение загрузилось с небольшой задержкой.

Братья замерли.

Двор элитного жилого комплекса, где Артем купил квартиру, был заполнен черными микроавтобусами без номеров. На экране было отчетливо видно, как из машин высыпаются люди в тяжелой тактической экипировке, бронежилетах и балаклавах. Они двигались слаженно, по-военному жестко, оттесняя случайных прохожих.

Камера на лестничной клетке показала, как штурмовая группа кувалдой выносит дорогую металлическую дверь квартиры Артема. Искры от срезанных болгаркой петель брызнули прямо в объектив. В следующую секунду силовики ворвались внутрь. Внутренняя камера в гостиной зафиксировала, как бойцы переворачивают мебель, вспарывают ножами обивку дивана, сбрасывают на пол книги и разбивают прикладами оставленную технику. Это не был обычный обыск. Это была акция устрашения, слепая ярость системы, обнаружившей, что жертва ускользнула.

— Они пошли по адресам регистрации, — констатировал Валерий абсолютно спокойным, ледяным тоном. — Мою квартиру сейчас потрошат точно так же. Они ищут физические носители. Ищут нас.

Артем смотрел, как люди в черном уничтожают его комфортный, безопасный мир, который он выстраивал годами упорного труда. Его дорогие серверы, дизайнерский ремонт, коллекция винила — все это превращалось в мусор под тяжелыми армейскими ботинками. Еще вчера он бы испытал отчаяние. Но сейчас, глядя на этот погром, программист чувствовал лишь холодное удовлетворение. Система была в пустоту.

— Пусть ломают, — процедил Артем, закрывая вкладку с видеопотоком. — Главное уже там, где они не достанут.

Внезапно Валерий резко отшатнулся от окна и одним слитным движением левой руки выдернул шнур питания из генератора.

Метеостанция погрузилась в абсолютную, глухую темноту. Только экраны ноутбуков продолжали отбрасывать на кирпичные стены бледные, призрачные блики, работая от встроенных батарей. Гудение мотора захлебнулось и стихло. Наступившую тишину нарушал лишь свист ветра в выбитых оконных рамах.

— Сворачиваемся. Живо, — шепотом приказал старший брат.

— Что случилось? — так же тихо спросил Никита, нащупывая в темноте свой рюкзак.

— Нас срисовали. Военный канал дал аномальный всплеск трафика в этом квадрате. Они пустили мобильные пеленгаторы. Я вижу свет фар на старой просеке. Две машины, идут без габаритов, на подфарниках. Будут здесь через четыре минуты.

Адреналин ударил в кровь, мгновенно вытеснив усталость. Абстрактная борьба за умы миллионов людей сжалась до размеров конкретной физической угрозы их собственным жизням.

Артем действовал с механической точностью. Он вырвал из серверов главные твердотельные накопители с мастер-ключами шифрования и сунул их во внутренний карман куртки. Оставшееся железо он безжалостно разбил припасенным заранее молотком, превращая материнские платы и процессоры в крошево из текстолита и кремния.

Никита сгреб в кучу распечатки документов, черновики своих юридических текстов и пустые папки. Он бросил их в металлическое ведро, стоявшее в углу, плеснул туда остатки бензина из канистры и чиркнул зажигалкой. Яркое пламя с гудением рванулось вверх, осветив напряженные лица братьев. Книга американского профайлера уже лежала на дне рюкзака Никиты — единственный физический артефакт, который они обязаны были сохранить любой ценой.

— Уходим через задний ход, к оврагу, — Валерий подхватил тяжелую сумку с тактическим снаряжением, закинув ее на левое плечо. — Машина спрятана за деревьями. Двигаемся след в след. Никаких фонарей.

Они выскользнули из здания в обжигающий сибирский мороз. Снег скрипел под ногами предательски громко. Ветер швырял в лица колючую ледяную крошку, заставляя щуриться. Валерий шел первым, прокладывая путь сквозь сугробы с уверенностью человека, привыкшего передвигаться по минным полям. Артем и Никита тяжело дышали, стараясь не отставать.

Позади них, сквозь щели в кирпичной кладке метеостанции, пробивалось неровное зарево догорающих документов.

Они добрались до внедорожника Валерия, укрытого под густыми лапами старых елей. Бывший офицер запрыгнул на водительское сиденье, братья забросили рюкзаки назад и захлопнули двери. Двигатель взревел, нарушая лесную тишину. Валерий не стал включать фары. Он ориентировался в пространстве с помощью прибора ночного видения, закрепленного на лобовом стекле.

Тяжелая машина рванулась с места, пробивая бампером снежные переметы. Они выскочили на узкую лесную дорогу, ведущую к заброшенному тракту.

В этот момент из-за поворота, перекрывая им путь, вынырнул темный силуэт микроавтобуса. На его крыше вспыхнула ослепительная сине-красная люстра, разрезав ночную мглу тревожными всполохами. Из открывшейся боковой двери на снег начали выпрыгивать вооруженные люди. Передовая группа захвата успела перекрыть единственный выезд.

— Держитесь! — рявкнул Валерий.

Вместо того чтобы ударить по тормозам, старший брат вдавил педаль газа в пол. Мощный двигатель внедорожника взвыл на предельных оборотах. Валерий крепко сжал руль единственной рукой, направляя двухтонную махину прямо на перехватчиков.

Силовики, не ожидавшие такого самоубийственного маневра, бросились врассыпную, падая в глубокий снег на обочине. Валерий в последний момент вывернул руль, уходя от лобового столкновения, но тяжелый силовой бампер его внедорожника по касательной ударил в заднее крыло микроавтобуса.

Раздался оглушительный скрежет сминаемого металла. От удара микроавтобус развернуло поперек дороги, его заднее стекло разлетелось на тысячи сверкающих осколков. Внедорожник братьев сильно потряхнуло, Артем больно ударился плечом о

стойку, но машина удержала траекторию. Прорвав снежный бруствер, они вылетели на открытое пространство старого тракта.

Валерий включил дальний свет. Два мощных луча прорезали метель, освещая пустую, заметенную дорогу впереди. В зеркале заднего вида Никита видел, как люди в черном поднимаются из сугробов, вскидывая оружие, но дистанция уже была слишком велика. Метель надежно укрывала их отход.

Никита смотрел на профиль старшего брата, освещенный тусклым светом приборной панели. Валерий был сосредоточен и спокоен. В его действиях не было ни капли сомнения. Человек, который еще недавно слепо верил приказам и готов был убивать ради иллюзорных государственных интересов, теперь использовал все свои навыки, чтобы защитить тех, кто бросил вызов этой самой системе.

Впереди лежала бесконечная сибирская ночь. Дорога уводила их все дальше от привычной жизни, от теплых квартир, от иллюзии безопасности. Они оставили позади разрушенные дома, сожженные фермы и общество, погруженное в тяжелый гипнотический сон. Но в этой ледяной темноте, под рев мотора и завывание ветра, Никита впервые за долгое время чувствовал абсолютную, кристальную ясность. Точка невозврата была пройдена. И теперь им предстояло выжить в мире, который они только что необратимо изменили.

Глава 26. Исход

Они ушли от первого столкновения, прорвав наспех выставленный заслон, но это была лишь временная отсрочка. Валерий прекрасно знал протоколы работы спецслужб при перехвате особо опасных целей. Через пятнадцать минут над квадратом повиснут беспилотники с тепловизорами. Через полчаса на всех развязках и выездах из района встанут вооруженные блокпосты с тяжелой техникой. Двигаться дальше по открытой трассе на поврежденной, приметной машине было равносильно добровольной сдаче в плен.

Валерий резко ударил по тормозам и одновременно вывернул руль. Внедорожник, взревев двигателем, съехал с асфальта, пробил плотный снежный бруствер и рухнул на заброшенную лесовозную просеку. Ветви старых елей сомкнулись за ними, скрывая следы съезда. Машина тяжело переваливалась через скрытые под снегом пни и рытвины, углубляясь в глухую сибирскую тайгу.

Спустя три километра изматывающей тряски Валерий заглушил мотор. Наступившая тишина оглушала. Только потрескивал остывающий металл капота да завывал ветер в кронах деревьев.

Бывший офицер повернулся к братьям. Артем потирал ушибленное плечо, Никита крепко прижимал к груди рюкзак с документами.

Валерий отстегнул ремень безопасности. Его голос звучал сухо и по-военному четко, без малейших следов паники. Он отдавал приказы, от которых теперь зависели их жизни. Машину придется бросить здесь. Тепловой след двигателя будет остывать еще пару часов, что даст им небольшую фору, если дроны начнут сканировать лес. Дальше — только пешком. В пяти километрах отсюда, возле старого торфяного болота, находилась охотничья заимка, о которой Валерий знал еще с юности. Там, под навесом из гнилых досок, был спрятан старый, списанный УАЗ без номеров и электроники, который невозможно отследить по базам данных.

Они вышли в обжигающий мороз. Снег доходил до колен, каждый шаг требовал колоссальных физических усилий. Валерий шел первым, прокладывая тропу. Его пустой правый рукав был плотно прижат к телу, чтобы не цепляться за ветки. Фантомные боли, обычно сводившие его с ума по ночам, сейчас отступили, вытесненные мощным выбросом адреналина и инстинктом выживания. Артем, привыкший к комфорту офисных кресел и мягких диванов, задыхался, плотая ледяной воздух, но упрямо переставлял ноги, стараясь ступать след в след за старшим братом. Никита замыкал колонну. Физическая тяжесть пути казалась ему ничтожной по сравнению с той колоссальной ответственностью, которая теперь лежала в его рюкзаке.

Когда они добрались до заимки, небо на востоке начало едва заметно светлеть, окрашиваясь в грязно-серые тона. Старый УАЗ завелся с третьей попытки, наполнив морозный воздух едким запахом некачественного бензина и выхлопных газов. Валерий сел за руль, привычно орудуя левой рукой и переключая передачи короткими, резкими движениями.

Они выехали на неприметную грунтовку, ведущую в обход федеральных трасс. В салоне было невыносимо холодно, печка едва справлялась с ледяным сквозняком, гуляющим сквозь щели в дверях.

Валерий молчал несколько километров, напряженно вглядываясь в дорогу, а затем произнес фразу, которая заставила братьев вздрогнуть:

— Мы делаем крюк. Нам нужно заехать в село.

Артем резко подался вперед с заднего сиденья. В его голосе зазвучала тревога человека, привыкшего просчитывать риски. Появление в родительском доме сейчас — это колоссальная тактическая ошибка. Силовики наверняка уже установили там наблюдение или готовятся к штурму. Это ловушка, капкан, в который они сами собираются засунуть головы.

Валерий не отрывал взгляда от дороги. Он ответил тихо, но с такой непрекращаемой твердостью, что любые возражения потеряли смысл. Они уходят в подполье, возможно, навсегда. Они становятся призраками в собственной стране. Но они не крысы, чтобы исчезать во тьме без прощания. Мать лежит при смерти после того, как государственная машина уничтожила дело всей ее жизни. Отец раздавлен осознанием собственной слепоты. Оставить их сейчас, не посмотрев им в глаза напоследок, означало бы предать ту самую человечность, ради которой они затеяли эту войну.

УАЗ с выключенными фарами медленно вкатился на окраину родного села. Улицы были пустынные. Собаки прятались по будкам от лютого мороза. Знакомый двор встретил их пугающей пустотой и чернеющей траншеей невдалеке, припорошенной свежим снегом. Валерий заглушил двигатель за два дома до их участка, и братья бесшумно, тенями скользнули к крыльцу.

Они прошли в спальню. Нина Николаевна не спала. Она лежала на своей высокой кровати, укрытая пуховым одеялом, и смотрела на вошедших сыновей воспаленными, впалыми глазами. В этих глазах не было ни удивления, ни страха. Материнское сердце, годами бившееся в ритме тяжелого крестьянского труда и постоянной тревоги за детей, безошибочно почувствовало надвигающуюся беду задолго до того, как она постучала в их двери.

Никита опустился на колени у кровати и взял сухую, испещренную морщинами руку матери. Он прижался к ней губами, чувствуя запах хозяйственного мыла и парного молока, который навсегда въелся в ее кожу. Артем стоял рядом, не в силах произнести

ни слова, лишь судорожно сглатывая подступающий к горлу ком. Валерий подошел последним. Он наклонился и долго смотрел в лицо женщины, которая отдала все свои силы, чтобы вывести их в люди. Нина Николаевна слабо сжала пальцы Никиты и перевела взгляд на старшего сына. В этом взгляде было прощение. Прощение за его прошлую жестокость, за его слепоту.

В дверном проеме возникла грузная фигура Владимира Яковлевича. Отец стоял, опираясь на свою трость. Телевизор в кухне молчал — впервые за многие годы этот дом не был отравлен чужими, металлическими голосами пропагандистов. Владимир Яковлевич смотрел на своих сыновей. На Валерия, потерявшего руку на бессмысленной бойне. На Артема, лишившегося своего благополучного мира. На Никиту, выбравшего путь изгоя ради правды.

В сознании старого завгара больше не осталось ни одного лозунга. Все те слова о величии, о внутренних врагах, о необходимости сплочения вокруг вождя, которые он с пеной у рта выкрикивал за обеденным столом, теперь казались ему пеплом, грязной шелухой, под которой скрывалась зияющая пустота. Он понял, что настоящие враги его семьи сидели не в мифических западных штабах и не в подпольных ашрамах. Они сидели в высоких кабинетах, подписывали приказы об уничтожении его хозяйства и отправляли его сына на смерть, прикрываясь разговорами о духовности.

Владимир Яковлевич сделал тяжелый шаг вперед. Он не стал произносить речей, не стал просить прощения вслух — его сломленная гордыня и непривычка к искренним чувствам не позволили бы ему найти нужные слова. Он просто протянул вперед свою широкую, мозолистую ладонь.

Валерий шагнул навстречу и крепко пожал руку отца своей единственной левой рукой. Затем Владимир Яковлевич протянул руку Артему. Программист ответил на рукопожатие, чувствуя, как дрожат пальцы старика. Последним к отцу подошел Никита. В этом молчаливом, тяжелом жесте было заключено больше смысла, чем в тысячах философских бесед. Это было признание их правоты. Это было благословение на тот страшный, крестный путь, который они выбрали.

Братья покинули дом так же бесшумно, как и появились. УАЗ снова зарычал, увозя их прочь от руин их прошлой жизни.

Спустя два часа они добрались до заброшенного железнодорожного узла на границе соседней области. Ржавые рельсы уходили вдаль, теряясь в серой утренней

дымке. Вокруг высились горы старого металлолома и полуразрушенные складские помещения. Ветер гнал по земле колючую поземку.

Валерий остановил машину у бетонного пакгауза. Настало время самого тяжелого тактического решения.

Бывший офицер развернулся к братьям. Его инструктаж был кратким и безжалостным. Остаться вместе — значит стать идеальной, крупной мишенью для наружного наблюдения и систем распознавания лиц. Три человека, передвигающиеся группой, привлекают внимание. Им необходимо разделиться. Раствориться в огромной, заснеженной стране. Стать тремя независимыми тенями.

Артем, обладающий навыками цифровой маскировки и доступом к теневым финансовым ресурсам, должен был двигаться в сторону южных границ, используя старые контрабандистские тропы, чтобы попытаться выйти за пределы досягаемости репрессивной машины и поддерживать работу серверов извне. Валерий, чья внешность с отсутствующей рукой была слишком приметной, планировал уйти на север, к своим давним армейским контактам, людям, которые жили по своим законам и не задавали лишних вопросов.

Никита должен был затеряться в центральной части страны. Его задача была самой важной — сохранить материалы расследования. Он должен был стать хранителем памяти на тот случай, если цифровая сеть все же будет уничтожена.

Валерий достал из кармана куртки две пачки наличных денег, заранее снятых через подставных лиц, и протянул их братьям. Никаких объятий, никаких долгих прощаний. Только суровые, короткие кивки. Они понимали, что вероятность их новой встречи ничтожно мала. Государство бросит на их поиски лучших ищек. Но в глазах каждого из них читалась абсолютная, непоколебимая уверенность в правильности сделанного выбора.

Артем накинул капюшон, развернулся и зашагал вдоль железнодорожных путей, направляясь к стоянке дальнобойщиков, видневшейся в нескольких километрах от узла. Валерий остался у машины, провожая младших братьев взглядом, в котором смешались боль потери и суровая гордость.

Никита забрался в открытый кузов товарного вагона, стоявшего на запасном пути. Состав должен был отправиться с минуты на минуту. Студент-юрист забился в самый темный угол, укрывшись за штабелями деревянных ящиков, и прижал к себе рюкзак.

Поезд дернулся, лязгнули сцепки, и тяжелые вагоны медленно покатались сквозь заснеженную равнину.

Никита сидел в полумраке, чувствуя, как холод пробирается сквозь одежду. Мерный стук колес отсчитывал километры его новой, бесприютной жизни. Он смотрел в щель между досками на проплывающие мимо бесконечные белые поля, на покосившиеся заборы деревень, на редкие огни станций.

В его сознании всплывали обрывки недавних споров с отцом. Владимир Яковлевич всегда кричал о патриотизме, требуя слепого подчинения государству, требуя готовности убивать и умирать по первому приказу из телевизора. Но сейчас, трясаясь в холодном вагоне, лишенный имени, дома и будущего, Никита кристально ясно осознал истинную природу этого чувства.

Настоящий патриотизм не имел ничего общего с агрессивным размахиванием флагами или ненавистью к выдуманным врагам. Настоящий патриотизм — это не комфортное согласие с властью, сидя на теплом диване. Это готовность пожертвовать собственным благополучием, своей безопасностью и самой жизнью ради того, чтобы спасти разум своего народа. Это акт глубочайшей, жертвенной любви к людям, которые ослеплены ложью. Никита понял, что он и его братья совершили самое патриотичное действие в своей жизни: они бросили вызов маньяку, захватившему управление страной, чтобы вернуть людям право на совесть и свободу воли. Они стали преступниками в глазах государства именно потому, что отказались предать свою родину.

Студент-юрист достал из внутреннего кармана куртки крошечный, одноразовый смартфон, который Артем передал ему перед расставанием. Устройство было настроено на прием коротких текстовых сводок через зашифрованные каналы, минуя магистральные узлы связи. Никита включил питание. Экран слабо засветился в темноте вагона.

Ему потребовалось всего две минуты, чтобы оценить масштаб происходящего.

В попытках остановить распространение правды, власти начали хаотично отключать целые сегменты интернета в крупных городах, но это лишь усиливало панику и привлекало еще больше внимания к утечке. Правда, годами скрываемая за фасадом религиозной риторики и патриотических лозунгов, вырвалась на свободу. Она действовала как ледокол, взламывающий многолетнюю мерзлоту страха и покорности.

Никита выключил телефон, вытащил батарею и разломал сим-карту, бросив осколки в щель между досками пола. Он сделал свое дело. Механизм пробуждения был запущен, и никакие репрессии, никакие аресты и блокировки уже не могли стереть эту информацию из коллективного сознания.

Поезд набирал скорость, унося его в неизвестность. Сквозь щели в кузове пробивались первые лучи холодного, зимнего солнца. Они падали на лицо Никиты, освещая его спокойные, уставшие глаза. Впереди его ждали лишения, постоянная опасность и жизнь в тени. Но внутри него, вопреки пронизывающему холоду и реву ветра, разгоралось ровное, теплое чувство абсолютной внутренней свободы. Чувство человека, который перестал быть пешкой на чужой шахматной доске и сделал свой единственный, по-настоящему свободный ход.

Глава 27. Свет во тьме

Весна в этом году приходила в безымянный провинциальный городок тяжело, с неохотой отвоевывая у зимы каждый сантиметр промерзшей земли. С крыши старой панельной пятиэтажки, где Никита снимал крошечную комнату под чужим именем, монотонно капала талая вода, разбивая остатки грязного льда на асфальте. Студент-юрист сидел за шатким кухонным столом, кутаясь в колючий шерстяной свитер, и неотрывно смотрел в экран подержанного ноутбука, купленного с рук на местном радиорынке.

Его физический мир сузился до двенадцати квадратных метров, скрипучей кровати и постоянного ожидания стука в дверь. Но цифровой мир, разворачивающийся перед его глазами, был огромен, и в нем прямо сейчас происходил тектонический сдвиг.

Никита открыл защищенную вкладку браузера, пропуская трафик через каскад анонимных узлов. На экране загрузился популярный региональный форум, который еще месяц назад был жестко модеримуемой площадкой, где любые дискуссии сводились к одобрению официальной повестки. Теперь там царил хаос прозрения. Ветка обсуждений, посвященная слитому архиву РАЦИРС, постепенно обновлялась.

Никита вчитывался в сообщения реальных людей, чьи судьбы годами перемалывались в тишине. Пользовательница с ником «Елена_В» подробно, с приложением сканов судебных решений, рассказывала, как местный центр по борьбе с экстремизмом, опираясь на сфабрикованную экспертизу сектоведов, разрушил благотворительный фонд ее мужа. Ниже десятки людей делились похожими историями. Страх, который десятилетиями парализовывал общество, заставляя каждого думать, что он один на один с безжалостным государственным левиафаном, начал рассеиваться. Люди начинали осознавать масштаб обмана. Они видели финансовые сметы, видели прайс-листы на заказные уголовные дела, читали сухие выдержки из криминалистического профиля человека, который годами вещал с экранов телевизоров в образе непререкаемого морального авторитета.

В правом нижнем углу экрана мигнул значок зашифрованного мессенджера. Пришел пакет данных от Артема.

Никита ввел длинный пароль, расшифровывая сообщение. Средний брат находился где-то за тысячи километров отсюда, в одной из транзитных зон на границе, постоянно меняя локации и IP-адреса. Его текст был сухим, техническим, но сквозь строчки кода проступала совершенно новая личность. Артем сообщал, что ведомства предприняли беспрецедентную попытку DDoS-атаки на корневые зеркала архива, задействовав мощности правительственных ботнетов. Атака захлебнулась. Алгоритм, написанный Артемом, автоматически распределил нагрузку по тысячам волонтерских узлов, поднятых сочувствующими программистами по всему миру.

«Они пытаются забить океан камнями, — писал Артем в конце отчета. — Их система иерархична и неповоротлива. Наша — горизонтальна и адаптивна. Знаешь, мелкий, я вчера вспоминал свою квартиру в райцентре. Мои серверы, мою идеальную зону комфорта. Я думал, что деньги и отстраненность делают меня неуязвимым. Какая же это была трусость. Я прятался от жизни, пока она не пришла за теми, кто мне дорог. Я потерял все свои игрушки, но впервые за годы своей жизни я чувствую, что делаю что-то по-настоящему важное. Лиза передает привет. Она координирует работу с европейскими юристами, они готовят коллективные иски в международные трибуналы на основе наших данных. Мы больше не прячемся».

Никита слабо улыбнулся, закрывая окно чата. Трансформация Артема была поразительной. Прагматик и циник, измерявший успех исключительно цифрами на

банковском счете, добровольно стал архитектором цифрового сопротивления. Он вышел из своей скорлупы, осознав, что никакой личный комфорт невозможен в обществе, где право на истину узурпировано маньяком.

Следом пришел аудиофайл, пропущенный через несколько фильтров искажения голоса. Это была весточка от Валерия.

Никита надел наушники и нажал на воспроизведение. Сквозь цифровой шум и треск помех пробивался глухой, тяжелый голос старшего брата. Валерий находился на севере, в краю портовых доков, промерзших гаражных кооперативов и суровых людей, привыкших верить делам, а не словам.

«Слушай меня внимательно, брат, — говорил Валерий, и в его интонациях больше не было той надрывной, пьяной агрессии, с которой он вернулся с фронта. — Я вчера собрал мужиков. Тех, кто прошел через мясорубку. Тех, кого списали по ранению, как и меня. Мы сидели в боксе, я выложил на верстак распечатки приказов нашего политуправления и тексты этого американского профайлера. Я показал им, как именно нас превращали в палачей. Как нам вшивали в головы терминологию расчеловечивания, чтобы мы не задавали вопросов, нажимая на спуск».

На записи послышался звук чиркающей зажигалки и глубокий затыг.

«Они молчали час. Здоровые, искалеченные мужики читали эти бумаги и бледнели. Одно дело — подозревать, что начальство ворует. И совсем другое — увидеть документальные доказательства того, что твоя кровь, твоя присяга и твоя вера были использованы как топливо для садистской секты, захватившей кабинеты. Мы создали сеть, Никита. Ветеранскую сеть. Мы выходим на тех пацанов, которые сейчас в учебках, на тех, кто только собирается подписать контракт от безысходности или по глупости. Мы показываем им правду. Мы вытаскиваем их из этого гипноза. Я не смог спасти своих ребят там, в окопах. Но я спасу тех, до кого смогу дотянуться сейчас. Это моя новая присяга».

Аудиофайл закончился и автоматически удалился с устройства, оставив Никиту в звенящей тишине комнаты.

Студент-юрист подошел к окну. Сквозь мутное, давно не мытое стекло он смотрел на улицу, где редкие прохожие спешили по своим делам, кутаясь в воротники. Еще недавно вид этих покорных, согбенных людей вызывал у него чувство глухого отчаяния. Ему казалось, что система подавления, выстроенная Александром Дворкиным и его

высокопоставленными покровителями, монолитна и вечна. Что она пустила корни так глубоко в генетический код нации, что выкорчевать ее невозможно без уничтожения самого общества.

Но теперь, наблюдая за реакцией страны на опубликованный архив, Никита понимал свою ошибку.

Маньяк и его антикультовая структура не фундамент государства. Они лишь тяжелая, изнурительная болезнь. Вирус, который поразил социальный организм в момент его наибольшей уязвимости — когда люди, уставшие от потрясений, добровольно отказались от свободы воли в обмен на иллюзию порядка. Вирус питается страхом, размножается в атмосфере тотальной лжи и использует репрессивный аппарат как свой защитный механизм.

Но любой живой организм обладает иммунитетом. И сейчас, получив шоковую дозу горькой, неразбавленной правды, этот иммунитет начал просыпаться. Общество лихорадило. Люди испытывали боль от крушения привычной картины мира, ту самую боль, которую пережил их отец, Владимир Яковлевич, сидя на кухне разрушенного дома. Но это была боль выздоровления. Болезнь не может длиться вечно, если пациент осознал причину своего недуга и отказался принимать яд под видом лекарства.

Никита вернулся к столу и открыл свой блокнот. Страницы были исписаны мелким, убористым почерком — его мысли, его попытки найти нравственную опору в рушащемся мире. Он перелистал записи к тем вопросам, которые мучили его в самом начале пути.

Что такое честь? Жить по закону или по совести?

Теперь ответы казались ему кристально ясными, выжженными в сознании опытом последних месяцев. Закон, написанный людьми, одержимыми властью и ненавистью, не имеет ничего общего со справедливостью. Это просто инструкция по эксплуатации покорного населения. Когда юристы, судьи и силовики прячутся за параграфами такого закона, оправдывая насилие над невиновными, они совершают акт высшего нравственного предательства. Они перекладывают личную ответственность на бездушный механизм.

Но совесть — это категория иного порядка. Это тот внутренний камертон, который невозможно обмануть никакими телевизионными сюжетами и никакими псевдонаучными экспертизами. Совесть требует от человека мужества признать зло

злом, даже если оно облачено в государственные одежды и освящено церковными иерархами.

Никита вспомнил лица своих бывших одноклассников. Витька, вернувшегося в закрытом гробу из-за микрозаймов. Женьку, купившего машину на кровавые деньги и потерявшего человеческий облик. Они стали жертвами системы именно потому, что согласились играть по ее правилам, поверив, что счастье можно построить, забирая чужие жизни. Они позволили превратить себя в тени, в безвольные инструменты чужой воли.

«Жернова системы огромны, — записал Никита в блокнот, выводя каждую букву с нажимом. — Они перемалывают судьбы, стирают в пыль целые семьи, уничтожают веру и надежду. Но эти жернова работают только до тех пор, пока мы соглашаемся быть зерном. Пока мы покорно ложимся под каменные плиты, оправдывая свою слабость патриотизмом или необходимостью кормить семью. Но если человек отказывается быть тенью... Если он обретает плотность, обретает голос и встает в полный рост, опираясь на свою честь, — механизм дает сбой. Камень крошится о твердость человеческого духа».

Он закрыл блокнот. В комнате стало светлее — весеннее солнце наконец-то пробилось сквозь плотную пелену серых облаков, заливая обшарпанный подоконник холодным, но ярким светом.

Никита знал, что впереди их ждет долгая и изнурительная борьба. Государственная машина, загнанная в угол оглаской, будет огрызаться, проводить показательные аресты, пытаться задушить просыпающееся общество новыми запретами. Ему самому придется еще не раз менять паспорта, ночевать в холодных заброшенных домах и вздрагивать от воя полицейских сирен. Их семья заплатила страшную цену за это прозрение.

Но внутри него больше не было страха. Там, где раньше гнездились сомнения и чувство безысходности, теперь горел ровный, негасимый огонь. Это было спокойствие человека, который нашел свой путь и прошел точку невозврата.

Никита подошел к своей походной сумке, лежащей в углу комнаты. На самом дне, бережно завернутый в непромокаемую ткань, лежал физический оригинал черной книги — материальное доказательство того, с чего началось крушение империи лжи. Он проверил застешки, убедился, что ноутбук полностью очищен от временных файлов, и накинул на плечи куртку.

Ему нужно было двигаться дальше. Менять укрытие, искать новые каналы связи, продолжать документировать преступления системы, чтобы ни один из тех, кто отдавал преступные приказы, не смог уйти от грядущего суда.

Студент-юрист толкнул тяжелую входную дверь подъезда и вышел на улицу. Морозный весенний воздух ударил в лицо, наполняя легкие обжигающей свежестью. Никита поднял воротник, сливаясь с утренней толпой спешащих на работу людей. Он шел уверенным, ровным шагом, растворяясь в городском пейзаже, но зная наверняка: тьма, десятилетиями укрывавшая эту землю, уже дала трещину, и свет, пробившийся сквозь нее, было невозможно погасить.